

ISSN 2072-8557

В

ЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Юриспруденция

№1/2010

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
«JURISPRUDENCE»

№ 1

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Director of MSRU Press, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «Jurisprudence»:

Golyshev V.G., Candidate of Jurisprudence, Associate Professor (editor-in-chief)
Bayer B., Honorary professor of MSRU (Germany, Sankt Augustin)
Klychnikov V.M., Candidate of Jurisprudence, Associate Professor (deputy editor)
Marchenko M.N., Doctor of Jurisprudence, Professor
Grinenko A.V., Doctor of Jurisprudence, Professor
Podshibyakin A.S., Doctor of Jurisprudence, Professor
Nikitin A.N., Doctor of History, Doctor of Jurisprudence, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «JURISPRUDENCE». –
№ 1. – M.: MSRU Press, 2010. – 112 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors is periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010

© MSRU Press, 2010

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

№ 1

**Москва
Издательство МГОУ
2010**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»:

Гольшев В.Г. – кандидат юридических наук, доцент, ответственный редактор
Байер Б. – почетный профессор МГОУ (Германия, г. Санкт-Аугустин)
Клычников В.М. – кандидат юридических наук, доцент, зам. отв. редактора
Марченко М.Н. – доктор юридических наук, профессор
Гриненко А.В. – доктор юридических наук, профессор
Подшибякин А.С. – доктор юридических наук, профессор
Никитин А.Н. – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – № 1. – М.: Изд-во МГОУ, 2010.
– 112 с.

“Вестник МГОУ” (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., с.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010
© Издательство МГОУ, 2010

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 336.763.3

Абдулкадыров С. С.

ОБЛИГАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной научной статье автором рассматриваются исторические аспекты возникновения и развития облигаций в мире, а также особенности становления и развития облигаций в России.

Ключевые слова: история, облигации.

В экономической литературе облигация определяется как долговое обязательство, в соответствии с которым заемщик гарантирует кредитору выплату определенной суммы по истечении определенного срока и выплату ежегодного дохода в виде фиксированного или плавающего процента [1, 379]. Другими словами облигация – это ценная бумага, удостоверяющая имущественные (вещные) права инвестора и обязательственные права эмитента, основанные на отношениях договора займа между заимодавцем и заемщиком по поводу номинальной стоимости этой ценной бумаги и процента от этой стоимости или иного имущественного эквивалента. Являясь ценной бумагой, облигация выполняет функцию привлечения денежных средств с фондового рынка [2, 3].

История возникновения облигаций уходит своими корнями во времена существования банковских билетов (нот) – банкнот, которые принято связывать с деятельностью итальянских банков середины XVII века. Вместе с тем некоторые ученые отмечают, что в Европе банкноты существуют с 1215 г. Банкноты формулировались как приказы банков самим себе об уплате их предъявителям «ходячею монетою» определенной, круглым числом означенной в них, денежной суммы. Развитие банкнот, однако, пошло в ином направлении: благодаря своей легкой разменности на полноценные деньги, а также тому обстоятельству, что они пишутся преимущественно на круглые суммы, банкноты вскоре стали заменителями денег — первоначально денежными суррогатами, а затем и бумажными деньгами (paper money, fiat money, legal tender). С этого времени выпуск банкнот если и не сразу монополизировался государством, то, во всяком случае, ставится им под строгий контроль: возможность выпуска банкнот перестает быть элементом общей правоспособности и превращается в привилегию избранных банков, причем объем возможного выпуска определяется уже не тенденциями рынка и кредитоспособностью эмитента, а законодательными предписаниями о системе покрытия банкнот [3, 12].

Облигации же именно как ценные бумаги впервые замечаются на Антверпенской бирже, вскоре после ее учреждения, которое, как известно, состоялось в 1531 г. Первоначально это были казначейские обязательства Брюссельского государственного совета, затем — и многих других европейских городов и государей, в особенности испанских. Зарождение облигаций, таким образом совпадает с зарождением инскрипций — ценных бумаг публичных заимствований; история облигаций - это, в первую очередь, история облигаций муниципальных и государственных; лишь с XIX столетия она становится историей облигаций частных торгово-промышленных и финансовых организаций.

По мнению Г. М. Коложникова, наиболее полно изучившего историю становления

и развития облигаций, «облигация — это продукт нового времени»[4, 38]. Дело здесь не только в натуральном вотчинном укладе средневековой экономики, сравнительно позднем оформлении банков, бирж и срочных сделок — институтов, являющихся необходимыми предпосылками развития практики выпуска облигаций — но и в том, что в древнем мире и в эпоху средневековья существовало множество разнообразных заимообразных суррогатов, с помощью которых общественные образования — государственные и муниципальные, — а также их правительства и правители могли добыть необходимые для них денежные суммы. В их числе — экспроприация представителей торгового сословия; разнообразные формы налогового обременения (барщина, дань, дары, десятина, оброк, отработки, поборы, повинности, повозы, подати, поклоны, полюдье, почести, пошлины, работы, сборы и т. п.); публичные приказы об оплате долгов; поступления от торговли регалиями, чинами и должностями; наконец, принудительные займы, да и последние, нередко были сопряжены с последующим их односторонним аннулированием должником, особенно — при смене правительств.

Лишь по мере оформления начал автономии личности и неприкосновенности ее частной личной и имущественной сферы для публичного вмешательства, по мере осознания гражданско-правовой природы всякого займа, в том числе и с участием публичного образования, и, наконец, того, что участвуя в гражданских правоотношениях, государство утрачивает возможность пользоваться своими публичными «мускулами», приходит понимание несостоятельности (незаконности и нецелесообразности) произвольного властного (приказного) изъятия имущества у частных лиц. Сначала государи отказываются от наиболее выпуклых, крайних мер такого изъятия; затем — сокращают практику применения принудительных займов, а сохраняющимся случаям такого применения пытаются дать хоть какое-нибудь юридическое объяснение и обоснование [5, 38]. Наряду с такими принудительными займами все большее значение и объемы приобретают публичные добровольные займы; наконец, постепенно такие займы почти повсеместно вытесняют принудительные.

Первые публичные добровольные займы оформлялись весьма необычным для настоящего времени образом. Граждане, готовые дать займы публичному образованию, — государству или городу — объединялись в организацию заимодавцев, подобную товариществу, но, вероятно, без самостоятельной юридической личности и с избираемым общим представителем для ведения внешних дел. Этот представитель и осуществлял мобилизацию средств, которые затем передавал заемщику. В удостоверение доли участия (лоса) в общей сумме займа и вытекавших из этого факта прав представитель выдавал заимодавцам документы, в Генуе называвшиеся *luoghi* — однородные именные бумаги, гласившие на круглые суммы и способные к отчуждению. Документы эти могли принадлежать только членам организации, но и между ними не имели свободного хождения: единственным основанием перемены личности управомоченного становилась его смерть, с наступлением которой доля участия умершего как бы прирастала к долям переживших кредиторов и распределялась между ними поровну, либо пропорционально размеру принадлежавших им долей. В конце концов все участие концентрировалось в руках одного, всех пережившего, заимодавца. Такие займы назывались в часть неаполитанского банкира Лоренцо Тонти - тонтинами. Ясно, что прототипами облигаций эти документы можно считать лишь с большой натяжкой; было бы гораздо легче и естественнее усмотреть в этих бумагах аналог современного инвестиционного пая, если бы тот выпускался в документарной форме.

Современную облигационную форму приобретают лишь публичные займы конца XV — начала XVI столетия; осуществляются таковые уже не итальянскими, а немецкими, бельгийскими и голландскими городами; как правило — под обеспечение ипотекой

городского имущества или круговой порукой граждан. Факт участия каждого конкретного гражданина в займе удостоверяется первоначально именными записями об участии в городских долговых книгах, а затем — долговыми документами городов, имеющих статус ордерной бумаги или даже бумаги на предъявителя. Именно они под наименованием казначейских обязательств (англ. — «exchequer bills») и составляют главный предмет биржевого оборота XVI и XVII вв. Параллельно развиваются тонтинны и широко распространяются сконструированные по их образу и подобию рентные займы, но заключаемые уже с конкретными лицами, а не с организациями заемщиков (впервые к долгосрочным рентным займам обращается Англия в 1692-1694 гг.). В следующем, XVIII столетии практика выпуска городских, а затем и государственных облигационных займов приобретает общеевропейские масштабы. За счет поступлений от продажи облигаций финансируются, главным образом, непроизводительные и требующие длительного срока окупаемости расходы — военные, по строительству дорог, по городскому благоустройству и т.п.

Возникновение облигаций частных лиц — торгово-промышленных товариществ, в первую очередь — акционерных, как явления массового, относится лишь к середине XIX века [6, 181] и вызвано, главным образом, необходимостью финансирования постройки железных дорог, горной и горнозаводской промышленности, предприятий энергоснабжения, коммунального (городского) благоустройства, транспорта и связи, текстильной и, как это ни странно, пивоваренной промышленности. Такие облигации первоначально имели форму бумаг, гарантированных правительством страны-резиденции общества-эмитента, и лишь к концу XIX в., с установлением сперва уставных, а затем и законодательных условий и ограничений выпусков корпоративных облигаций, последние полностью утрачивают связь с публичным образованием и получают вполне самостоятельное юридическое значение [5, 42]. Параллельно получает распространение и развитие практика выпуска ипотечных облигаций землевладельцев, а также государственных и коммерческих банков (закладных листов) — облигаций, обеспеченных залогом недвижимости, в первую очередь — земельных участков.

К этой же эпохе — второй половине XIX в. — относятся первые попытки нормативной регламентации выпуска облигаций, сначала — их конкретных выпусков, а затем — определенных видов облигаций (ипотечных, железнодорожных и, наконец, не обеспеченных). Первые нормы облигационного права касаются, главным образом, соотношения общего объема выпуска облигаций со стоимостью специально предоставляемого под них обеспечения, условий выпуска облигаций, не имеющих специального обеспечения и очередности требований держателей облигаций одного эмитента, но различных выпусков. В большинстве стран по этим вопросам принимаются отдельные законы (в Англии в 1865 и 1870 гг., в Австрии — в 1874 г., в Венгрии — в 1876, в Испании — в 1891, в Германии — в 1899 и во Франции — в 1901 г.); в Швейцарии постановления по этим вопросам включаются в Гражданское уложение 1907 г. Существовала также группа законов о железнодорожных облигациях; наконец, отрывочные постановления об облигациях вообще, в целом, частных облигациях как инвестиционных ценных бумагах, помещаются во вновь принимаемые гражданские уложения (Италии 1882 г., Испании 1885, Румынии 1887, Аргентины и Португалии 1888, Болгарии 1898 гг.), а иногда становятся предметом регламентации отдельных законов (как, например, в Бельгии 1873 г., Бразилии 1882 г., Мексики и Норвегии 1897 г., Германии 1899 г.) [5, 49].

Общие тенденции развития института облигаций оказались в полной мере присущи и дореволюционной России. Первоначально это были облигации государственные — сначала бездоходные, в форме ассигнаций 1769 г., и лишь начиная с 1810 г. — классические доходные (процентные) ценные бумаги, главным образом — на предъявителя. Первые облигации российских частных компаний — это закладные листы земельных банков

[7, 221] (Pfandbrief) и облигации железнодорожных акционерных обществ, в том числе — гарантированные Правительством; «облигационный капитал едва зарождающихся в период 1799-1881 гг. торгово-промышленных акционерных обществ совершенно тонет в это время в массе закладных листов и железнодорожных облигаций. ... В то время, как у железнодорожных обществ и особенно у земельных банков, в силу особого характера их деятельности, облигационный капитал значительно превосходит собою акционерный, у торгово-промышленных предприятий он далеко уступает ему» [5, 123]. И лишь после некоторого затишья в экономическом развитии России, приблизительно с 1888 г., облигации торгово-промышленных компаний начинают приобретать некоторое, более-менее весомое практическое значение. Уже к 1899 г. величина их облигационных капиталов практически сравнялась с величиной капиталов акционерных. Затем вновь следует кризис 1900-1903 гг., затем проходит некоторое время, в течение которого преодолеваются последствия кризиса и, наконец, примерно с 1908 г. начинается новое оживление русской торгово-промышленной активности, сопровождающееся существенным ростом числа и сумм частных облигационных займов. «Годы оживленного акционерного учредительства были вместе с тем годами и усиленного выпуска облигаций» [5, 130]. Промышленный подъем и параллельно ему протекающий процесс развития облигационной практики продолжались вплоть Октябрьской революции 1917 г., в том числе и в годы Первой Мировой войны, когда внутренние облигационные займы стали служить важнейшим источником средств для сохранения конкурентоспособности российских компаний и пополнения российского государственного бюджета.

Октябрьская революция на некоторое время сворачивает обращение как самих облигаций, так и всех иных бумаг облигационной природы [8]. В советское время обращались почти исключительно государственные, а вплоть до середины 20-х гг. — также и муниципальные облигации; о практике выпуска облигационных займов советскими юридическими лицами, действовавшими на территории России — ни акционерными обществами, ни унитарными предприятиями — нам практически ничего не известно.

Лишь в эпоху перестройки законодатель, а вместе с ним и участники экономического оборота, вновь возвращаются к идее облигационных займов. Выше мы уже неоднократно упоминали о нормах Законов СССР о госпредприятиях 1987 г., о кооперации 1988 г., о предприятиях 1990 г. и Основ законодательства об аренде 1989 г., которые предоставляли право организациям соответствующих форм привлекать денежные средства (финансовые ресурсы) под выпускаемые ими ценные бумаги. Указание на такую цель выпуска ценных бумаг не оставляет никаких сомнений, что под ними имелись в виду, в первую очередь, именно облигации [9, 356].

В заключение данной научной статьи можно сделать вывод, что история становления и развития облигаций до сегодняшнего момента так и не получила сколько-нибудь широкого распространения. Тому имеются как юридические причины, так и экономические факторы, основным из которых является общая, макроэкономическая нестабильность, приводящая к неблагоприятному инвестиционному климату. Незначительная доля свободных денежных средств у большинства населения, посеянное среди граждан недоверие к облигациям государственным и, наконец, неуверенность предпринимателей в своем завтрашнем дне побуждают потенциальных инвесторов отказываться от практики вложения средств в облигационные займы, которые, по своей сути, являются формой, как правило, средне- и долгосрочного заимствования. Названные факторы, помноженные на недобросовестное поведение большинства российских предпринимателей и вызываемое этим фактором их взаимное недоверие, а также — на высокую сложность, длительность и капиталоемкость публичного оформления облигационных займов, лишают таковые своей экономической привлекательности как для заемщиков, так и для займодавцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фондовый портфель. (Книга эмитента, инвестора, акционера. Книга биржевика. Книга финансового брокера) / Отв. ред. Ю. Б. Рубин, В. И. Солдаткин. М., 1992.- С.127. Рынок ценных бумаг и его финансовые институты: Учебное пособие / Под ред. В.С. Торкановского, СПб., 1994.- С. 74; Финансы / Под ред. Н.В. Колчиной. - М., 1998.
2. Балакирев Н.Н. Давиденко Л.П. Облигации в системе рыночных отношений Российской Федерации: Учебное пособие. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008.
3. Вайденгаммер Ю. А. Банк и его операции. Изд.-е 3-е. М., 1923.
4. Колоножников Г. М. Облигации торгово-промышленных акционерных товариществ: Условия выпуска облигаций. Ч. 1. - Томск, 1912.
5. Колоножников Г. М. Указ. соч.
6. Нересов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. – М.: Университетская типография, 1889.
7. Таранкова В. И. Ценные бумаги государства Российского. - М., Изд. Тольятти, 1992. С. 520-538, 541-548, 551-552.; Бумажные денежные знаки России и СССР.
8. Об аннулировании государственных займов: Декрет ВЦИК РСФСР от 21 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 27. Ст. 353; Об аннулировании государственных процентных бумаг: Постановление СНК РСФСР от 26 октября 1918 г. // Там же. № 79. Ст. 834; О запрещении устройства лотерей: Декрет СНК от 19 декабря 1918 г. // Там же. № 98. Ст. 1003; О прекращении платежей по купонам и дивиденда: Декрет СНК РСФСР от 23 декабря 1918 г. (5 января 1919 г.) // Там же. 1919. № 13. Ст. 185; О конфискации акционерных капиталов бывших частных баков: Декрет СНК РСФСР от 21 января (3 февраля) 1919 г. // Там же. № 19. Ст. 295; Об аннулировании государственных займов: Декрет СНК РСФСР от 21 января (3 февраля) 1919 г. // Там же. № 20. Ст. 297; О прекращении принятия в залог аннулированных процентных бумаг: Декрет СНК РСФСР от 16 апреля 1919 г. // Там же. № 32. Ст. 422. О регистрации акций и облигаций: Декрет СНК от 18 апреля 1919 г. // Там же. Ст. 420.
9. Белов В.А. Указ.соч.

S. Abdulkadyrov

BONDS: HISTORICAL ASPECT

Abstract. At the given scientific article the author considers historical aspects of occurrence and development of bonds in the world, and also features of becoming and development of bonds in Russia.

Key words: history, bonds.

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФАБРИКАНТАМИ И РАБОЧИМИ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье разбираются предложения царской бюрократии по правовому урегулированию взаимоотношений фабрикантов и рабочих как одной из предпосылок к созданию новой отрасли права – трудового права.

Ключевые слова: фабриканты, рабочие, правила, договор, жалобы, нарушения.

Отмена крепостного права способствовала бурному развитию капитализма в России. Становление капиталистической формации сопровождалось не только количественным и качественным ростом производительных сил и производства, но и формированием нового правосознания. Значительная часть московских фабрикантов не соответствовала требованиям времени. Стремление к быстрому обогащению побуждало «предприимчивых» фабрикантов в своей повседневной деятельности идти на обман, подкуп, жульничество. Это было обусловлено как их личными представлениями о способах получения прибыли, так и уровнем профессиональной подготовки.

Трудности вхождения в новую систему отношений были вызваны тем, что в губернии большинство фабрик являлись текстильными и не требовали квалифицированной рабочей силы. Поэтому в процессе производства рабочий полностью находился во власти фабриканта. Фабрикант смотрел на рабочего как на бывшего крепостного и вел себя по отношению к нему как помещик, выдавая себя за благодетеля, не дающего рабочему умереть с голоду, или за хорошего отца, заботящегося о своих нерадивых детях. Но «благодетели» или «отцы» создавали невыносимые условия труда и быта «детей»: существовали продолжительный рабочий день и низкая заработная плата; огромные штрафы, превышавшие иногда месячный заработок рабочего; произвольные вычеты за продовольствие; плохие производственные и бытовые условия. Не выплачивались пособия по временной нетрудоспособности или по инвалидности. И как следствие: взаимная неприязнь.

Взаимные претензии работодателя и рабочих не могли быть решены в суде. Хождение рабочих в суд требовало времени и расходов «на харчи». Жалобщиков, даже если суд признавал их требования справедливыми, быстро увольняли с работы. Судьи, при всем своем желании добросовестно отнестись к своим обязанностям, не могли разобраться в тех сложившихся по обычаю порядках на различных фабриках. Главной же причиной неэффективности суда являлось отсутствие единого общеимперского закона с условиями найма.

Уездные исправники выявили несколько причин недовольства рабочих, но важнейшей была та, что при найме рабочего на работу с ним не заключался договор найма в письменной форме и не выдавалась расчетная книжка. Чаще всего договор заключался на словах и ни к чему практически не обязывал фабриканта. В силу этого хозяин увольнял рабочего в любое время; снижал размер заработной платы рабочих до истечения срока найма и не соблюдал срок её выдачи; расплату с рабочими производил не кредитными билетами, а товаром, купонами, суррогатами денег; вводил огромные штрафы, превышавшие иногда заработок рабочего за месяц; делал произвольные вычеты за получение в счет зарплаты продуктов питания в фабричной лавке. Зная об этом, московский

губернатор, князь А. А. Ливен в 1871 г. составил записку министру МВД А. С. Тимашову с предложениями по изменению ситуации. В частности, он указал, что «...многие из сторон нашей фабричной жизни остались нетронутыми законами» и «... вызывают у нас насущную, ничем не заменимую потребность в учреждении такой же фабричной инспекции, которая, следя за непременным исполнением закона на фабриках, обогащала бы правительство вместе с тем сведениями, которые оказались бы нужными для направления нашей промышленности и нашего фабричного дела» [1]. Одним словом, кн. Ливен хотел бы иметь законодательство в соответствии с требованием времени и желал бы учредить в Московской губернии особую комиссию для подробнейшего и точнейшего изучения фабричного вопроса с установлением института фабричной инспекции.

Запиской Ливена заинтересовался император и дал поручение представить более подробные сведения [2]. В архиве сохранились соображения московского губернатора о комиссии и планах её деятельности. По мнению князя Ливена, комиссию стоило бы образовать в виде опыта на три года под председательством Московского губернатора из чиновников МВД, Министерств финансов, юстиции и народного просвещения. Район действия комиссии следовало бы ограничить г. Москвой и Московской губернией.

Комиссия, не касаясь вопроса об условиях найма между фабрикантами и рабочими, должна была сосредоточить всю свою деятельность на организации следующих вопросов:

- открытие школ на фабриках и заводах;
- условия труда рабочих с точки зрения санитарной части;
- устройство ссудно-сберегательных касс.

Решения комиссии должны иметь законную силу, и их неисполнение вело к административной ответственности. Успешная деятельность комиссии возможна только при организации института фабричной инспекции, которую намечалось образовать из четырех инспекторов на губернию с подчинением их губернатору. Содержание инспекторов должно составлять 2.200 руб. в год каждому. Задачами инспекторов являлся сбор на местах материала по фабричному вопросу; наблюдение за исполнением обязательных распоряжений комиссии и поиск совместно с фабрикантами легчайших способов к устранению на фабриках всего того, что может принести какой-либо вред общественному развитию, здоровью и спокойствию. О замеченных недостатках инспектор составлял акт, имевший силу судебного доказательства. Свою деятельность фабричный инспектор должен начать с изучения детского труда в губернии [3].

Комиссия по осмотру фабрик и заводов была создана в конце 70-х годов XIX века при Московском генерал-губернаторе и состояла из различных специалистов, занимавшихся изучением рабочего вопроса. Юристы изучили рабочее законодательство передовых стран Европы и возможность его применения в России; врачи исследовали санитарные условия труда и быта рабочих; экономисты изучали причины, влияющие на эффективность рабочей силы; педагоги — влияние производства на нравственное и духовное развитие подрастающего поколения. Многие из фабрикантов, следуя рекомендациям комиссии, устраивали школы или училища для обучения неграмотных подростков; создавали фельдшерские пункты, аптеки и даже больницы для лежащих больных. В фабричных казармах появились отдельные помещения для женщин и малолетних рабочих.

Меры к тому, чтобы заставить фабрикантов и рабочих действовать в рамках правового поля, одним из первых предпринял Московский обер-полицеймейстер генерал А. А. Козлов. Им были утверждены правила внутреннего распорядка на фабриках и заводах в г. Москве. В основу правил вошли следующие положения: обязательная выдача рабочему расчетной книжки, в которой прописаны срок найма, плата и другие условия, определяющие взаимные обязанности и права обеих сторон. Определены проступки, за

которые хозяин мог налагать взыскание, — за прогул, опоздание и неисправную работу. Опоздание на работу более 15 минут считалось прогулом, а отсутствие в течение рабочего дня равнялось трехдневному прогулу. Те, кто заводил кулачные бои, игру в орлянку и карты на деньги и вещи, а также приносил в заведение вино и употреблял бранные и неприличные слова, подвергались взысканиям по приговору судебной власти. Фабрикантам запрещалось изменение платы до истечения срока найма и выдача её купонами и товарами; нарушившему этот пункт правила грозил штраф до 15 рублей на основании статьи 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Рабочие обязаны ходить по воскресеньям и в праздничные дни в церковь. Виновные в неисполнении данного пункта подвергались взысканию в размере десяти копеек в пользу бедных и больных фабрички. Никакое требование рабочих к их хозяину не может сопровождаться забастовкою или стачкою. Жалобы со стороны рабочих на хозяина подаются местной судебной власти [4]. С правовой точки зрения слабость правил заключалась в том, что не проработаны вопросы сроков выплаты заработной платы и вычетов, порядка прекращения и расторжения договора найма. Кроме того, слабость означенных правил заключалась в отсутствии института контроля над ними. В правилах присутствовали нравственные и культурные аспекты, ничего общего не имевшие с наймом наемной силы, но позволявшие воспитывать культуру производства у рабочих.

В начале 1884 г. при Московском обер-полицеймейстере была учреждена временная комиссия по фабричным делам. Комиссию возглавлял московский обер-полицеймейстер, и в её основной состав входили чиновники из МВД, министерств финансов, юстиции, врач и архитектор. Её главнейшую обязанность составляло попечение о поддержании надлежащего порядка на фабриках и заводах. Для чего комиссии предоставлялось право издавать обязательные постановления, касающиеся соблюдения на фабриках и заводах надлежащих условий помещения и продовольствия рабочих. Предохранения их от несчастных случаев и оказания врачебной помощи; принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между хозяевами и рабочими, а главное - надзор за исполнением со стороны фабрикантов, заводчиков и рабочих законов и обязательных постановлений фабричной комиссии. Пожелания кн. Ливена стали претворяться в жизнь [5].

В мае 1881 года московский генерал-губернатор Долгоруков В. А. передал московскому городскому голове составленный по его распоряжению проект правил для хозяев и рабочих с целью передачи этого проекта на рассмотрение в комиссию по составлению обязательных для городских жителей постановлений при Московской городской думе. В середине декабря 1882 г., рассмотрев проект и составив по нему доклад, комиссия довела до сведения генерал-губернатора следующее: во-первых, без коренного изменения закона никакое улучшение в этом деле, по её мнению, невозможно (имеется в виду Устав о промышленности фабричной и заводской в ред. 1879 г.- Ю.В.); а, во-вторых, обсуждение Думою правил, не имеющих характера обязательных постановлений, едва ли может принести практическую пользу [6]. По всей видимости, проект правил носил рекомендательный характер.

Издание закона «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. изменило ситуацию. На основании ст. 15 «а», «б» закона генерал-губернатор мог «издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка» и «устанавливать за нарушение таковых обязательных постановлений взыскания» [7].

С 1 января 1885 г. стали действовать утвержденные генерал-губернатором кн. Долгоруковым взаимные обязательства фабрикантов и рабочих в Москве, а с 1 апреля — в Московской губернии. Как отмечалось выше, московский губернатор кн. Ливен, заботясь о рабочих, в своих проектах основное внимание уделял гигиене производственных и жи-

лых помещений, снижению травматизма, обустройству школ и созданию ссудных касс для рабочих, в новых правилах основу составляли условия найма между фабрикантами и рабочими.

Многие положения взаимных обязательств более детализированы, чем это было в постановлении московского обер-полицеймейстера Козлова. При поступлении на работу хозяин обязан с каждым поступающим к нему рабочим заключить установленным (нотариальным) порядком письменное условие или снабдить его расчетной книжкой, *не позже семи дней при поступлении на работу*. Определен порядок его прекращения – *в случае поступления рабочего на военную службу или привлечения его по делам следственным и уголовным — и расторжения по причине невыполнения рабочим своих обязанностей, а также вследствие его дурного поведения*. Для этого хозяин обязан объявить рабочему за две недели до отпуска и удовлетворить заработанными деньгами по условию. Хозяин *не имел права изменять условия договора*, в частности, требовать другой работы от рабочих, для которой они наняты, или понизить плату, количество рабочих дней и рабочих часов. Владелец не имел право налагать на рабочих других взысканий, кроме денежных, *и только за прогул и причинение ему имущественного вреда и нарушение правил внутреннего распорядка*. До истечения договорного срока без согласия хозяина *рабочему запрещено оставлять рабочее место и требовать повышения заработной платы*, а также принуждать хозяина к изменению условий найма *при помощи забастовок*. Хозяин заведения мог иметь лавку, цены в которой не должны превышать цен существующих в той же местности, а рабочие, по своему желанию, могли приобретать необходимые товары и продукты.

В правилах внутреннего распорядка предприятий в г. Москве и губернии обязательно должны быть указаны: *точные сроки расчетов с рабочими; размеры взысканий за прогулы, порчу изделий и за нарушение правил внутреннего распорядка; расписание часов начала и окончания работы, количество и продолжительность перерыва для отдыха, завтрака и обеда рабочих и окончания работ под воскресные и праздничные дни, как для взрослых, так и особо малолетних; расписание праздничных и высокотожественных дней, в которые на фабриках и заводах не полагается работы; порядок и продолжительность отлучек рабочих с фабрики или завода в будни и праздничные дни; прием рабочими посторонних людей на фабриках; указание мест, куда не дозволяется приносить вино; предосторожности при обращении с машинами, огнем и т.п.* Такие правила принимаются в основание при разбирательстве споров между хозяевами и рабочими.

Виновные в неисполнении сих постановлений хозяева фабрик и заводов подлежат денежному штрафу до 500 руб. или аресту до трех месяцев, а рабочие — аресту до трех месяцев [8].

В постановлении есть слова и выражения, которые могли толковаться произвольно, например, «прогул», «дурное поведение». И тем не менее владельцы предприятий и рабочие получили законодательно установленные права и обязанности, основания для защиты своих прав в случае их нарушения. Власти надеялись, что эти правила прекратят произвол промышленников как более сильной стороны. Случилось ли это? Ответ дали архивные источники.

Рапорты и донесения жандармских офицеров, сообщавших по долгу службы своему начальству о волнениях рабочих в Московской губернии, пестрили примерами о нарушении фабрикантами обязательных постановлений Московского генерал-губернатора от 1 апреля 1885 г. Очень часто в этих сведениях фигурируют фабрика Коншина в г. Серпухове, фабрика Полякова А. Я. в деревне Щелково Борогодского уезда, Реутовская мануфактура Московского уезда, Богородско-Глуховская мануфактура и другие.

6 марта 1885 г. уволенные рабочие с фабрики М. Н. Щербакова в Москве подали

прошение генерал-губернатору кн. В. А. Долгорукову о взыскании с последнего заработанных ими денег. Фабрикант отказал им от работы, а «так как по безграмотству нашему нам были выданы такие книжки, в которых условия найма не совсем обозначены, то мы поставлены в невозможность взыскать следуемые нам деньги судебным порядком», т.е. нарушение § 7, 23 обязательных постановлений. Деньги рабочие получили, но отказались принять расчет и учинили беспорядки [9].

В мае 1886 г. волоколамский уездный исправник доносил московскому губернатору, что содержатели бумаго-ткацких фабрик, крестьяне Волоколамского уезда С. Н. Комаров и И. К. Антипов не представили расписания распорядка на фабрике и цен отпускаемого ими товара. Неоднократно принуждали рабочих брать вместо денег товар по ценам выше существующих на местных рынках. Уездный исправник предложил оштрафовать владельцев, которые нарушили § 23 обязательных постановлений [10].

Московский губернатор сообщал Московскому генерал-губернатору от 26 мая 1886 г., что ему серпуховской уездный исправник, а затем начальник МГЖУ довели до сведения словесную жалобу рабочего Д. Копылова, работающего на ситце-набивной фабрике крестьянки Д. Кочетковой в с. Крюково. Суть жалобы состояла в следующем: управляющий фабрикой сын владелицы Степан Кочетков неправильно уволил Копылова с работы из-за отказа принять наложенный на него штраф в размере одного рубля, и покупки по высокой цене съестных припасов из фабричной лавки. Жалоба по дознанию подтвердилась, при чем обнаружилось: во-первых, Кочетковым действительно продавались съестные припасы дороже утвержденной таксы (нарушение § 16 — Ю.В.). Во-вторых, Копылова оштрафовали на один рубль, но штраф не был записан в расчетную книжку Копылова и не внесен в особую книгу. Об этом штрафе не вывешивалось объявление в мастерской, таким образом, предъявленное взыскание сопровождалось нарушением § 13 обязательного постановления.

Также при дознании выяснилось, что Кочетковым берется при расчете по 1 копейке с рубля за выдачу им заработка серебряною монетою, т.е. вычитается из заработка по копейке с кредитного рубля за размен на серебро. Вообще же уездным исправником замечено, что рабочие неодобрительно относятся к действиям Кочеткова и умалчивают об этом из опасения не быть опять принятыми на фабрику при наступлении нового срока найма людей. За нарушения обязательных постановлений генерал-губернатора § 13,16 от 1 апреля 1885 г. исправник просил дозволения оштрафовать на 100 руб. Д. Кочеткова [11]. Кочетков был оштрафован на 100 руб. с публикацией об этом в газете «Московские губернские ведомости».

Богородский уездный исправник в рапорте от 13 января 1886 г. сообщал Московскому губернатору о действиях фабриканта А.Я. Полякова в с. Щелково Богородского уезда. Хозяин рассчитал рабочих и выплатил им жалование с 29 декабря 1885 г. по 4 января 1886 г., обещав принять их вновь с 8 января, но обещание свое не выполнил, ссылаясь на сокращение работ на фабрике и дерзкое поведение рабочих. Исправник пришел к заключению о нарушении Поляковым своего обязательства, а потому на основании § 7 обязательного постановления он предписал приставу предложить г. Полякову принять вышепоименованных лиц на работу или же войти с ними в миролюбивые соглашения. Фабрикант отказался, но его постоянные конфликты с рабочими вынудили исправника ходатайствовать «...пред Вашим Превосходительством о наложении на него (Полякова — Ю.В.) за непринятие рабочих к себе на фабрику, согласно данным обязательствам, взыскания, т.к. иначе заставить его относиться к рабочим добросовестно не представляется возможность» [12].

В марте 1886 г. московский генерал-губернатор отправил московскому губернатору прошение рабочих фабрики купца Щепетильникова в Павловском Посаде о невыполне-

нии последним обязательных постановлений от 1 апреля 1885 г. и просил «оказать содействие» в рассмотрении жалобы. Рабочие были недовольны тем, что владелец фабрики уволил их с работы без предупреждения за две недели; заставлял брать харчи из лавки по повышенной цене и с обвесом.; не выдавал вовремя материал для работы, вследствие чего рабочие не работали по два – три дня; высчитывал по 1 рублю ежемесячно с каждого рабочего за пользование баней и прачечной.

Чиновником особых поручений московского губернатора Наськиным было произведено дознание, которое выявило следующее, что купец А.Я. Щепетильников закрыл фабрику вследствие своей несостоятельности, а из всех претензий рабочих удовлетворению по закону подлежит только одна, «... а именно: необъявление письменно рабочим о прекращении работы за две недели». Остальные, по мнению чиновника, удовлетворению не подлежали, так как никто не принуждал рабочих брать харчи из хозяйской лавки и проверить обвес невозможно, т.к. взятые одновременно товары записывались не порознь, а вместе одною цифрою, без обозначения; недостаток сырья действительно вынуждал оставаться рабочих по 2- 3 дня без работы (прогул по вине хозяина не прописан в правилах внутреннего распорядка, и оплате не подлежал – Ю.В.); ежемесячное взимание по одному рублю за пользование баней и прачечной производилось на основании правил внутреннего распорядка. Из 200 рабочих жалобу подали 10 человек, и во время дознания её поддержали еще 15 человек, остальные рабочие претензий не заявляли. Щепетильников признал свою вину и согласился уплатить деньги всем рабочим, пожаловавшимся на него [13].

Рабочий Егор Никонов пожаловался на несоблюдение обязательных постановлений на фабрике Мещерякова. Е. Никонов заявлял, что, проживая у Мещерякова и работая на ленточном производстве с октября 1885 г. по февраль 1886 г., платил еженедельно по 20 коп. за нагревание воды для чая и за кухню и беспричинно был уволен. Московский уездный исправник произвел дознание по существу жалобы. Из его рапорта губернатору выяснилось, что жалоба на крестьянина Мещерякова не подтвердилась: в Московском уезде в селе Черкизово Мещеряков имел не фабрику, а лишь кустарное производство, на котором трудились 5-6 человек. Кроме того, Е. Никонов получил расчет за пьянство [14]. Иначе говоря, кустарное производство под действие обязательных постановлений не подпадало, а расчет рабочих за пьянство производился немедленно.

Московскому генерал-губернатору жаловались не только рабочие, но и владельцы предприятий. Так, в октябре 1885 г. московские купцы А.К. Дангауер и В.В. Кайзер в своей жалобе указали на неправильное применение §7 обязательных постановлений мировым судьей Лефортовской части г. Москвы. Судья, разобрав иск рабочего Орлова к названным работодателям, нашел, что последние, уволив нанявшегося к ним на неопределенный срок рабочего без предупреждения за две недели, тем самым нарушили седьмой параграф обязательных постановлений. Ответчики доказывали о применимости норм этого параграфа лишь к срочным наймам. Судья отверг их доводы, указав, что при срочном найме рабочий знает сроки оставления места и его нечего предупреждать, а предупреждение обязательно в том случае, чтобы рабочий неожиданно не остался без работы, для чего и предусмотрен §7. Поэтому на основании статей 129, 105, 81 Уложения гражданского судопроизводства и ввиду того, что в расчетной книжке плата рабочего составляла по 1 рублю в день, судья решил взыскать с А.К. Дангауер и В.В. Кайзер в пользу Д.А. Орлова 12 руб.

Ходатайство фабрикантов оставлено генерал-губернатором без удовлетворения, так как на неправильное понимание надлежащим судом постановления, имеющего силу закона, ответчиком в установленном порядке приносилась просьба об отмене решения в высшую судебную инстанцию на основании подлежащих статей Устава гражданского

судопроизводства [15].

Анализ жалоб рабочих выявил нарушения фабрикантами в большинстве случаев § 2, 7, 10, 13, 16 и 23 обязательных постановлений, главным из которых был § 7, то есть увольнение рабочих до истечения срока найма на неопределенный срок без предварительного уведомления за две недели и выплаты заработанных денег. Наказание фабрикантам за нарушение обязательных постановлений было незначительным по сравнению с получаемой прибылью и позволяло им пренебрежительно относиться к закону. Обе стороны не отстаивали свои права в суде, а уповали на оперативность административной власти. Отсутствие правовой культуры не способствовало возникновению правового сознания у фабрикантов и рабочих. Надежды властей на исполнение фабрикантами закона - как более сильной стороны - не оправдались. Сиюминутные интересы фабрикантов закрывали им перспективу. Улучшить ситуацию могло лишь дальнейшее развитие новой отрасли права – трудового законодательства, которое отвечало бы назревшим потребностям промышленного развития, выработке социальной политики и правовой модернизации страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рабочее движение в России в 19 веке. Под ред. А.М. Панкратовой. - М., 1950. Т.2. Ч.1. - С.291-307.
2. ЦИАМ. Ф.16. Оп. 228. Д.250. Л.1, 1 об.
3. Там же. Л. 15-23, включая «оборот».
4. ЦИАМ. Ф.143. Оп.1. Д.34. Л.58.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства, изд. при правительствующем Сенате. 1884. № 30 (20 марта) ст. 236.
6. ЦИАМ. Ф.17. Оп.51. Д.134. Л. 1, 12.
7. ПСЗ. Собр.Ш. Т.1. № 350.
8. Газета «Московский листок». 1885 г. № 7 и № 21.
9. Рабочее движение в России в 19 веке. Под ред А.М. Панкратовой. - М., 1950. - Т.3. Ч. 1. - С. 349-350.
10. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.94. Л. 36.
11. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.94. Л. 28, 28 об., 29, 41.
12. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.76. Т. 1. Л. 27, 27 об., 28, 28 об.
13. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 62. Д. 102. Л. 1, 8, 8 об., 31.
14. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61 Д.100. Л.3, 5, 8.
15. ЦИАМ. Ф.16. Оп.75. Д.453. Л.1, 1 об., 2, 4, 4 об., 5, 5 об.

Y. Baranov

LEGAL MEASURES TO ESTABLISH THE RELATIONSHIP BETWEEN EMPLOYERS AND WORKERS IN MOSCOW AND MOSCOW PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Abstract. Offers of imperial bureaucracy understand clause on legal settlement of mutual relations of manufacturers and workers as one of preconditions to creation of new branch of law - the law of master and servant.

Key words: The factory owners, workers, rules, agreement, complaints, violations.

АФГАНИСТАН КАК НАРКОГОСУДАРСТВО

Аннотация. В статье дается общая характеристика наркоситуации в мире и Афганистане как государстве, в котором сосредоточено более 92% мирового производства героина. Раскрываются основные проблемы противодействия афганскому наркобизнесу.

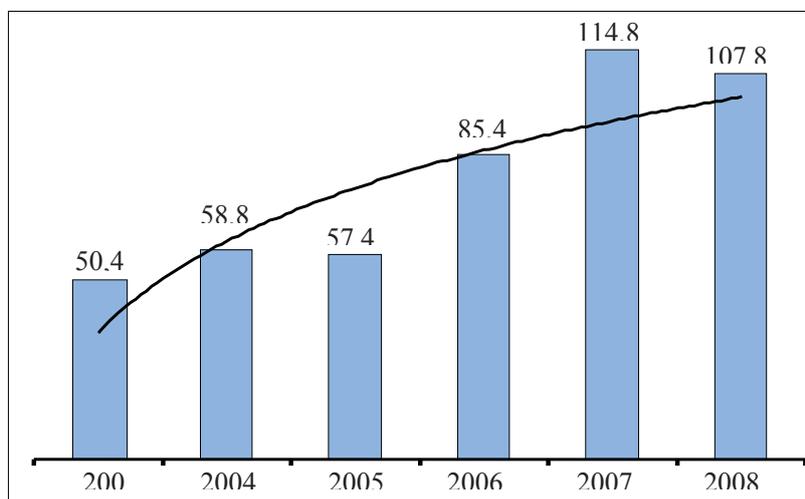
Ключевые слова: наркобизнес, наркомания, наркоситуация, наркогосударство.

Наркобизнес и наркомания – одна из глобальных проблем человечества. Международному сообществу не удастся пока переломить глобальную наркоситуацию к лучшему: в начале третьего тысячелетия (2000 г.) наркотики употребляли 180 млн. человек или 3% населения Земного шара; в 2006 году - около 200 млн. человек; в 2008 году – более 215 млн. человек или 5% населения планеты. Наркоторговля, по разным источникам, в целом оценивается в 400–500 млрд. долларов США или 8-10% всего мирового товарооборота [1].

Главным источником наркоопасности для России является Афганистан, все ощущаемее приобретающий признаки наркогосударства. Афганистан за последние 25 лет втрое увеличил производство опиума – с 30 до 92%. В настоящее время в Афганистане производится героина больше, чем когда-либо за всю историю этой страны. В результате с 2003 года Афганистан стал мировым монополистом в производстве героина.

Диаграмма 1

Динамика увеличения с 2003 года объема контрабандного поступления наркотиков опийной группы на территорию России по «северному маршруту»

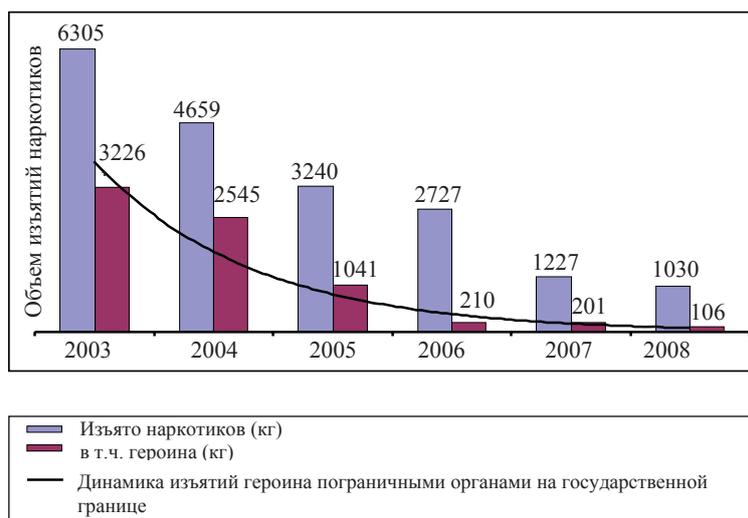

■ Объем контрабанды героина по «северному маршруту» (метрических тонн)

Однако, несмотря на имеющуюся динамику увеличения с 2003 года объема контрабандного поступления наркотиков опийной группы на территорию России по «северному маршруту», с этого же года наблюдается снижение изъятий героина пограничными органами на государственной границе России. На диагр. 2 показана динамика этого снижения с учетом изъятий наркотиков пограничными органами ФСБ России в Республике

Таджикистан с 2003 года по 2 квартал 2008 года. Данная диаграмма не является суждением о том, что деятельность пограничных органов по пресечению контрабанды наркотиков неудовлетворительна. Как видится, диаграмма говорит о том, что контрабандисты используют в большей степени новые незаконные способы переправки наркотиков, и это требует от всех органов, осуществляющих контроль на государственной границе, кардинального совершенствования взаимодействия своей деятельности.

Диаграмма 2

По оценкам Управления по борьбе с наркотиками и преступностью Организации Объединенных Наций (УНП ООН), начиная с 2006 года ситуация в Афганистане ухудшилась. Не получив обещанной помощи в развитии традиционного сельского хозяйства от правительства страны, афганские крестьяне вернулись к культивированию опиумного мака, в результате чего площадь маковых полей увеличилась по сравнению с 2005 г. более чем в полтора раза и составила 165 тыс. га. Выращиванием опиумного мака занимаются более 3 млн. человек, и эта цифра неуклонно растет. Уничтожение посевов мака вызывает озлобление и противодействие местного населения. Попытки склонить крестьян к переходу на другие сельскохозяйственные культуры (на эти цели США в 2004-2005 гг. выделили 150 млн. долларов) практически провалились, т.к. доходность от наркопосевов несравненно выше. Талибы, противостоя международным силам, всячески поощряли выращивание опиумного мака на контролируемых ими территориях, достигая, таким образом, укрепления своего влияния [2].

В 2006 году из собранного на этих плантациях урожая произведено 6100 тонн опия-сырца (в героиновом эквиваленте - 610 тонн). По сведениям ФСКН России, урожай афганского опиумного мака в 2007 году вырос до 8200 тонн [3] (в героиновом эквиваленте - 820 тонн). По мнению директора ФСКН России В.П. Иванова, Афганистан стал абсолютным лидером наркоиндустрии, производя почти 93 % всех опиатов в мире [4].

Несмотря на рост объемов изымаемых в России наркотиков, из Афганистана в Россию контрабандно ввозится и потребляется гражданами нашей страны не менее 12 тонн героина. 12 тонн чистого героина - это 3 миллиарда разовых доз (!) [5]. Последствия этой мощной героиновой интервенции поражают. Ежегодно в России от употребления наркотиков умирает более 30 тыс. человек. Это почти в 2 раза больше, чем мы имели безвозвратных потерь в афганской войне за более чем 10 лет ведения активных боевых действий [6].

За последние годы Афганистан инвестировал в другие страны объемы денежных средств (поступивших от наркотиков), превышающие объемы полученной зарубежной помощи. По данным экспертов УНП ООН, прибыль от продажи опиатов равна 2,8 млрд. долларов США в год, что составляет около одной трети валового национального продукта Афганистана. По данным ФСКН России, на 16.09.2008 г. сами афганские наркопроизводители получают доход порядка 4 миллиардов долларов США. В то же время международная наркомафия реализует этот героин по всему миру, по самым скромным подсчетам, на сумму свыше 100 млрд. долларов США [7].

Наркобизнес чувствует себя настолько уверенно, что в течение последних пяти-семи лет производство героина было освоено на крупных фармацевтических предприятиях в Пешаваре (Пакистан) и Джелалабаде (Афганистан), не говоря уже об огромных нарколабораториях, способных перерабатывать десятки тонн опийного сырца в сутки (таких лабораторий сегодня насчитывается более 400). По имеющимся на конец 2008 года данным, на складах в Афганистане хранилось от 1000 до 3000 тонн чистого героина (как «страховой фонд») для демпфирования сезонных колебаний урожая мака [8].

Если учесть, что посевы опийного мака легко заметны на спутниковых фотографиях и аэрофотосъемках, а места расположения нарколабораторий хорошо известны, то ответ на закономерно возникающий вопрос - почему мировое сообщество (прежде всего, США и Великобритания) не может здесь достичь положительных результатов, вполне очевиден: слишком высоки геополитические выгоды от сложившейся ситуации и слишком широки и глубоки *коррупционные связи транснационального наркобизнеса*.

Как идет борьба против афганского наркобизнеса? В рамках деятельности по укреплению «поясов безопасности» вокруг Афганистана с 2006 года ведутся переговоры с представителями компетентных органов государств - участников СНГ, Ирана, Китая, Пакистана, США и самого Афганистана, в ходе которых обсуждаются проблемы борьбы с контрабандой афганских наркотиков и намечаются дальнейшие шаги по совершенствованию взаимодействия в этой сфере. Следует подчеркнуть, что российская сторона твердо придерживается линии на реализацию принятых решений. Только в 2006 году на уровне высшего руководства специальных органов были проведены переговоры и встречи с представителями Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Беларуси по вопросам развития антинаркотического сотрудничества в рамках деятельности Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОГШ) государств-членов ОДКБ и формирования совместных механизмов реализации концепции создания антинаркотических «поясов безопасности» вокруг Афганистана. Одновременно были проведены консультации с представителями компетентных органов Афганистана и Ирана, на которых намечены совместные шаги по налаживанию взаимодействия в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и заключению межведомственного соглашения о сотрудничестве в антинаркотической сфере. Здесь следует подчеркнуть, что, по оценкам иранских коллег, афганское правительство не в состоянии контролировать ситуацию даже в центральных провинциях страны, не говоря уже об ее отдаленных районах, а международные силы по содействию безопасности (МССБ) в Афганистане, действующие в соответствии с мандатом ООН, не принимают каких-либо значительных мер против наркобаронов.

Одним из эффективных методов противодействия афганской наркоугрозе является проведение по инициативе ФСКН России и под эгидой Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ регулярных международных оперативно-профилактических операций «Канал», по результатам которых накоплена важная информация о маршрутах незаконных поставок наркотиков, ликвидированы крупные каналы контра-

банды наркотиков, отработаны конкретные механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов различных государств. Если на начальном этапе в международной операции принимало участие только шесть государств-членов ОДКБ (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Армения), то в 2005 г. У. уже 12 стран (к упомянутым государствам присоединились Азербайджан, Иран, Китай, Пакистан, Украина и Узбекистан), а на данный момент число стран - участниц операции выросло до 19 (прибавились США, Монголия, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Польша). В 2006 г. операция «Канал-2006» проводилась на Северном и части Балканского маршрутах афганского наркотрафика, путях доставки синтетических наркотиков из Европы в Россию и прекурсоров в государства Центральной Азии и Афганистан. Концентрация оперативных усилий на этих направлениях нанесла существенный удар по транснациональной наркопреступности. Об эффективности координации антинаркотической деятельности компетентных органов государств Центрально-Азиатского региона в рамках операций «Канал» неоднократно высказывался на международных форумах заместитель Генерального секретаря ООН - Исполнительный директор УНП ООН А.М. Коста.

Важнейшей задачей борьбы с транснациональным наркобизнесом и наркоманией является дальнейшее укрепление «поясов безопасности» вокруг Афганистана, пресечение незаконного ввоза в эту страну прекурсоров, в первую очередь-ангидрида уксусной кислоты. Для изготовления афганского героина ежегодно их требуется от 5 до 11 тыс. тонн. Отсутствие в Афганистане промышленной базы, способной обеспечивать в необходимом количестве потребности незаконных производителей наркотиков, дает основание считать, что основными источниками утечки химических реактивов в нелегальный оборот являются фирмы-посредники, закупающие сырье у законных производителей-экспортеров.

Прекурсоры могут незаконно поставляться в Афганистан через цепочку посредников из ряда государств с развитой химической промышленностью, в том числе США, Мексики, Франции, Германии, Швейцарии, Великобритании, Индии, Китая и других. Все чаще наркоторговцы выбирают для своих целей те страны, которые никогда ранее не ассоциировались с незаконным изготовлением какого-либо конкретного наркотика или с утечкой прекурсоров, о чем свидетельствует международный мониторинг оборота прекурсоров, основанный на механизме обмена предэкспортными уведомлениями между компетентными органами стран-экспортеров и импортеров и осуществляемый в соответствии с положениями Конвенции ООН 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

В этом отношении, как полагают специалисты, существенный вклад может внести активизация участия всех государств в реализации проекта «Сплоченность», который направлен на проведение мониторинга международной торговли прекурсорами, в том числе, ангидридом уксусной кислоты. Начиная с 2004 г., в рамках этого проекта на этапе планирования экспортных операций с прекурсорами ФСКН России регулярно направляет в компетентные органы иностранных государств предварительные уведомления об экспорте и осуществляет проверку информации, содержащейся в поступивших аналогичных уведомлениях, что позволяет выявлять и пресекать правонарушения в указанной сфере.

Вместе с тем только путем обмена предэкспортными уведомлениями задачу по пресечению нелегальных поставок прекурсоров в Афганистан не решить. Поэтому важным элементом проекта «Сплоченность» является установление источника утечки прекурсоров в сферу незаконного оборота. Существенную роль в этом может сыграть использование в партии прекурсоров веществ - меток, которые позволят идентифи-

цировать конкретную партию. Внедрение использования таких индикационных меток в практику деятельности правоохранительных органов всех стран-экспортеров позволит повысить эффективность контроля за оборотом прекурсоров и обеспечит возможность установления источника «утечки» подконтрольных химических веществ в незаконный оборот.

Составной частью международных усилий в поддержку афганской национальной стратегии по борьбе с наркотиками становится деятельность Союза Россия-НАТО (СРН) и его государств-членов. Эта деятельность направлена на: а) активизацию обмена информацией между государствами-членами СРН по вопросам борьбы против афганской наркоугрозы; б) реализацию совместных инициатив государств-членов СРН в области подготовки кадров антинаркотических и пограничных ведомств Афганистана и государств транзита афганских наркотиков; в) организацию конференций и семинаров по изучению возможности разработки дополнительных инициатив в рамках сотрудничества по противодействию афганской наркоугрозе.

Практическим результатом деятельности на этом направлении стала разработка и реализация при участии ФСКН России пилотного проекта Совета Россия - НАТО по подготовке кадров антинаркотических ведомств Афганистана и стран Центральной Азии. По итогам реализации пилотного проекта в рамках СРН начата работа по его трансформации в полноформатные проекты по подготовке кадров антинаркотических ведомств Афганистана и стран Центральной Азии, в том числе с привлечением к этой работе учебных центров ФСКН России (Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, расположенный в Ленинградской области, и Дальневосточный институт повышения квалификации ФСКН России в г. Хабаровске).

Таким образом, активное противодействие афганской наркоугрозе необходимо строить, прежде всего, на наиболее важном для России «Северном маршруте». Стратегическими направлениями этого противодействия должны быть: 1) создание и укрепление антинаркотических «поясов безопасности» вокруг Афганистана; 2) противодействие транснациональным преступным группировкам, занимающимся поставками и реализацией афганских опиатов и их прекурсоров; 3) создание необходимых условий для сотрудничества с компетентными органами иностранных государств и международными организациями.

Учитывая, что основные маршруты транспортировки афганских наркотиков проходят через Иран, Пакистан, страны Центральной Азии и Россию, необходимо создание многоуровневого механизма борьбы с афганскими наркотиками и укрепление антинаркотических «поясов безопасности» вокруг Афганистана. Это - главные приоритеты в международной деятельности России, осуществляемой как на двусторонней основе, так и в рамках участия в работе антинаркотических структур международных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: United Nation, Department of Public Information, «Drug trafficking and the world economy». - Janvier. - 1990; Всемирный доклад о наркотиках. (2000г., 2006г., 2008г.) (<http://www.un.org/russian/news/print-news.asp?newID=3959>, World Drug Report //United Nations Office on Drug and Crime, 2008).
2. В 2004 году правительство Хаида Карзая предложило афганским земледельцам 1250 долларов за каждый уничтоженный гектар опийного мака, в то время как скупщики сырья для нарколабораторий предлагали 16000 долларов за урожай с одного гектара (а в этих климатических условиях можно собирать по два-три урожая в год). См.: Хохлов И.И. Производство опийных наркотиков (героина) в Афганистане: инфраструктура наркобизнеса <http://www.nationalstcurity.ru/library/00021/>
3. Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на Общественном совете при ФСКН РФ 20.11.2008 г (<http://32.fskn.gov.ru/gendir/200-vystuplenie-direktora-fskn-rossii-vp-ivanova-na.html>).
4. Выступление Директора ФСКН РФ В.П. Иванова на совещании главных наркологов (<http://32.fskn.gov>).

ru/gendir/203-vystuplenie-direktora-fskn-rf-vp-ivanova-na.html).

5. Выступление Директора ФСКН России на Парламентских слушаниях 19 февраля 2009г. <http://32.fskn.gov.ru/gendir/204-vystuplenie-direktora-fskn-rossii-na.html>.
6. Worlds Drugs Report, 2008, P.53.
7. См.: Там же.
8. См.: Там же.

A. Kirsanov

BUSINESS OF DRUGS IN AFGANISTAN

Abstract. The article provides an overview of the drug situation in the world, and Afghanistan as a state in which there are more than 92% of world production of heroin. Commonsense truth problem of combating the Afghan drug business.

Key words: drug trafficking, drug addiction, drug situation, narcostate.

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Аннотация. Действующая в Российской Федерации Конституция налагает запрет на существование государственной идеологии.

Эта норма дает основание для политической и научной дискуссии по проблеме тождественности понятий «государственная идеология» и «высшие ценности государства» а также возможности и формы нормативного закрепления ценностных оснований государственности.

Игнорирование аспектов духовной и национальной ориентированности государства таит в себе потенциальную угрозу государственной целостности и национальной самобытности России.

Ключевые слова: государство, право, цивилизация, конституция, вариативность.

Действующая в Российской Федерации Конституция налагает запрет на существование государственной идеологии.

Эта норма дает основание для политической и научной дискуссии по проблеме тождественности понятий «государственная идеология» и «высшие ценности государства» а также возможности и формы нормативного закрепления ценностных оснований государственности.

В условиях глобализации часть политических элит провозглашает концепцию существования универсального наднационального права, реализующуюся через принятие различных международных хартий, закрепляющих общие принципы такого права и имеющие приоритетный по отношению к национальному праву характер.

Принятие подобных документов обосновывается представлениями о существовании естественных прав человека, имеющих абсолютный универсальный и внеидеологический характер.

Подобная посылка, однако, не умаляет верности замечания, сделанного В.И. Якуниным в статье, посвященной проблемам Российской Конституции, о том, что «в конституции игнорированы аспекты духовной и национальной, ориентированности государства, которые играют важнейшую роль в консолидации общества», и что подобное игнорирование таит в себе потенциальную угрозу государственной целостности и национальной идентичности России [3, 4].

Одним из серьезных аргументов процесса глобализации права в современном мире являются «стандарты прав человека, которые однообразно закрепляются в новых конституциях в соответствии с международными пактами о правах человека 1966 года» [2, 3].

В Современном мире насчитывается чуть более 200 суверенных государств и свыше 90% из них имеют собственные конституции. Конституция воспринимается нами как основной закон и база всей нормотворческой деятельности государства, документ, задающий принципы функционирования общества. Механическое, без детального анализа соединение этих двух фактов как будто бы позволяет сделать вывод о существовании некоего наднационального правового феномена. Но если подвергнуть это явление ретроспективному и компаративистскому анализу, станет очевидно наличие выраженной

национальной специфики не только в прошлом, но и в настоящем. За общим термином скрываются документы, весьма различные по своему смысловому наполнению.

В подавляющем большинстве стран конституция представляет собой один единый документ (т.н. консолидированная конституция). Но вот объемы этого документа разнятся существенно. Конституция Индии содержит 395 статей и вместе с приложениями представляет собой внушительную книгу объемом почти 450 страниц [4]. Напротив, Конституция Йемена содержит в себе 57 статей и легко умещается на восьми страницах [5]. Так же компактны конституционные акты Саудовской Аравии (82 статьи и 9 страниц объема) [6] и Омана (81 статья на 10 страницах) [7]. При этом вряд ли возможно говорить о существовании каких-то однозначных тенденций, связанных с региональным расположением, уровнем социально-экономического развития, чем формой правления. Нигерия – страна с очень скромным уровнем экономического развития и одним из высочайших уровней коррупции в мире, обладает, тем не менее, весьма внушительной Конституцией, содержащей 331 статью, объемом в 160 страниц [8]. Конституция Японии, содержащая 103 статьи, умещается на 14 страницах [9]. Конституция Республики Франции также невелика по объему – 131 статья на 22 страницах текста [10]. Примерно так же обстоит дело и в Норвегии. Конституция этого королевства состоит из 112 лаконичных статей, занимающих в общем 17 страниц [11]. Но этот факт не дает нам оснований связывать объем документа с формой правления. Всем хорошо известно, что конституция «ведущей демократии планеты», «единственной сверхдержавы современного мира» - Соединенных Штатов Америки состоит всего из 7 статей и вместе со всеми поправками (общим количеством 27) занимает около 20 страниц [12]. Такая же ситуация и в отношении структур этих основополагающих для национальных правовых систем документов. Говорить о наличии каких-либо значимых тенденций не приходится, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами: Конституция Нидерландов состоит из 8 глав, содержащих 142 статьи и дополнительные статьи [13]. Конституция Бельгии – 9 частей, содержащих 198 статей [14]. Конституция Аргентины состоит из преамбулы, 2 частей, разделенных на 129 статей [15]. Политическая конституция Республики Боливия состоит из 4 частей, поделенных на 224 статьи, и дополнительного положения [16]. Конституция Египта содержит конституционную прокламацию и семь глав, включающих 211 статей [17]. В то же время Конституция Королевства Марокко состоит из преамбулы и 13 глав, поделенных на 108 статей [18]. Показательным в данном случае будет пример Германии и Франции – двух соседних государств со сходными уровнем социально-экономического развития и политическими режимами. Французская конституция состоит из преамбулы, 10 разделов, включающих 89 статей, и содержит отсылки к Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и преамбуле Конституции 1945 г. [19] Основной закон Федеративной республики Германии состоит из преамбулы и 14 разделов, включающих в себя в общей сложности 146 статей [20]. Существуют и более наглядные примеры. Два из восьми государств-членов «Большой восьмерки» - клуба наиболее развитых государств мира вообще не имеют консолидированной конституции. В Канаде под Конституцией понимается свод актов, британских законов, судебных решений и т.п. Двумя основными документами считаются Акт о Британской Северной Америке 1867 г. и Акт 1982 г., установивший, что все законы в Канаде будут приниматься только канадским парламентом. В самой Великобритании конституция также не существует в виде отдельного документа и носит, как говорят специалисты «комбинированный характер». По разным оценкам, число только конституционных законов колеблется от 10 до 350.

Некоторые аспекты, относящиеся к предмету конституционно правового регулирования, вообще никак нормативно не закреплены. Существующее в Великобритании правило проводить всеобщие выборы по четвергам не имеет формально-правового закрепления и опирается исключительно на традицию.

Очевидным, не требующим развернутого комментария, является тот факт, что поли-

тические системы стран разнятся между собой и, как следствие этого, разнятся способы принятия конституций, органы конституционного контроля, способы внесения изменений в конституцию, системы формирования и функционирования органов государственной власти.

Выше мы остановились на некоторых аспектах различий формального содержания Конституций в различных странах. Приведенные примеры показывают, что под термином «основной закон» скрываются документы, серьезно разнящиеся по объему, структуре, механизмам легализации и легитимации. При этом даже в странах, лежащих в рамках одного цивилизационного ареала конструкции «основных законов» отдельных стран имеют выраженную национальную специфику. Не менее наглядно подобная тенденция прослеживается и при анализе сущностного содержания данных документов.

Рассуждая о своеобразии национальных конституций, было бы неправильно игнорировать существование объективных процессов определенной унификации конституционного строительства.

Процессы глобализации, научно-техническая революция и связанный с ней феномен глобального информационного общества многократно повысили уровень соприкосновения культур. Всё это привело к серьезным, особенно во второй половине XX века, изменениям в гуманитарной сфере, затронувшим в том числе и право. Мировое сообщество в целом достигло согласия по вопросам понимания гуманистических ценностей. Это выразилось, прежде всего, в консенсусе по проблеме определения перечня основных прав и свобод человека, закрепленном в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, разработанных под эгидой ООН в 1966 году. Не говоря уже о европейских и латиноамериканских государствах, входящих в ареал христианской культурной традиции, стандартный набор прав человека содержится, несмотря на разницу в формировании, в рамках исламской культуры и в конституциях стран исламского фундаментализма. По мнению некоторых исследователей, ситуация с правами человека является частным случаем общего сближения правовых систем, в том числе и в сфере конституционного права и связана с взаимовлиянием Запада и Востока, Севера и Юга [2, 6].

Со времен принятия Американской Конституции и Декларации прав и свобод человека и гражданина во Франции, созданных под влиянием либерально-индивидуалистической концепции, произошло расширение и качественное изменение объекта конституционного правового регулирования.

Теперь сфера конституционного права - это не только личность и власть, не только организация государства. Сегодня в этой сфере равноправными партнёрами выступают личность, коллектив, государство, общество. И в этих условиях «конституционное право сегодня регулирует основы (принципы) социально-экономической структуры общества, его политической системы и духовной жизни, обеспечивая условия для осуществления государственной власти, борьбы за неё, участия в ней социальных и иных общностей, а также личностей» [2, 27]. Именно в этих целях в конституциях мира устанавливаются основы правового положения личности, человека и гражданина.

Но равнозначна ли объективно существующая тенденция расширения объекта конституционно-правового регулирования и отказ от национальных традиций и национальной самобытности, национального суверенитета? Конечно же, нет. Например, Конституция Камбоджи, - «королевства с королём, который должен управлять согласно конституции и принципам либеральной демократии и плюрализма», содержит отдельные главы, посвященные экономике, образованию, культуре, социальным делам [21]. Но при этом с принципами «либеральной демократии» у камбоджийцев соседствуют возможность и необходимость государственного планирования добычи и переработки большинства ви-

дов природных ресурсов, возможность участия государства в ценовом регулировании на продовольственном рынке, обязательство государства по распространению и развитию Буддистских институтов [21].

Конституция народно-демократической республики Лаос, принятая в 1994 году, также содержит отдельную главу: социально-экономическая система. Среди прочих принципов в ней содержится положение об обязанности государства «развивать и расширять прекрасную традиционную культуру нации», защищать «святыни нации» [22].

Определенную разницу в понимании пределов и способов правового регулирования общественных отношений можно было увидеть и в проведенных выше примерах.

В той же Конституции Саудовской Аравии говорится: «Саудовское общество основано на принципе приверженности Божественному учению, на взаимовыгодном сотрудничестве в благодеяниях и благочестии и взаимной поддержке и единстве» [23]. А гарантированные ею права человека государство «защищает в соответствии с шариатом» [23]. К шариату как к основе законодательства отсылает нас и конституция Омана [24]. Конституция Французской республики предоставляет своим гражданам право на сопротивление угнетению [25]. Нигерийская Конституция прямо поощряет межэтнические и межрелигиозные связи [26]. А Конституция Эквадора гарантирует автономию университетов [27]. Примеров такого национального своеобразия можно приводить еще множество.

Ценностные основания государственности так или иначе закреплены во всех конституциях мира. Для выявления особенностей характеризующих специфику нормативного отражения сущностных категорий определяющих своеобразие государства мы сравним конституции стран, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам, а так же в рамках одной цивилизационной системы.

Одной из наиболее ярких индикативных ценностей высшего порядка является отношение к Богу, поэтому подобное сравнение целесообразно будет провести на примере фундаментальной проблемы взаимоотношения общества, государства и религии.

Практически все страны Центральной и Южной Америки касаются в своих конституциях вопросов веры. В Преамбуле Конституции Эквадора, по поводу ее принятия, говорится: «Республика Эквадор от имени его народа призывает защиту Бога...» [27]. По этому поводу в Конституции Сальвадора можно прочесть: «мы представители Сальвадорского народа, собранные в учредительном собрании, основываясь на нашей вере в Бога...» [28]. Парагвайцы принимали Конституцию «через своих законных представителей, собравшихся в национальном учредительном собрании, уповая на Бога...» [29], в аналогичной ситуации перуанцы действовали, «призывая всемогущего Бога» [30], бразильцы в своем основном законе писали «промульгируем под покровительством Бога настоящую Конституцию» [31], Преамбула Аргентинской Конституции гласит: «уповая на милость Господа, источника всеобщего разума и справедливости» [32].

Еще одной общей тенденцией в конституционной практике этих стран является манифестация в качестве высшей ценности «объективно братского, плюралистического общества, основанного на социальной гармонии и уважении внутреннего и международного правопорядка с разрешением разногласий мирными средствами [33]. Но помимо общих черт мы можем наблюдать и различия. В Центральноамериканских странах, при уважении к Богу, существует достаточно нейтральное отношение к церкви. Только Конституция Коста-Рики признает католическую религию официальной и Конституция Панамы говорит об обучении католической религии в школе, на принципе добровольности [34]. Никарагуанская вводит запрет на доминирование любой религии, Сальвадорская, Гондурасская и Эквадорская конституции гарантируют свободу исповедования всех религий, а Конституция Венесуэлы вообще обходит вопрос веры полным умолча-

нием. Южноамериканские страны отдают более осязаемое предпочтение католицизму. В Конституции Парагвая существует особая статья «О признании католической церкви» [35]. Статья 5 Уругвайской Конституции говорит, что хотя государство и не поддерживает никакой религии оно признает собственность католической церкви [36]. Конституция Боливии наделяет католическую церковь особой поддержкой [37]. Такое же положение и с Конституцией Колумбии, при этом только в ней есть специальный раздел «Религия и отношения между церковью и государством» [38]. Статья 2 Конституции Аргентины гласит: «Федерация исповедует римско-католическую религию» [39].

Вместе с тем крупнейшее государство региона – Бразилия не акцентирует на римско-католической церкви особого внимания, лишь наделяя ее правами юридического лица [40].

Приведенные примеры показывают, что в рамках одного цивилизационного ареала обнаруживаются как общие, так и специфические правовые черты, позволяющие говорить о возможности вариативности развития права в соответствии с национальными особенностями.

Иную парадигму развития конституционно-правового регулирования вопросов веры и вероисповедания предлагают государства, находящиеся в ареале исламской цивилизации Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии.

Все мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока вне зависимости от формы правления достаточно «агрессивно» демонстрируют приверженность исламу. Наиболее радикальная здесь - Конституция Саудовской Аравии: «Королевство Саудовская Аравия суверенное исламское государство с религией – Ислам. Коран и Сунна его Пророка... являются его конституцией» [41]. Примерно такое же положение содержится и в Иранской Конституции: «Формой правления в Иране является Исламская Республика, основанная на древней вере иранского народа в верховенство и справедливость Корана» [42]. Первая статья Конституции Султаната Оман содержит положения о том, что он - «независимое арабское исламское суверенное государство» [43]. Положение развивается в статье 2: «Религия государства Ислам, шариат основа законодательства» [43]. Сходное положение содержится в статье второй Конституции Республики Йемен [44]. Несколько иные конструкции предлагает Конституция Пакистана: «Ислам должен быть государственной религией Пакистана» [45]. Но до этого, в преамбуле конституции мы можем прочесть: «... Суверенитет во вселенной принадлежит Всемогущему Аллаху одному... Принципы демократии, свободы, равенства, терпимости и социальной справедливости должны быть полностью соблюдены так, как они изложены Исламом» [45]. Исламские государства этого региона (за исключением Саудовской Аравии и Ирана) гарантируют «свободу религиозного Самовыражения» [45], но при условии, «что это не находится в противоречии с общепринятыми правилами поведения» [46]. При этом Ислам все равно находится в привилегированном положении и его проникновение во все сферы социально-экономических отношений значительно глубже нежели в рассмотренных латиноамериканских странах (да и остальных странах мира тоже). «Народное хозяйство, - говорится в Конституции Республики Йемен, - должно быть сформировано на следующих принципах: 1. исламская социальная справедливость в производстве и социальных отношениях...» [47]. Положение о том, что «семья – ядро исламского общества, основанного на Исламской вере и повиновении Богу и его Пророку», закреплено в Конституции Саудовской Аравии [48]. Конституция Пакистана содержит специальную статью – «Исламский образ жизни» [49]: «1. Должны быть приняты меры, чтобы позволить мусульманам Пакистана индивидуально и всем вместе жить в соответствии с фундаментальными принципами и фундаментальными понятиями Ислама и должны создать условия, которые позволят им понять значение жизни согласно Святому Корану и Сунне. 2. Государство

должно стараться, поскольку уважает мусульман Пакистана: а) сделать изучение Святого Корана обязательным, поощрять и облегчать изучения арабского языка, обеспечивать правильную и точную печать и публикацию Святого Корана; б). поддерживать единство и соблюдение Исламских моральных стандартов; с). Обеспечивать надлежащую организацию сбора религиозных налогов...» [50]. Особняком в этом ряду стоит Исламская Республика Иран. Конституция этой страны представляет собой сложный симбиоз принципов исламского фундаментализма и демократии с восточной спецификой. Практически все статьи этого документа так или иначе связаны с вопросами веры. Наглядным примером является выдержка из статьи 2: «Исламская Республика – это система, основанная на вере в: 1. Одного Бога («нет Бога, кроме Аллаха»). 2. Божественное откровение и его основополагающую роль в разработке этих законов. 3. Возвращение к Богу в дальнейшем и конструктивную роль этой веры в ходе восхождения человека к Богу»... [51] Иранская конституция наиболее жестко из всех исламских относится и к отправлению немусульманских религиозных культов: «Иранцы зороастрийского, иудейского и христианского вероисповедания являются единственно признанными религиозными меньшинствами, которые в пределах закона имеют право выполнять свои религиозные законы» [51]. Иначе обстоят дела в двух крупнейших исламских государствах Юго-Восточной Азии, Малайзии и Индонезии. «Ислам – религия Федерации, - говорится в Конституции Малайзии, - но и другие религии могут существовать в мире и гармонии в любой части Федерации» [52]. Влияние ислама здесь чувствуется только в норме, разрешающей правительству «основывать и поддерживать исламские заведения» [52]. Еще более либеральна в этом отношении «страна 7000 островов» – Индонезия, 90% населения, которой составляют мусульмане. Бог (без указания на Ислам и учение Пророка Мухаммеда) упоминается в тексте несколько раз. «Благодать Бога Вседержителя, - читаем мы в Преамбуле, - побудила нас жить свободной национальной жизнью», [53] «суверенная Республика Индонезия... основывается на вере в одного Единого Бога»[53].

Свою специфику в вопросе отношения к религии имеют конституции стран Юго-Восточной Азии, население которых исповедует в основном Буддизм. Здесь так же, несмотря на разницу форм правления и политических режимов, конституции содержат упоминания о вопросах веры. Основной документ Народно-Демократической Республики Лаос констатирует, что «право многонационального народа быть хозяином в своей стране осуществляется и обеспечивается за счет функционирования политической системы с Лаосской народно-революционной партией в качестве ее ведущего ядра» [54]. Но при этом Конституция не забывает особо отметить: «Государство уважает и охраняет всю законную деятельность буддистов и других верующих, мобилизует и поощряет буддистских монахов и послушников, а также священников других религий к участию в мероприятиях полезных для страны и народа» [54]. Первая статья Конституции Королевства Камбоджа констатирует «главенства принципов либеральной демократии и плюрализма» [55]. И только в 43 статье обращается к вопросам веры: «Кхмерские граждане любого пола должны иметь право на свободу веры. Буддизм должен быть государственной религией» [55]. Еще один раз буддизм будет упомянут в связи с процессом образования: «Государство должно распространять и развивать школы... и буддийские институты» [55]. В Конституции Шри-Ланки содержится отдельный раздел «Буддизм», в нем содержится следующее утверждение: «Республика Шри-Ланка должна предоставить Буддизму главенствующее место, обязанность государства защищать и покровительствовать буддизму» [56]. Но эта декларация соседствует с запретом на дискриминацию по религиозному признаку [56] и утверждением того, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии ... человек один или вместе с другими имеет право конфиденциально или публично проявлять свою веру» [56]. Имеется в тексте упоминание о важности

«религиозной гармонии» [56]. Несколько крупных государств региона в силу разных, но в целом политических причин, демонстрируют нарочитую отстраненность от вопросов веры. Конституция КНР поэтому по поводу говорит только: «Граждане КНР имеют свободу вероисповедания... государство охраняет свободное отправление религиозной деятельности [57]. Японская конституция также посвящает этому вопросу всего одну статью: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получить от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью... Государство и его органы должны воздерживаться от проведения какой-либо религиозной деятельности» [58].

Европейские конституции при констатации (в целом) светского характера государственности демонстрируют разнообразные конституционные конструкции, обозначающие отношения к вере и церкви. Наиболее радикальный подход демонстрирует в этом вопросе Франция: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам, независимо от происхождения, расы или религии. Она уважает все верования», - говорится в 1-ой статье ее Конституции [59]. Основной закон Республики Германия предлагает более сложную конструкцию. В его Преамбуле упоминается, что немецкий народ дал себе настоящий Основной закон, «осознавая свою ответственность перед Богом и людьми» [60]. При этом Конституция гарантирует, что «Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов ненарушимы. Беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется» [60]. Государство не связывает себя ни с одной из конфессий, но и не устраняется от процесса религиозного обучения: «Религиозное обучение является в государственных школах, за исключением неконфессиональных школ, обязательным предметом и без ущерба для права надзора государства религиозное обучение производится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один преподаватель не может быть обязан против своей воли вести религиозное обучение» [60]. В Конституции Итальянской Республики, напротив, ничего не говорится об обязательности религиозного обучения. «Государство и Католическая церковь, - констатируется в статье 7, - независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере» [61]. Особое упоминание католической церкви не умаляет того факта, что «все религиозные вероисповедания в равной мере свободны перед законом» [61]. Еще несколько европейских государств, не наделяя какую-либо религию особыми преференциями, обращаются в преамбулах своих конституций к идее Бога. Албанская Конституция принималась: «С верой в Бога и (или) другие всеобъемлющие ценности» [62]. В Конституции Ирландии по поводу ее принятия говорится: «Во Имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой, как к нашей последней надежде, должны быть направлены все действия человека и Государства, мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господом Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в стольких испытаниях...» [63]. Преамбула Конституции Швейцарии начинается со слов: «Во имя Всемогущего Бога! Швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед творением...» [64]. Ввиду многообразия форм взаимоотношений, государства и религиозных объединений в Европе, некоторые основные варианты могут быть обозначены пунктирно. Конституции Болгарии, Латвии, Македонии, Молдавии, Португалии, Словении, Украины, Хорватии провозглашают отделение церкви от государства. При этом Албания, Беларусь, Ирландия, Литва, Словакия, Украина, Эстония, Россия вводят запрет на доминирование какой либо религии. Вместе с тем Молдавия и Болгария упоминают православие в качестве традиционной религии.

В части европейских стран, напротив, религии придается официальный статус. В одном из конституционных актов Великобритании читаем: «Государь наследующий... на королевском престоле Великобритании должен все последующее время, при его или ее восшествии на престол дать клятву и письменное обязательство, что он будет нерушимо

поддерживать и охранять изложенное выше установление истинной протестантской религии и порядок управления, богослужения, благочиния правами и привилегиями этой церкви» [64]. Статья 2 Конституции Норвегии гласит: «Евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией. Исповедующие ее жители должны воспитывать в ней своих детей» [65]. Конституция Республиканской Греции закрепляет не только религиозные предпочтения, но и элементы культа: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Текст Священного Писания сохраняется неизменным. Официальный его перевод на какой-либо другой язык без разрешения Автокефальной церкви Греции и Великой Константинопольской Церкви Христовой запрещается» [66]. Еще дальше в этом отношении идет Конституция Мальты: «Религия Мальты является римская католическая апостольская религия. Органы Римской Католической Апостольской Церкви обязаны и имеют право учить, какие принципы справедливы и какие ошибочны».

Особый случай представляет собой Израиль. Это государство имеет республиканскую форму правления, демократический политический режим, гарантирует своим гражданам соответствующий требованиям международных соглашений набор прав и свобод. Некоторые исследователи включают его в ареал европейской культуры. Но Израиль не имеет конституции (в стране действуют «конституционные законы»), причем именно по религиозным соображениям. Согласно представлениям ортодоксальных иудеев, Основной закон уже был дан евреям в виде заповедей Божьих Моисею.

Проведенное сравнение достаточно наглядно доказывает выдвинутую нами в начале исследования гипотезу. В этих примерах мы можем видеть и реализуемую в праве разницу в цивилизационных подходах к проблеме роли Бога и церкви в жизни государства, и страновые особенности, показывающие своеобразие национальных культур, в рамках одной цивилизационной модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Национальные парламенты мира: Энциклопедический справочник. М., 2000.
2. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.
3. Якунин В. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход// Власть. №3, 2007.
4. Конституция Индии. 1959 г.
5. Конституция Республики Йемен. 1991 г.
6. Конституция Саудовской Аравии. 1992 г.
7. Белая Книга. Основной Закон Султаната Омана. 1996 г.
8. Конституция Федеральной Республики Нигерия. 1999 г.
9. Конституция Японии. 1945 г.
10. Конституция Французской Республики. 1958 г.
11. Конституция Королевства Норвегия. 1814 г.
12. Конституция Соединенных Штатов Америки. 1788 г.
13. Конституция Королевства Нидерланды. 1815 г.
14. Конституция Бельгии. 1831 г. (действующая редакция 1994 г.)
15. Конституция Аргентинской Нации. 1853 г.
16. Политическая Конституция Республики Боливия. 1967 г.
17. Конституция Египта. 1971 г.
- 18 Конституция Королевства Марокко. 1972 г.
19. Конституция Французской Республики. 1958 г.
20. Основной закон Федеративной Республики Германия. 1949 г.
21. Конституция Королевства Камбоджи. Ст. 1. Главы 5, 6.
22. Конституция народно-демократической республики Лаос. 1994 г. Гл. 2. ст. 19.
23. Конституция Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. Ст.11.
24. Белая Книга. Основной Закон Султаната Омана. 1996 г. ст. 2.
25. Конституция Французской Республики. 1958 г. Преамбула.

26. Конституция Федеративной республики Нигерии, 1989 г. ст. 16, п. 3 с.
27. Политическая конституция Республики Эквадора. 1996 г. Ст. 41.
28. Политическая конституция Республики Сальвадор. 1983 г.
29. Конституция Республики Парагвай. 1992 г.
30. Политическая Конституция Перу. 1993 г.
31. Конституция Федеративной Республики Бразилия. 1988 г.
32. Конституция Аргентинской нации. 1875 г.
33. Конституция Соединенных Штатов Бразилии. 1946 г. Преамбула.
34. Политическая конституция Республики Коста-Рика. 1949 г.; Политическая конституция Республики Панамы. 1972г. Ст. 24.
35. Конституция Республики Парагвай. Ст. 24.
36. Конституция Республики Уругвай. 1996 г.
37. Политическая конституция Республики Боливия. 1967г.
38. Политическая конституция Республики Колумбия. 1991 г.
39. Конституция Аргентинской нации. 1875 г.
40. Конституция Федеративной Республики Бразилия. 1988 г.
41. Основной закон правления Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. ст.1.
42. Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Ст. 1.
43. Белая Книга. Основной закон Султаната Оман. 1996 г. Ст. 1.
44. Конституция Республики Йемен. 1991 г. Ст. 2.
45. Конституция Исламской Республики Пакистан. 1973 г. ст. 2
46. Белая Книга. Основной закон Султаната Оман. 1996 г. Ст. 28.
47. Конституция Республики Йемен. 1991 г. Ст. 6.
48. Основной закон правления Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. Ст. 9.
49. Конституция Исламской Республики Пакистан. 1973 г. Ст. 31.
50. Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Ст.1.
51. Конституция Малайзии. Ст. 13.
52. Конституция Республики Индонезии. 1945г. Преамбула
53. Конституция Народно-Демократической Республики Лаос. 1991 г. Ст. 3
54. Конституция королевства Камбоджа. Ст. 1.
55. Конституция Демократической социалистической республики Шри-Ланка. 1978 г. Ст. 7. п. 1.
56. Конституция Китайской Народной Республики. 1982 г. Ст. 36.
57. Конституция Японии. 1945 г. Ст. 20.
58. Конституция Французской Республики. 1958 г. Ст. 1.
59. Конституция Федеративной Республики Германии. 1949 г. Преамбула.
60. Конституция Итальянской Республики. 1947 г. Ст. 7.
61. Конституция Республики Албания. 1998 г. Преамбула.
62. Конституция Ирландии. 1973г. Преамбула.
63. Конституция Швейцарской Конфедерации. 2000 г. Преамбула
64. Акт о соединении с Шотландией. 1707г.
65. Конституция Королевства Норвегия. 1814 г. Ст. 2.
66. Конституция Греции. 1973г. Ст. 3. п. 1-2.

V. Klychnikov

THE MAXIMUM VALUES OF THE STATE: A PROBLEM OF PARITY LEGAL AND CIVILIZED VARIABILITIES.

Abstract. The Constitution operating in the Russian Federation imposes an interdiction on existence of the state ideology.

This norm gives the basis for political and scientific discussion on a problem of identity of concepts « the state ideology » and « the maximum values of the state » and also opportunities and forms of normative fastening of the valuable bases of statehood.

Ignoring of aspects spiritual and national orientation of the states conceals in itself potential threat of the state integrity and national identity of Russia.

Key words: state, right, civilization, constitution, variability.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье анализируется связь между демографическим кризисом, связанными с ним изменениями в миграционных потоках и тем, как эти тенденции отражаются на стабильности российского государства. Далее мы определим возможное влияние демографического кризиса на политические процессы и социально-экономическую ситуацию в России, а также то, чем такой кризис может быть чреват для безопасности государства. В заключение приводятся практические рекомендации для более эффективного предотвращения демографического спада, направленные в первую очередь на противодействие самым опасным потенциальным последствиям кризиса, которые затронут политическую, экономическую и общественную сферы государственной деятельности и неизбежно отразятся на безопасности страны.

Ключевые слова: демографический кризис, миграционные потоки, экономическая безопасность, незаконная миграция, стратегии в вопросах миграции.

Всероссийская перепись населения 2002 г. подтвердила существование в стране тенденций, о которых говорили многие демографы. По данным Бюро переписи населения США, численность населения России будет уменьшаться ежегодно на 400 тыс. человек, а к 2025 г. страна недосчитается уже 10 млн. своих жителей [1]. По расчетам Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), уже сегодня численность населения России уменьшается на 840 тыс. человек в год. К 2025 г. она снизится на 21 млн., а к 2050 г. уменьшится на четверть, или на 31 млн. человек [2].

Прогнозируя динамику численности населения России между 1950 и 2050 гг., интересно отметить, что хотя свои оценки ситуации дают и Бюро переписи населения США, и ПРООН, подобные данные за этот временной период не предоставляются ни Федеральной службой государственной статистики (Росстат), ни, насколько нам известно, любым другим официальным российским источником. И все же российские специалисты провели несколько исследований в этом направлении (большинство из них затрагивает период до 2020 г.). Исследователи Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.Г. Вишневский и Е.М. Андреев, например, произвели обзор ситуации и предоставили свой прогноз развития на период с 1950 по 2050 гг. [3]. Окончательные их расчеты оценивают потенциальную численность населения России к 2050 г. в 103,3 млн. (беря за основу низкий коэффициент фертильности, снижающийся уровень смертности и полное отсутствие миграционных потоков), в то время как Бюро переписи населения США и ПРООН считают, что эта цифра должна быть примерно на 10 млн. выше [4].

По данным московского Центра демографии, численность населения России с 148,9 млн человек в 1993 году сократилась до 141,9 млн. в апреле этого года. Согласно прогнозам, снижение численности населения будет неуклонно продолжаться: до 131 млн в 2025 году и до 100 млн. в 2050 [5]. В то время как уровень рождаемости в России вот уже в течение более 20 лет неуклонно падает, несколько факторов более долгосрочного характера, среди которых далеко не последнее место занимает плохое состояние здоровья населения, привели к росту уровня смертности. Самая поразительная деталь - это

разница в продолжительности жизни между мужским и женским населением России: к 2006 г. женщины в России жили в среднем до 72 лет, тогда как мужчины - лишь до 59. Если эту тенденцию не изменить с помощью массовой иммиграции, к 2050 г. население России снизится еще на 50 млн. и упадет ниже отметки в 100 млн. человек [6].

Возвращение в Россию русскоговорящего населения и этнических русских, проживающих в настоящее время за пределами Российской Федерации, не может компенсировать естественное сокращение населения, хотя специалисты и эксперты признают, что точных статистических данных по этому вопросу в их распоряжении нет [7]. Несмотря на их отсутствие, основные тенденции в этом направлении понятны: можно отметить четко выраженное снижение общего числа новоприбывших в Россию между 1994 г. - годом, на который пришелся пик иммиграции, - и 2004 г., с последующим ростом числа иммигрантов начиная с 2005 г. Этот недавний рост обусловлен почти полностью притоком мигрантов из стран бывшего Советского Союза. Что касается стран дальнего зарубежья, число прибывающих из них не только очень незначительно в количественном пересчете, но и продолжает падать. Специалисты обыкновенно называют внутреннюю миграцию в России «западным дрейфом» [8]. Один из крупнейших российских специалистов в области демографии Ж.А. Зайончковская отмечает: «Территориальные предпочтения населения поделили Россию на две контрастные зоны: юго-западную зону притока и северную и восточную зону оттока. Раздел лежит примерно по линии Санкт-Петербург - Москва - Казань» [9]. Российский Дальний Восток, территория которого занимает 41% от всей площади России, за 14 лет потерял около двух миллионов человек, и сегодня там проживает всего шесть процентов от общего населения России [10]. Учитывая, что Россия - страна чрезвычайно обширная и неоднородная, можно ожидать, что практически в любом политическом, социально-экономическом и военном вопросе будет присутствовать региональный аспект.

Также следует обратить внимание на прогнозы роста населения России в сравнении с другими странами, в первую очередь - с ее непосредственными соседями: грядущая убыль населения в некоторых из этих стран, а именно в Украине, Японии, Китае и Польше, но именно в России этот спад идет самыми быстрыми темпами.

Демографический спад поднимает ряд вопросов, напрямую связанных с политической безопасностью и стабильностью федеральной системы России. Эти вопросы касаются не только возможных изменений в предпочтениях избирателей, политического влияния различных частей общества, а также жизнестойкости и устойчивого развития федеральной архитектуры, но также и усиления гендерного подхода в политике, и возможного приобретения исламом политического характера в России. Уменьшение численности этнических русских на фоне всеобщего демографического кризиса в России особенно тесно связано с проблемами миграционной политики. Большинство экспертов сходятся во мнении, что Россия не сумеет побороть демографический кризис без внедрения широкомасштабной иммиграционной политики [11]. Данные некоторых источников указывают на то, что если уровень миграции останется на сегодняшнем уровне, к 2050 г. мигранты и их потомки будут представлять более половины всего населения Российской Федерации [12]. Россия, таким образом, в самом ближайшем будущем столкнется с рядом серьезных вопросов. Какова будет российская национальная картина через несколько десятилетий? Сможет ли Россия успешно ассимилировать с культурной и политической точки зрения национальные меньшинства, проживающие на ее территории, а также новых мигрантов? Сможет ли она эффективно оказать противодействие взлету националистических и в некоторых случаях даже экстремистских движений, чтобы обеспечить устойчивую миграционную политику, жизненно необходимую для поддержания демографического баланса в стране?

Миграция населения из национальных республик на окраинах Российской Федерации в европейскую часть России, а также большие различия в уровнях смертности и рож-

даемости между мусульманским и немусульманским населением России могут создать, пусть и непреднамеренно, атмосферу угрозы среди преобладающих национальных групп. Следует отметить, что в перспективе возможен такой вариант развития событий, при котором государственная поддержка православия и политическая однородность, идущие сверху, совместно с растущим и идущим снизу напором народов России, исповедующих ислам, могут усугубить политическую асимметрию между численностью мусульманского меньшинства в России и его представительством в национальной элите [13].

На экономическую безопасность оказывают влияние все возрастающие трудности в наращивании экономического потенциала, нехватка трудовых резервов, экономические издержки от распространения ВИЧ/СПИД и вытекающие из этого последствия для общественной безопасности. Российская концепция экономической безопасности была принята в 1996 г., но после переписи населения, проведенной в 2002 г., она попросту устарела, не сумев учесть влияние демографических изменений на экономику России. Хотя до сих пор полностью не ясно, как неравномерное распределение населения и общее сокращение его численности влияет на экономическую безопасность, но ключевые факторы, оказывающие влияние на российскую экономику, а именно демографическая ситуация, незаконная миграция, таможенные и пограничные вопросы и угрозы энергетическим и транспортным системам, подверглись стремительным преобразованиям в наступившем новом столетии. Специалисты уже привлекали внимание общественности к наблюдаемому влиянию демографического спада на расширение трудового потенциала среди рабочей силы (одним из примеров может служить повышение уже существующих навыков в целях увеличения производительности труда) при сокращении сбережений и уровня капиталовложений, что ускоряет снижение темпов экономического роста [14]. Несмотря на то, что дальнейшая убыль населения прогнозируема и ее в некоторой мере можно учесть при долгосрочном экономическом планировании, оценить последствия сокращения сбережений и уровня капиталовложений и снижения темпов экономического роста для экономической безопасности России чрезвычайно сложно. В первую очередь потому, что природа естественной убыли населения - кто умирает и когда - непредсказуема и нелинейна и, следовательно, ведет к переменным экономическим издержкам.

Кроме грядущего сокращения численности трудовых ресурсов, перед Россией стоит и другая проблема: сложная ситуация в плане экономической безопасности в некоторых частях Федерации. Председатель Совета Федерации С.М. Миронов подчеркивает критическое значение Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического роста и модернизации России, объясняя это тем, что на счету этого региона стоит 55% мирового ВВП и 60% мирового рыночного оборота. Если экономика российского Дальнего Востока будет расти средними темпами, то, по подсчетам, это увеличит подвижность населения и позволит уехать в европейскую часть России потенциальным мигрантам, которые пока не сделали этого. Именно экономическая стагнация держит эмиграцию на ее сегодняшнем уровне, и только мощный рост экономической деятельности сможет вернуть стимул, субсидии и льготы работникам в этих периферийных регионах, что в свою очередь приведет к увеличению миграции.

К 2050 г. доля иммигрантов в общей численности трудовых резервов страны достигнет по крайней мере 20%, а некоторые социологи предсказывают, что к тому времени в Российской Федерации будет проживать до 7-10 млн. китайцев. Одним из таких специалистов является Ж.А. Зайончковская, руководитель лаборатории миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, которая высказала предположение, что к 2050 г. китайское население станет второй крупнейшей по численности этнической группой в России после самих этнических русских. Китайцы станут неотъемлемой частью российской рабочей силы, способной возродить такие государственные секторы, как сфера услуг, строи-

тельство, муниципальный транспорт и сельское хозяйство.

Растущее число документально зарегистрированных расистских нападений на “лиц кавказской национальности” и выходцев из Средней Азии, а также растущее значение, которое придают незаконной миграции официальные власти, служат убедительным доказательством растущего напряжения вокруг миграционных вопросов [15]. Все увеличивающееся напряжение в обществе и появление культурных стереотипов с подачи местных и региональных властей, стремящихся получить наибольшую политическую выгоду от шовинистических настроений народа, тоже в определенной мере виноваты в непоследовательном политическом курсе государства, который все больше склоняется к дискриминационному отношению к иммиграции.

На протяжении 1990-х гг. и в начале нового XXI в. российские Вооруженные силы испытали значительное сокращение ресурсов и численности личного состава. Заметно снизился и их престиж. Дважды в год, после очередного призыва, организационно-мобилизационное управление Генштаба Министерства обороны традиционно жалуется на качество и количество призывников [16]. Таким образом, демографические условия в большой степени повлияют на сущность, темпы и направление военных реформ в Вооруженных силах Российской Федерации. Из-за демографических изменений российские Вооруженные силы будут вынуждены радикально сократить свою численность. Это заставляет предположить, что со временем Россия откажется от всеобщей воинской повинности и ей не останется ничего другого, как перейти к созданию профессиональной армии и службы на контрактной основе, а также к увеличению своего технологического потенциала в целях замены количества личного состава его качеством. Это, безусловно, потребует более значительных финансовых вложений. Одним словом, чем больше ресурсов будет выделяться на нужды российских пенсионеров, тем их меньше останется для проведения преобразований в военном секторе. Высказывались предположения, что сокращение Вооруженных сил может, в свою очередь, привести к снижению численности населения в периферийных областях России до уровня, несовместимого с возможностью ее естественного поддержания. Увеличивается вероятность того, что с сокращением Вооруженных сил все большая часть населения из приграничных районов пожелает перебраться в европейскую часть России. Это, в свою очередь, увеличивает необходимость в более многочисленном военном контингенте для защиты приграничных зон и других малонаселенных регионов и в то же время делает эту задачу во много раз сложнее. Население России стремительно падает, что уже успело привести к последовательной неустойчивости в политической, экономической и социальной сферах - проблеме, на которую государство все более интенсивно начинает искать ответ. Существующие на сегодняшний день в России формы миграции населения увеличили опасность сепаратизма национальных меньшинств, так как большинство европеизированного этнически русского населения все больше отдалается от периферийных евразийских меньшинств, и этот сепаратизм выражается, прежде всего, в национальной принадлежности, возрастном статусе и достатке населения. Во внутренней миграции, как и в уменьшении численности населения, присутствуют атрибуты внешней политики и политики безопасности, и не последнее место среди них занимает двустороннее урегулирование соперничества между Россией, Украиной и Казахстаном за желанное, но все сокращающееся население диаспор. В этом контексте следует также отметить особое значение спада населения и вопросов гражданства в управлении непокорными сепаратистскими группами на границах России. Эти вопросы также переводят внимание на продолжающуюся устойчивость отношений России с Европейским Союзом и Китаем перед лицом утечки мозгов, на растущую закрытость шенгенских границ, а также на ощутимую угрозу колонизации российского Дальнего Востока населением Китая. Демографический кризис и представляемая им угроза национальной безопасности заставили власти принять ряд инициатив, направленных на управление текущим демографическим спадом и

на контроль над перераспределением населения по территории России. Эти меры включают в себя разработку миграционной политики, демографической концепции и политики, а также переформулировку политики гражданства.

Долгосрочные стратегии в вопросах миграции и населения, над которыми работает Россия, могут быть с легкостью подорваны стремлением к быстрым результатам, поисками геополитической выгоды и необходимостью обеспечить преемственность укрепления позиций государства и элиты. То, что человеческая и национальная безопасность, демографический спад и евразийские геополитические реалии все более тесно переплетаются между собой, делает эффективную разработку политического курса чрезвычайно сложной задачей. Россия должна с достоинством принять этот вызов, если она хочет реализовать свои амбиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Международный симпозиум "Россияне в зеркале статистики: Всероссийская перепись населения 2002 года". 2002. All-Russia Population Census.
2. Heleniak Timothy. The 2002 Census in Russia: Preliminary Results. Eurasian Geography and Economics. 2003. Vol. 44. No. 6. P. 430 - 442; Russia's Population to Decline by a Quarter by 2050, Says the UN. Broadcast on NTV Mir, Moscow. 2005, 12 October.
3. Вишневский Анатолий и Андреев Евгений. В ближайшие полвека население России может расти только за счет миграции. Население и Общество. 2001. № 54. June, <http://demoscope.ru/acrobatyps>.
4. Midyear Population Estimates and Average Annual Period Growth Rates: 1950 to 2050, International Data Base Summary Demographic Data for Russia. US Census Bureau, [http://www.census.gov/cgi/WorldPopulationProspects:The2004RevisionPopulationDatabase\(MediumvariantforRussia\),UnitedNationsPopulationDivision](http://www.census.gov/cgi/WorldPopulationProspects:The2004RevisionPopulationDatabase(MediumvariantforRussia),UnitedNationsPopulationDivision), <http://esa.un.org/unpp>
5. InoPressa, 23 октября 2009 г. Россия обнаружила, что осталась бездетной. Демография стала «врагом». (оригинал статьи «La Repubblica», 16 June 2009).
6. Feshback Murray. Potential Social Disarray in Russia Due to Health Factors. Problems of Post-Communism. 2005. Vol. 52. No. 2. July/August. P. 22-27.
7. Рыбаковский Леонид и Рязанцев Сергей. Международная миграция в Российской Федерации. Doc. Number UN/POP/MIG/2005/11. UN Populations Division. 2005, 5 July.
8. Мкртчян Никита. Миграция в России: Западный дрейф. Население и Общество. 2004, декабрь. No. 87. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps87.pdf>
9. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации. Мир России. 1999. № 4.
10. Deputy Regional Development Minister Vladimir Dedyukhin has stated that 4.5 bn rubles will fund a programme to bridge the gap between the Russian Far East and European Russia. "Russia's Far East demographic crisis threatens national security", Prime-TASS Business news agency. 2006, 3 October.
11. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы. <http://www.unesco.ru/files/docs/shs/ribakovskii.pdf>.
12. Вишневский Анатолий, Андреев Евгений. При миграции, способной стабилизировать численность населения, более половины россиян составят мигранты и их потомки. Demoscope Weekly. 2004. No. 151-152, <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/tema05.php>.
13. Glinski-Vassiliev Dmitri. Islam in Russian Society and Politics: Survival and Expansion. Programme on New Approaches to Russian Security (PONARS), Policy Memo Series, No. 198, Davis Centre, University of Harvard, http://www.csis.org/ruseura/ponars/policymemos/pm_0198.pdf, Глинский. Россия и ее мусульмане. С. 71-83.
14. Harley Balzer. Human Capital and Russian Security in the 21st Century. In Andrew Kuchins (ed.) Russia After the Fall. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 163-184.
15. For a thorough examination of institutional as well as societal examples of racism in Россия, Moscow Helsinki Group (2002), Nationalism, Xenophobia and Intolerance in Contemporary Россия, available at <http://www.fsmonitor.com/stories/xenophobia.pdf>, last accessed January 20, 2007. См. также: Meredith L. Roman. Making Caucasians Black: Moscow Since the Fall of Communism and the Radicalization of Non-Russians. Journal of Communist Studies and Transition Politics, Vol. 18, No. 2 (June 2002). P.1-27.
16. Orr. M.J. Manpower Problems of the Russian Armed Forces. Conflict Studies Research Centre, 2002, February. P. 1.

Y. Prytkova, M. Rykhtik

DEMOGRAPHIC SECURITY OF RUSSIA: TENDENCES OF DEVELOPMENT

Abstract. The article analyses connection between demographic crisis, changes in migration groups connected with it and that these two tendencies reflect on Russian state stability. Then we define possible influence of demographic crisis on political processes and socio-economic situation in Russia, as well as consequences of this very crisis for state security. In conclusion there's practice recommendations for more effective prevention of demographic recession at first directed to counteraction of the most dangerous consequences of crisis that will affect political, economic and social spheres of state activity and inevitably reflect on state security.

Key words: demographic crisis, migration groups, economic security, illegal migration, migration strategy.

Степанова Н. С.

*Сто раз сразиться и сто раз победить —
это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего —
покорить чужую армию, не сражаясь.*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И КНДР

Аннотация. Информационное противоборство в современном мире это противоборство с использованием всего спектра информационных возможностей, направленное на достижение информационного превосходства над противником в политических, экономических и иных целях.

Отношения между Японией и КНДР являются важным элементом международной архитектуры в регионе Северо-Восточной Азии.

Взаимные претензии и недоверие этих стран представляют потенциальную угрозу стабильности в СВА.

Оба азиатских государства ведут активное информационное противоборство с целью укрепить свои позиции как внутри своей страны, так и на международном уровне.

Ключевые слова: информационное противоборство, международные отношения, Япония, КНДР.

С развитием и внедрением информационных технологий в мире трансформировались привычные критерии оценки политических возможностей государств, видоизменились традиционные формы противоборства. Роль информации как в теории, так и в практике международных отношений создала качественно новую ситуацию. Ее анализ со всей очевидностью свидетельствует о том, что состояние и развитие нынешних и будущих международных отношений во многом определяется искусством ведения информационного противоборства.

Информационное противоборство можно определить как вид противоборства с использованием всего спектра информационных возможностей, направленный на достижение информационного превосходства над противником в политических, экономических и иных целях. Информационное противоборство может выглядеть как «мирное», поскольку может идти на фоне всеобщего мира и благополучия. Основными сферами ведения информационного противоборства являются: политико-дипломатическая, финансово-экономическая, военная и информационно-культурная.

В регионе Северо-Восточной Азии сталкиваются интересы как региональных, так и мировых держав, использующих информационное противоборство как средство достижения своих целей. Одним из центральных звеньев этого региона являются непростые отношения между Японией и Корейской Народно-Демократической Республикой. Эти страны вполне закономерно стремятся достичь поставленные перед собой внешнеполитические цели с максимальной эффективностью. Среди многообразия возможностей достижения этих целей (военных, экономических, политических), все большее значение отводится информационной составляющей.

Схему информационного противоборства Японии и КНДР можно рассмотреть через ключевые сферы жизнеспособности любого государства.

Политико-дипломатическая сфера

Несмотря на то, что между Японией и КНДР отсутствуют дипломатические отношения, борьба на официальном уровне между ними ведется весьма активно.

Права человека в Северной Корее являются излюбленной темой для нападок всего капиталистического мира, по мнению которого это понятие в принципе отсутствует в КНДР. Регулярно Совет по правам человека ООН, Европейская комиссия, страны ЕС призывают руководство КНДР к тому, чтобы населению страны были гарантированы базовые права человека, обещая взамен прекратить политику изоляции страны.

В докладах таких международных и неправительственных организаций по правам человека, как Amnesty International и Freedom House регулярно выражается глубокая обеспокоенность ситуацией. Однако все это происходит на фоне отсутствия доступа к информации о правах человека в Северной Корее. В отчетах этих организаций указываются серьезные нарушения в экономических и социальных правах северокорейцев, вынужденных нести на себе все бремя экономического кризиса, отсутствие свобод и политических прав.

Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер писала следующее: «Г-жа Олбрайт после возвращения в Соединенные Штаты [1] признала, что ситуация с соблюдением прав человека в Северной Корее «не слишком хорошая». Судя по тем отрывочным сведениям о жизни северных корейцев, которые до нас доходят, подобная оценка выглядит чрезмерно мягкой. Но пока существующий там режим не рухнет, нам вряд ли удастся реально оценить его ужасы» [2].

На фоне такого рода информационного нажима по поводу прав человека в Северной Корее гораздо более адекватным выглядит мнение бывшего президента Республики Корея Ким Дэ Джуна, который в интервью британской «БиБиСи» 24 октября 2000 года заявил, что, безусловно, Южная Корея обеспокоена правами человека на Севере, однако этот вопрос не является первостепенным. «У нас другой подход: необходимо решить такие проблемы, как прекращение голода в КНДР, устранение угрозы войны на полуострове, после чего можно заняться правами человека» [3].

Пхеньян участвует в четырех ключевых международных пактах по правам человека. А в Конституции КНДР, принятой 8 сентября 1948 года, в 5-й главе о «Фундаментальных правах и обязанностях граждан» в нескольких статьях подробно расписаны права северокорейцев, ничем не отличающиеся от прав граждан демократических государств. В принятой в 1972 году новой Конституции КНДР, а также в последующих редакциях основного закона 1992 и 1998 годов касательно прав человека изменений внесено не было.

Руководство страны, представитель КНДР в ООН, северокорейские СМИ неустанно заявляют о категорическом несогласии с подобными выводами [4]. В действительности же доказать хоть один из фактов «нарушения прав человека» в КНДР представляется невозможным в силу закрытости информации внутри самой страны.

Таким образом, такая категория международного права, как «права человека» по всему миру, в том числе применительно к Северной Корее, далека от первоначального гуманного смысла, и является всего лишь инструментом информационного давления.

Одним из серьезных информационных раздражителей как КНДР, так и ее соседей, являются посещения руководством Японии, включая премьер-министров, храма Ясукуни, где покоится прах военных преступников класса А, осужденных Международным Токийским военным трибуналом. Официальный Токио демонстративно игнорирует все протесты, заявляя, что храм Ясукуни является всего лишь японским аналогом Арлингтонского национального кладбища в США, так как на нем, помимо захоронений праха военных преступников, покоится прах национальных героев Японии на протяжении ее

многовековой истории, и поэтому японским властям трудно игнорировать этот факт национальной гордости. Гнев соседей Японии вызывает сам факт посещения храма, что воспринимается как демонстративная ремилитаризация страны. Все это происходит на фоне отрицания военно-политическим руководством Японии факта агрессии в первой половине XX века.

Также одной из серьезных проблем во взаимоотношениях обеих стран является попытка руководства Японии использовать так называемую проблему похищенных северокорейскими спецслужбами в 80-е годы японских граждан. Северная Корея уже признала в 2002 году факт похищения 13 японцев и отпустила пятерых из них на родину, заявив, что остальных уже нет в живых. Однако Япония требует доказательств смерти своих граждан, подозревая, что они все еще живы. Кроме того, японская сторона утверждает, что было похищено больше японцев, чем признает КНДР. Ярким примером активного информационного давления явилась громкая информационная кампания по якобы фальсификации останков одной из похищенных – Мэгуми Сога, которая муссировалась в японских СМИ в 2002-2004 годах.

На официальном уровне проблема похищенных занимает одно из ключевых мест, наряду с ядерной и ракетной программами КНДР. Этот спор стал главным препятствием в отношениях двух стран. Более того, Япония даже пыталась внести вопрос о похищенных в повестку шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова.

Пхеньян все же намерен отстаивать свои интересы в отношениях с Японией, которые никогда раньше не были оформлены официально. Основное требование, предъявляемое ранее и сейчас КНДР к Японии, - выплата компенсации за оккупацию японцами Корейского полуострова в 1910-1945 годах. Северная Корея желает, чтобы Япония принесла извинения за колонизацию, за «жестокости войны» и, в частности, сексуальное порабощение десятков тысяч корейских женщин.

Информационный прессинг, осуществляемый внешнеполитическим руководством Японии по поводу похищенных, продолжает оставаться ключевым вопросом в отношениях с КНДР. Помимо этого, в японских СМИ ежедневно ведется активная пропаганда по вопросу похищенных.

Военная сфера

Камнем преткновения, вызывающим острую информационную полемику между Японией и КНДР в военной сфере, является попытка Японии изменить свое законодательство. В конце XX - начале XXI веков в правящих кругах Японии заметно активизировались сторонники повышения военно-политической роли государства в мире под лозунгом приведения ее в соответствие со статусом ведущей экономической державы. Особое внимание военно-политическое руководство страны уделяло созданию политических и информационных предпосылок для быстрее снятия тех юридических преград, которые препятствуют превращению Японии в полноправную с точки зрения международного законодательства державу.

Главным юридическим документом Японии, принципиально закрепляющим курс на мирное развитие страны и препятствующим возрождению милитаризма, является ее Конституция, которая была обнародована в ноябре 1946 года и вступила в силу 3 мая 1947 года. Беспрецедентным в истории явилось включение в ее текст статьи 9, известной под названием «мирная», согласно которой Япония не может иметь полноправные вооруженные силы. В связи с этим существование созданных при поддержке США Сил Самообороны и Управления национальной обороны фактически противоречит 9 статье основного закона страны и является одной из наиболее острых тем правительственных, парламентских и внутрипартийных, а также общественных дебатов о пересмотре кон-

титущии.

В значительно большей степени направленность японского военно-политического руководства на пересмотр конституции проявилась в деятельности сформированного 24 апреля 2001 года кабинета министров во главе с Д. Коидзуми. Сам премьер-министр называл «смешным» то обстоятельство, что силы самообороны находятся вне закона... [5]».

В интересах создания благоприятных предпосылок для решения этой задачи правящие круги страны активизировали информационное воздействие, в частности, через дебаты на правительственном, парламентском и партийном уровнях, которые освещаются в средствах массовой информации и служат инструментом информационно-психологического воздействия как на внутреннюю, так и на внешнюю на аудиторию.

Главным оправданием реформирования законодательства в сторону ремилитаризации является Северная Корея с ее ядерной программой во главе с Ким Чен Ирром. Безусловно, запуск КНДР баллистической ракеты над территорией Японии в 1998 году, проведение ракетных и ядерных испытаний обостряют и без того непростые двусторонние отношения, но все же Япония переоценивает военные возможности своего соседа. Вся шумиха, поднятая вокруг КНДР, ее руководства, «репрессивного режима», служит лишь инструментом по убеждению общественности в целесообразности возрождения военного духа и возможностей японской нации.

Финансово-экономическая сфера

В январе 2002 года Дж. Буш-младший в своем ежегодном послании «О положении страны» причислил (наряду с Ираком и Ираном) КНДР к «оси зла» и включил ее в список стран, по которым возможно нанесение превентивных ядерных ударов. США открыто взяли курс на смену неугодных режимов. Против нее были введены экономические санкции и взят курс на смену режима в стране, зазвучали другие угрозы и обвинения [6], и началась соответствующая масштабная информационная обработка общественного мнения.

После проведения КНДР ядерного испытания в октябре 2006 года на нее Японией, совместно с США, были наложены экономические санкции: запрет на заход в японские порты северокорейских судов; запрет на чартерные авиарейсы (прямое авиасообщение между странами отсутствует); замораживание на неопределенный срок находящихся в китайском банке Delta Asia 25 млн. долларов США, принадлежащих, как писали западные СМИ, руководству КНДР; членам «Чхонрен» (Лига корейских граждан в Японии) было запрещено переводить в КНДР денежные средства. По разным оценкам, экономический ущерб Северной Корее составил около 100 млн. долларов США.

Помимо этого, администрация США продолжает политику изоляции КНДР от мирового бизнеса, оказывая в этом плане мощный прессинг на своих союзников. Многие совместные предприятия из-за введенных США ограничений не могли импортировать оборудование, запчасти, медицинскую технику, компьютеры.

Реакцию на это Пхеньяна, «загоняемого в тупик», нельзя назвать неожиданной. В ответ КНДР постоянно обрушивается на Японию и США с критикой «о набрасывании экономического лассо». Особенно серьезно беспокоит Северную Корею применение санкций Японией, поскольку они являются препятствием для потока валюты и товаров из Японии. «Финансовые санкции против нашей республики нацелены на удушение КНДР и свержение существующего строя. Санкции и давление нельзя совместить с мирным сосуществованием» [7].

Информационно-культурная сфера

Основой различия между Японией и КНДР безусловно являются фундаментально противоположные, исторически обусловленные, идеологические доктрины. Япония

после Второй Мировой войны, вынужденная приспособливаться и выживать, не отказываясь от своих традиций, тем не менее впитывала в себя многое из западной культуры. В Северной Корее же, напротив, произошло насаждение чуждого для древней корейской нации социалистического режима.

Тем не менее руководство обеих стран активно использует способы информационно-культурной, информационно-просветительской пропаганды. И в Японии, и в КНДР эта задача в какой-то степени облегчена, так как оба государства являются абсолютно мононациональными.

Япония все чаще и настойчивее предпринимает попытки «переписать» учебники по истории, в которых умалчивается либо нивелируется факт колонизации Японией Корейского п-ова и части Китая в начале XX века. Опасение у соседей вызывает то, что такие учебники могут привести «к зарождению милитаризма в головах юных японцев» [8].

Касательно КНДР, судя по рейтингу общественного мнения, Северная Корея воспринимается японцами как страна, представляющая для их родины наибольшую угрозу. И во власти, и в обществе присутствует, благодаря ежедневной пропаганде, единое мнение о том, что в критической ситуации пхеньянский режим не остановится перед тем, чтобы нанести удар по Японии или американским войскам в Японии, что, в сущности, одно и то же. Эта угроза воспринимается не как гипотетическая, а как нечто вполне реальное.

В то же время в Пхеньяне, не говоря уже о других городах КНДР, сложно найти хоть один музей, где бы не упоминались «зверства японских колонизаторов»; во всех периодических изданиях ежедневно критикуется все, что связано с Японией или США. Вообще, политика в области культуры и искусства тесно увязана с общей политической линией северокорейского руководства, направленной на усиление индоктринации населения, укрепление чуждого самосознания граждан, недопущение влияния современной мировой культуры [9].

Таким образом,

1. Информационное противоборство между КНДР и Японией в политической плоскости заключается в непрекращающихся нападках друг на друга. КНДР, оставаясь практически последним оплотом коммунизма в мире, любыми средствами пытается доказать этому самому миру, что именно их политический строй является наиболее жизнеспособным, социально ориентированным на население своей страны. В свою очередь, Япония – экономический гигант США, не оставляя своих милитаристских амбиций, пытается этот коммунистический строй свергнуть.

2. Япония в своей дипломатической политике с 80-х годов разыгрывает карту своих «похищенных граждан», чей факт был подтвержден самим Ким Чен Иром. Северокорейцы также не отстают - требование к японцам покаяться за все зло, совершенное во время колонизации Японией Кореи, по аналогии с бывшими колониями Британской империи, позволяет им требовать компенсации. Отсутствие дипломатических отношений между странами усугубляет ситуацию.

3. Взаимная информационная атака ведется настолько интенсивно, что еще не одно поколение обеих стран будет воспринимать друг друга сквозь призму этой пропаганды, и в ближайшей перспективе обе страны продолжат «играть мускулами», поочередно используя свои козырные карты (будь то проведение ядерных испытаний, или проблема похищенных).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бывший госсекретарь США М. Олбрайт нанесла исторический визит в КНДР в октябре 2000 г. Сайт BBC - <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/985630.stm>

2. *Тэтчер М.* Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М., Альпина Бизнес Букс, 2005. С.240.
3. *Lim Dong-won.* Peace and cooperation. White paper on Korean Unification. Ministry of Unification. Republic of Korea. Seoul, 2001.
4. «Сегодня из-за политики Вашингтона на международной арене ненормальная ситуация, при которой на антиимпериалистические страны бездумно навешивают ярлыки «государства-нарушителя прав человека», а затем вмешиваются в их внутренние дела, оказывают давление, по-настоящему нарушают права человека путем незаконных вооруженных вторжений в суверенные государства, истребления гражданского населения. Использование американскими империалистами темы прав человека в качестве средства свержения режима в других странах является вызовом современной мировой тенденции на обретение самостоятельности, насмехательством над международной справедливостью и совестью человечества... США и страны Запада должны извлечь урок из нынешнего поражения своей «дипломатии прав человека» и положить конец политике использования прав человека в грязных политических целях» //Нодон Синмун. Провал дипломатии прав человека. 24.05.2006. «Провал дипломатии прав человека».
5. //Зарубежное военное обозрение. №2 2003. С.3.
6. Глава делегации США на шестисторонних переговорах Дж. Келли, выступая 15 июля 2004 года в сенатском комитете по иностранным делам, обвинил КНДР в поставках оружия проблемным режимам, торговле наркотиками, сбыте фальшивых долларов.
7. Центральное Телеграфное Агентство Кореи. Пхеньян, 17 января 2006.
8. Корейское Центральное Телеграфное Агентство. Пхеньян, 27 апреля 2005.
9. *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. «Олма-Медиа групп». М., 2008. С.522.

N. Stepanova

INFORMATION WARFARE BETWEEN JAPAN AND DPRK

Abstract. Information warfare is sort of warfare with all information facilities for achieving of information dominance over rival for implementation of politic, economic and other goals.

Relations between Japan and DPRK are important element of international architecture in Asia Pacific.

Mutual claims and non-confidence are a potential threat to stability in Asia Pacific.

Both Asian states execute active information warfare in order to strengthen its stance inside and outside the country.

Key words: information warfare, international relations, Japan, DPRK.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.140.02

Гриненко А.В.

ДОКАЗЫВАНИЕ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО)

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей доказывания в ходе предварительного расследования уголовных дел. Особое внимание уделено рассмотрению правил, обусловленных распространением принципа состязательности на досудебное производство, а также проблемам обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процесс.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, состязательность, следователь, защитник, адвокат.

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Особую актуальность вопросы реализации назначения при доказывании по уголовным делам приобретают в связи с провозглашением состязательного начала современного российского судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Таким образом, состязательное построение уголовного судопроизводства предоставляет сторонам реальные возможности реализовать предоставленные им права.

Состязательное судопроизводство применительно к конкретному уголовному делу означает, что и обвинению, и защите обеспечивается возможность ознакомиться с представленными замечаниями и выдвинутыми доказательствами другой стороны и высказаться по ним. Законодательство может обеспечить соблюдение этого требования различными методами. Однако вне зависимости от избранного метода оно должно создать такие условия, чтобы другая сторона была осведомлена о представленных замечаниях и имела реальную возможность высказаться по ним [1].

Доказывание в соответствии со ст. 85 УПК РФ состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 Кодекса.

При этом следует иметь в виду, что в научной литературе общепризнанным является термин «предмет доказывания», который включает в себя все обстоятельства, подлежащие доказыванию, и по сути является синонимом последнему. Так, в фундаментальном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» предмет доказывания определен как «система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства. Эти обстоятельства устанавливаются путем процессуального доказывания, т.е. с помощью предусмотренных законом средств и способов. Определенность предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования. Правильное установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу – условие целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств» [2].

Сопоставление норм, регламентирующих процесс доказывания, и положений принципа состязательности позволяют сделать вывод о наличии ряда несоответствий.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в цитируемой выше статье речь идет о необходимости доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, т.е. об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Если же обратиться к содержанию данной статьи, то становится очевидным, что подавляющее большинство обстоятельств доказывают именно наличие в деянии всех элементов состава преступления. Более того, указанные в п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ «обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния» вообще, по нашему мнению, доказываться не должны. В силу принципа презумпции невиновности лицо обвиняемый может заявить о наличии подобных обстоятельств, а обязанность опровергнуть данное утверждения должна быть возложена на сторону обвинения. Если этого сторона обвинения сделать не смогла, то обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, будут признаны наличествующими.

Кроме того, налицо несоответствие между содержанием ст. 85 УПК РФ и ч. 1 ст. 74 Кодекса. В первой из указанных статей говорится о том, что доказывание происходит «в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса», т.е. об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Однако в ч. 1 ст. 74 УПК РФ в определении доказательств обращается внимание на то, что с их помощью происходит установления более широкого круга обстоятельств, а именно: «...обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Именно в перечне «иных обстоятельств» могли бы находиться обстоятельства, свидетельствующие в пользу таких представителей стороны защиты, как подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика.

В этой связи следует предложить новую редакцию ст. 85 УПК РФ: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Следующая проблема, касающаяся круга лиц, которые находятся в ущемленном положении, прямо противоположна предыдущей. Так, одним из проявлений принципа состязательности является равная возможность обеих сторон участвовать в процессе доказывания. Преодолевая обвинительную тенденцию, законодатель в ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставил возможность участвовать в процессе доказывания защитнику. Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник – это лицо, осуществляющее в установленном Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Как правило, в качестве защитников выступают адвокаты. Вместе с тем неясно, почему правом участвовать в доказывании не был наделен такой же адвокат, участвующий в уголовном деле на стороне обвинения в качестве представителя потерпевшего.

Представляется, что положения принципа состязательности диктуют настоятельную необходимость предоставить аналогичное право и адвокату – представителю потерпевшего.

Также можно заметить, что в части 3 ст. 86 УПК РФ, посвященной первоначальному этапу доказывания, содержится лишь указание на то, что защитник «вправе собирать доказательства», механизм же осуществления данной деятельности в УПК РФ отсутствует. Некоторое время назад Федеральная палата адвокатов даже разработала инструкцию, которая регламентировала порядок составления адвокатами «протоколов опроса», соби-
рания иных сведений. Вместе с тем данный документ так и не был признан сотрудниками

правоохранительных органов в качестве надлежащих источников доказательств, что следует признать в целом верным. Действительно, в УПК РФ такое следственное действие, как «опрос», а равно и иные способы собирания доказательств, присущие защитнику, предполагают, что представленные им сведения должны быть опосредованы должностным лицом уголовного судопроизводства путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

Другое дело, что следователь обязан в обвинительном заключении указать не только доказательства, ставшие достоянием стороны обвинения, но и те сведения, на которые ссылается сторона защиты. Это является весьма важной гарантией того, что позиция защитника и иных участников уголовного судопроизводства со стороны защиты станет известна прокурору, утверждающему обвинительное заключение, и впоследствии суду.

Нарушает положения принципа состязательности то, что наряду с обязательным перечислением доказательств, представленных стороной защиты, следователь наделяется возможностью в этом же разделе обвинительного заключения (п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ) дать собственную оценку данным сведениям. Как правило, следователь не только дает свою оценку, но и получает фактически неконтролируемую возможность интерпретировать доказательства, на которые ссылается сторона защиты. Это, несомненно, нарушает возможность данной стороны отстаивать собственную позицию по уголовному делу.

Интересное предложение высказал И.Л. Трунов. По мнению автора, «...в истинно состязательном процессе в условиях равенства сторон адвокат должен быть наделяется правом составления и представления органу, осуществляющему производство дознания, предварительное следствие, защитительного заключения. Оно способствовало бы изложению систематизированной позиции защитника, обосновывало бы соответствие выводов фактическим материалам дела, подтверждены собранными, помимо стороны обвинения, собственными доказательствами, полученными... в процессе осуществления функции защиты по делу» [3].

В данном предложении, на наш взгляд, рациональное зерно имеется. Однако вряд ли соответствует общей концепции осуществления защиты то, что наименование этому документу будет «заключение». Это – итоговый документ, имеющий государственно-властный характер, который составляется представителем стороны обвинения – следователем по результатам досудебного производства по уголовному делу. Более адекватной была бы, на наш взгляд, процедура составления защитником письменных возражений на обвинительное заключение. В данном документе защитник сможет не только привести конкретные доказательства, но и изложить те обстоятельства, которые он считает установленными, а также подвернуть обоснованной критике доказательства, представленные стороной обвинения.

Таким образом, предложенные изменения позволят устранить несоответствия, возникающие между требованиями принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ) и положениями, которые регламентируют доказывание по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Решение Европейского Суда по правам человека от 28 августа 1991 г. по делу Брандштеттер против Австрии. Series A., No. 211. P. 27-28, paras.66-67.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1973. С. 139.
3. Трунов И.Л. Современные проблемы защиты прав граждан в уголовном процессе. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 30.

A. Grinenko

PROVING IN COMPETITIVE CRIMINAL TRIAL (PRE-JUDICIAL PROCEDURE)

Abstract. Clause is devoted to research of features of proving during preliminary

investigation of criminal cases. The special attention is given to consideration of the rules caused by distribution of a principle of competitiveness on pre-judicial manufacture, and also problems of maintenance of the rights and legitimate interests of the persons involved in process.

Key words: proving, proofs, competitiveness, the investigator, the defender, the lawyer.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. Статья посвящена использованию специальных познаний в сфере уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено участию специалиста в производстве следственных действий по уголовным делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем.

Ключевые слова: уголовное дело, легализация, деньги, имущество, специалист, специальные познания.

Современное общество характеризуется большим количеством информации и высокой скоростью ее движения от одних носителей такой информации к другим. При этом многие знания относятся к разряду специальных, поскольку они были приобретены лицами в результате специального образования и наличия у них особых умений и навыков.

Специалистом в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Как известно, в настоящее время основным способом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем, является совершение нескольких последовательных гражданско-правовых сделок, в результате чего бывает весьма сложно установить первоначальное преступное их происхождение. Во многих случаях имущество во все этапы сделок не выбывает из фактического распоряжения лиц, которые приобрели его в результате преступления, а гражданско-правовые сделки лишь камуфлируют его нахождение в том или ином месте.

Изучение уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, позволяет обосновать вывод, согласно которому специалист при расследовании данной категории уголовных дел принимает участие в следующих формах: 1) участвует в производстве следственных действий (осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, контроль и запись телефонных и иных переговоров и др.); 2) дает заключение в письменном виде по поставленным перед ним вопросам; 3) дает показания в ходе его допроса в качестве специалиста.

Правовую основу участия специалиста в производстве следственных действий составляет установленная в ч. 1 ст. 168 УПК РФ норма, согласно которой «следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста...». Из того, что в УПК РФ не содержится дискреционный перечень следственных действий, при производстве которых следователь вправе пользоваться помощью специалиста, следует, что запрет на участие специалиста в том либо ином следственном действии не установлен. Целесообразность же участия сведущего лица в том или ином случае определяет сам следователь, исходя из специфики сложившейся следственной ситуации и потребности установить конкретное обстоятельство из числа указанных в ст. 73 УПК РФ.

Например, в ходе обыска целесообразность участия специалиста определяется, исходя из двух параметров.

Во-первых, как и при предварительном расследовании по любым преступлениям, специалист может оказывать содействие в обнаружении мест нахождения доказательств, которые являются объектами обыска. При этом он указывает на возможные места нахождения той либо иной информации, предлагает возможные пути доступа к ней, а также оказывает содействие в том, чтобы доказательство в ходе его изъятия или последующего хранения и перемещения не было повреждено либо уничтожено.

Во-вторых, при предварительном расследовании преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, в ходе обыска целесообразно участие специалиста в области экономики, поскольку именно он в ходе обыска сможет быстро и правильно установить, представляет ли тот либо иной документ интерес для производства по уголовному делу, а также то, каким образом этот документ связан с легализацией (отмыванием) денежных средств, т. е. свидетельствует ли он о наличии «входящих», «исходящих» или и тех, и других финансовых потоков.

Также весьма востребованы будут специальные знания, которые позволяют установить «содержимое» электронных носителей информации. Подобные специалисты позволят предотвратить уничтожение содержащихся в компьютерах электронных документов, писем, полученных и отправленных посредством системы Интернет, а также иных носителей электронных сведений (дискет, компакт-дисков, флэш-накопителей и т. п.).

Новым направлением получения сведений о механизме легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, является исследование записей в мобильных (сотовых) телефонных аппаратах. Поскольку само по себе ознакомление с содержащимся в телефоне списке вызываемых абонентов не раскрывает содержания их переговоров, следует признать, что этот список может быть установлен в ходе таких следственных действий, как обыск (в том числе личный обыск) или выемка. Поэтому при изъятии телефона и ознакомлении с содержащейся в нем информацией следователь вправе пользоваться помощью специалиста, который поможет включить телефонный аппарат, найти список абонентов и отразить его содержание в протоколе соответствующего следственного действия.

Впоследствии контроль и запись переговоров осуществляется в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством (ст. 186 УПК РФ).

Весьма существенные результаты может дать участие специалиста в ходе осмотра. Специфика расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, состоит в том, что следователю приходится выяснять обстоятельства, происходившие в нескольких местах, а в ряде случаев – и вообще не имевших места события преступления в обычном понимании этого слова. Исходя из этого, осмотр места происшествия как таковой при производстве по данным уголовным делам не производится. Обстоятельства же, подтверждающие преступное происхождение денег и иного имущества, устанавливаются в ходе предварительного расследования в рамках установления иного состава преступления, даже и при соединении уголовных дел в одном производстве (ст. 153 УПК РФ).

С другой стороны, изучение практики показывает, что по всем уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, осуществляются осмотр предметов и документов, в том числе с участием специалиста.

В отличие от иных составов, следы преступления по данной категории уголовных дел могут и не носить характера подчисток, исправлений и иных подделок документов. Поскольку деньги или иное имущество вводятся в легальный оборот, особое значение при этом для преступников приобретает видимая «чистота» сделки. Поэтому основная

цель использования специалиста заключается в том, чтобы помочь следователю установить, какое значение тот либо иной предмет или документ имеет в общем механизме легализации денежных средств или имущества, приобретенного преступным путем. Такая помощь приобретает особое значение в случаях, когда следователю приходится исследовать большой массив документов (например, бухгалтерскую отчетность предприятия) на предмет установления канала разового поступлений значительных денежных средств или периодичных частых поступлений менее крупных сумм.

В данном случае следователю целесообразно приглашать в качестве специалиста лицо, сведущее в области экономики и бухгалтерии. Использование такого специалиста позволит следователю выделить из совокупного массива бухгалтерских проводок именно те поступления или расходы, которые имеют криминальное происхождение или иным образом связаны с легализацией (отмыванием) денежных средств.

В протоколе осмотра документов следователь в обязательном порядке должен указать сведения о специалисте, закрепить факт разъяснения ему процессуальных прав и обязанностей, а также иные положения из числа установленных в ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

В ходе осмотра специалист указывает следователю на особенности тех либо иных документов, сообщает о том, каким образом содержащиеся в различных документах сведения могут быть связаны между собой, определяет адреса и реквизиты юридических и физических лиц, в адрес которых были перечислены или от которых были получены денежные средства, предлагает последовательность исследования доказательств, а также совместно со следователем определяет и уточняет версии, подлежащие проверке по данному уголовному делу.

Поскольку приемы легализации (отмывания) денежных средств весьма многообразны, специалисту целесообразно при осмотре документов в каждом случае делать письменные заметки с тем, чтобы впоследствии можно было бы установить целостный механизм движения материальных и финансовых ценностей. Хотя эти заметки сами по себе доказательственного значения не имеют, следователь вправе использовать их и внести указанные в них сведения в протокол осмотра.

Весьма продуктивным может быть использование специалиста в ходе допросов иных лиц. Несомненно, специалист, присутствующий при допросе, может в гораздо большей мере, нежели следователь, быть осведомлен о сущности и содержании финансовых операций и гражданско-правовых сделок, в том числе с использованием современных банковских технологий. Поэтому именно он непосредственно в ходе допроса может выявлять те либо иные особенности сделок, которые свидетельствуют о «преступном прошлом» денежных средств или о том, что впоследствии эти денежные средства либо иное имущество может использоваться в качестве промежуточного звена для легализации (отмывания) денежных средств.

К сожалению, действующее законодательство прямо не предусматривает возможности следователя непосредственно в ходе допроса получать письменные или устные консультации специалиста относительно различных аспектов движения денежных средств либо иного имущества, приобретенных преступным путем. Вместе с тем представляется, что следователь и в рамках ныне действующих положений (ст.ст. 189-190 УПК РФ) вправе объявлять перерыв в следственном действии, сделав об этом отметку в протоколе, и во время перерыва получить консультацию специалиста относительно того, какие обстоятельства в ходе допроса должны быть выяснены и какие вопросы для этого следует поставить перед допрашиваемым лицом.

Кроме того, специалист по окончании допроса (как и иного следственного действия) вправе знакомиться с протоколом и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол. Хотя в данном случае собственно следственное действие и

считается оконченным, в случаях, когда у специалиста после изучения текста протокола появится необходимость задать вопросы допрашиваемому лицу, следователь вправе удовлетворить ходатайство специалиста и осуществить дополнительный допрос лица с составлением соответствующего протокола.

Таким образом, участие специалиста в производстве предварительного следствия по данным категориям уголовных дел (ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ) имеет весьма существенную специфику, которая обусловлена особенностями исследуемых составов, а также теми возможностями, которые открываются у следователя при верном определении основных направлений использования специальных знаний сведущих лиц.

A. Kolyada

PARTICIPATION OF THE EXPERT IN INVESTIGATION OF THE CRIMES CONNECTED WITH LEGALIZATION (WASHING UP) OF MONEY RESOURCES.

Abstract. Clause is devoted uses of special knowledge of sphere of the criminal trial. The special attention is given to participation of the expert in manufacture of investigatory actions on criminal cases about legalization (washing up) of money resources or other property received criminal by.

Key words: criminal case, legalization, money, property, specialist, special knowledge.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ЗАЩИТНИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при реализации следователем своих полномочий при производстве следственных действий, а также в случаях, когда в следственном действии принимает участие защитник. Особое внимание уделено характеристике тактических приемов, обеспечивающих эффективное производство следственных действий.

Ключевые слова: следователь, защитник, следственное действие, уголовный процесс, криминалистика.

Стадия предварительного расследования является важным этапом уголовного судопроизводства. На этой стадии следователь является основным участником уголовного судопроизводства, осуществляющим уголовное преследование, главными аспектами деятельности которого являются выявление подозреваемых в совершении преступления и предъявление им обвинения. В целях должного осуществления уголовного преследования следователю предоставлен широкий круг полномочий властного характера, в том числе касающихся производства следственных действий.

Следственные действия позволяют собрать необходимые сведения как для установления всех необходимых данных, составляющих предмет доказывания, так и для познания всех криминалистически значимых особенностей преступления (криминалистической характеристики преступления или его информационно-криминалистической модели).

Каждому следственному действию присуща прежде всего поисково-познавательная составляющая, в процессе реализации которой с помощью соответствующих криминалистических и иных методов познания выявляются и собираются уголовно-материальные, процессуальные и криминалистически значимые данные по делу. Вместе с тем методы и средства, используемые следователем при проведении следственных действий, позволяют должным образом запечатлеть, закрепить выявленные и познанные данные. В этой связи не менее важна для следователя его удостоверительная составляющая. О том, что именно познавательная и удостоверительная стороны являются главными определяющими составляющими следственных действий, справедливо подчеркивается в криминалистической литературе [1].

Вместе с тем справедливо отмечается, что «следственные действия представляют собой первичный элемент уголовно-процессуальной деятельности, подчиненный, как и вся эта деятельность, строгому правовому регулированию. Следователь, собирающий доказательства, обвиняемый, потерпевший, свидетели, передающие фактические данные, эксперты, специалисты, понятые, способствующие получению доказательств – это субъекты права. Их действия представляют собой осуществление права или исполнение обязанности, т.е. правоотношения. С этой точки зрения следственные действия являются системой правоотношений между следователем и указанными лицами» [2]. Несомненно, к этим лицам относятся подозреваемые и защитники.

В УПК РФ нормы, касающиеся проведения следственных действий, детально систематизированы, в них раскрываются процессуально-организационные полномочия и предписания для следователя как главного субъекта данных действий.

Как уже отмечалось, следователь является основным, главным лицом, субъектом следственных действий. И как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (ст. 38 УПК РФ), он наделен уголовно-процессуальным законом соответствующими властными полномочиями. В соответствии со ст. 164 УПК РФ он принимает решение о производстве следственного действия на основе своего постановления об этом; он может привлечь к участию в них других участников уголовного судопроизводства (в том числе и защитника - адвоката). При этом следователю предоставлено право удостовериться в их личности, разъяснить им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Следователь при производстве следственных действий может применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. А в целом можно сказать, что следователь не только назначает и проводит следственные действия, но и осуществляет правоприменительную деятельность с соблюдением прав его участников. Соответственно, он лично отвечает за законность, своевременность следственного действия и соблюдение этических норм.

Другие участники следственных действий в криминалистической литературе по своему правовому положению разделяются на лиц, имеющих в уголовном процессе собственный или представленный законом интерес и выступающих в качестве субъектов доказывания, и на лиц, субъектами доказывания не являющихся [3].

Применительно к нашей теме нас интересуют лица первой группы и, в частности, подозреваемые, обвиняемые и их адвокаты, обладающие своим процессуальным статусом (ст. 46, 47, 49 УПК РФ).

Следователь обязан обеспечить реализацию всех их прав при проведении следственных действий с их участием. Так, при допросе подозреваемых и обвиняемых следователь должен обеспечить их право знать, в чем они подозреваются и обвиняются: давать показания либо отказаться от дачи показаний; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; защищаться от подозрения и обвинения средствами, предоставленными им уголовно-процессуальным законом, и иными средствами и способами, не запрещенными законом, а также пользоваться помощью защитника и другими правами.

Следует отметить, что в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 50 УПК РФ, следователь вправе предложить им другого защитника, а в соответствии с ч. 4 этой статьи - и назначить защитника.

При этом в любом следственном действии подозреваемый и обвиняемый, как справедливо отмечается в литературе, должен иметь возможность реализовать свои права [4].

Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту наиболее полно и всесторонне выражен в стадии судебного разбирательства, но на стадии предварительного расследования он не менее значим. В частности, одним из весьма важных прав по требованию следователя или следственной инициативе является возможность представлять доказательства, которыми они располагают, в целях своей защиты от возникших подозрений или предъявленного обвинения. Следователь в соответствии с требованиями закона (ст. 46, 47 УПК РФ) должен обеспечить им реализацию этих прав [5]. Свои права в передаче следователю известной им информации словесным путем или в форме предметов и документов подозреваемые и обвиняемые как носители указанной информации могут в основном реализовать именно в рамках следственных действий, в которых они участвуют. В этой связи участие указанных лиц в следственных действиях имеет для них очень большое значение. Соответственно, и следователи должны по возможности расширить круг следственных действий, в которых подозреваемые и обвиняемые могут реализовать указанные выше права. Реализации прав указанных субъектов

во многом способствует использования ими помощи защитников. Основной задачей защитников является обеспечение строгого соблюдения всех требований закона при рассмотрении дел их клиентов и выявление обстоятельств, опровергающих подозрение и смягчающих или отвергающих обвинение.

Для того чтобы участие профессионального защитника (адвоката) в следственных действиях было действенным для его подзащитного, следователь обязан обеспечить ему те права, которые связаны с его участием в следственных действиях. Прежде всего, обеспечить его участие в уголовном деле с момента, предусмотренного ч. 3, 4, 5 ст. 49 УПК РФ; свидание с его подзащитным, а также другие права, предусмотренные ст. 53 УПК РФ.

Осуществление права подозреваемых и обвиняемых на защиту является важнейшим конституционным принципом отечественного уголовно-процессуального закона, проявления его демократических основ. Более того, оно, по словам М.С. Тащиловой, позволяет «успешно сочетать деятельность государственных органов по раскрытию преступлений, расследованию и разрешению уголовных дел с охраной прав и законных интересов лиц, которые вовлечены в сферу уголовного судопроизводства» [6].

Участие защитника в предварительном расследовании, как подтверждает практика, начинается уже с момента появления в уголовном деле подозреваемого, и осуществляемого в ходе расследования преступления до самого его окончания. Согласно мнению ученых-юристов, «участие защитника в предварительном расследовании повышает его объективность, позволяет всесторонне оценить вмененные в вину эпизоды, а иногда и в целом прийти к выводу о невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности» [7].

В целом процессуальное положение адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве определяется через его права и обязанности, предусмотренные УПК РФ (ст. 15, 49, 53, 244, 248 и др.).

Для реализации же своих полномочий по защите в процессе участия в следственных действиях защитнику предоставляются достаточно широкие права. В частности, в соответствии со ст. 53 УПК РФ он может: иметь с подозреваемым, обвиняемым свидание, присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в допросе подозреваемого и обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого и обвиняемого; давать в присутствии следователя своему подзащитному краткие консультации; задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия, заявлять ходатайства и отводы; приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя; представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи своим подзащитным; использовать иные не запрещенные уголовно-процессуальным кодексом средства и способы защиты.

Наиболее прогрессивна деятельность по защите лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Таковой является деятельность адвокатов, обладающих статусом субъекта конституционной обязанности по оказанию доверителю квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, ч.1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации»). Соответственно, все вопросы, связанные с защитой, рассматриваются применительно к деятельности адвоката.

Защитник как самостоятельный участник процесса в ходе следственных действий и в других своих действий по защите интересов доверителя отстаивает не свои личные интересы, а законные интересы подозреваемого и обвиняемого. Цель его деятельности – всесторонне оценить факты, положенные в основу подозрения и обвинения своих под-

защитных, при незаконности их получения, их несостоятельности, отстаивать вывод об их невиновности или установление оправдывающих или смягчающих вину подозреваемого или обвиняемого обстоятельств.

При этом как самостоятельный участник уголовного процесса защитник может отстаивать интересы своих подзащитных не только путем реализации вышеуказанных полномочий, но и всеми другими не запрещенными уголовно-процессуальным законом средствами и способами (ч.1 ст. 53 УПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Но следует учесть, что защитник обязан действовать в строгом соответствии не только с указанными выше законами, но и в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката. Положения указанных законов и кодекса обязывают защитника иметь в виду, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли его доверителя. В соответствии с этим никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона, не могут быть выполнены адвокатом-защитником [8].

Это положение является одним из элементов механизма ограничения самостоятельности защитника в своей деятельности в осуществлении защиты. В целом этот механизм заложен в совокупности положений УПК РФ, Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики. В частности, его самостоятельность ограничена предметом защиты (правами и законными интересами его подзащитных) и пределами защиты (использованием только не запрещенных УПК РФ процессуальных средств, способов и этических пределов защиты). Поэтому самостоятельность защитника в деле защиты интересов своих доверителей не является абсолютной ни от чего (от указанных законов и Кодекса профессиональной этики адвоката) и ни от кого (прав и законных интересов доверителя) [9].

Несомненно, способы защиты – это целая система разнообразных действий защитника по осуществлению защиты. И насколько широко эта система будет продумана и реализована, зависит и успех защиты. Вне всякого сомнения, что защитники в качестве средств и способов защиты могут использовать отдельные тактические приемы криминалистики, трансформированные применительно к деятельности адвокатов. Однако эти средства криминалистики адвокаты сами должны приспособлять к своим целям. Деятельность защитника в уголовном судопроизводстве, как справедливо отмечается, является односторонней, направленной на выявление только того, что устраняет или смягчает вину его подзащитного и оказание ему необходимой юридической помощи, а помощником следователя в установлении фактов, свидетельствующих против его подзащитного, он не является. В то же время он не вправе искажать факты, но может умалчивать о ставших ему известных фактах [10]. Это право очень четко характеризовал М.Ю. Барщевский, написав, что «защитник должен говорить не всю правду, но правду» [11]. Вышеуказанное необходимо учитывать следователю при выстраивании тактики проведения следственных действий и особенно допроса подозреваемых и обвиняемых с участием защитника.

Законодатель предоставил адвокату-защитнику право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (п. 2. ч.1. ст. 53 УПК РФ) путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций (ч. 3. ст. 86 УПК РФ). По этому поводу часто сетуют, что законодатель не предусмотрел четкого механизма получения такой информации, форм и способов ее закрепления [12]. Представляется, что вряд ли целесообразно превращать деятельность адвоката по собиранию доказательств в некое параллельное адвокатское расследование, которое присуше

уголовному процессу Великобритании и США [13]. Конечно, адвокаты как профессиональные юристы, более других лиц, выступающих в роли защитников, в основном смогут при должной его регламентации провести такое расследование. В то же время, как справедливо отмечено, для успешности такого расследования необходимы не только значительные материальные средства, но и достаточно высокие профессиональные умения и навыки [14]. Поэтому профессионально осуществить такое расследование, не обладая необходимыми криминалистическими знаниями, невозможно.

Представляется, процессуальное ограничение самостоятельности адвоката в сборе доказательств, возможно, объясняется нашими современными реалиями, а именно возможностью столкновения интересов следователя и защитника в ходе выявления нужной им информации из одних и тех же источников, что может приводить к конфликтным ситуациям.

Действительно, в соответствии с УПК РФ защитник не наделен правом проведения своего расследования. Возможности по собиранию доказательств у защитника ограничены. Эти средства не создают достаточно надежных процессуальных гарантий правильного отображения и сохранения фактических данных. И, как правильно указывал А.М. Ларин, «доказательствами они станут только после того, как следователь или суд их примет и приобщит к уголовному делу» [15]. Для легализации полученных сведений в качестве доказательства и приобщении их к делу защитнику необходимо получить удовлетворение ходатайства об этом.

И вместе с тем в уголовно-процессуальном законе отсутствует четкий механизм достижения согласия между следователем и защитником по уголовно-процессуальной оценке собранных защитником доказательств. Поэтому сами по себе, например, представленные защитником данные проведенного им осмотра и описания каких-либо объектов, следов, доказательствами не являются, они лишь в рамках судебного следствия могут быть исследованы и при их признании приняты судом (ст. 88 УПК РФ).

Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что конфликтные отношения следователя и адвоката в первую очередь отражаются на подозреваемом (обвиняемом).

Нераспространение состязательных начал на стадию предварительного расследования и отрицание законодателем идеи параллельного адвокатского расследования, а также порой неумение и нежелание некоторых участников расследования выстроить нормальные отношения при их взаимодействии привели к тому, что среди некоторой части адвокатов возникли мнения о целесообразности процессуальной стадии «предварительное расследование» как таковой. Так, ряд опрошенных нами адвокатов в обоснование этого проводили следующие аргументы: на предварительном расследовании в отношении их подзащитных следователи якобы часто допускают неоправданный прессинг либо оказывают давление на подзащитного и другие злоупотребления, не разрешают пользоваться техническими средствами при проведении допросов. Таким образом, эти адвокаты сводили стадию досудебного производства лишь к стадии возбуждения уголовного дела. Досудебное производство имело бы при этом только одну стадию. Так, по мнению адвокатов, реализовывалось бы равноправие сторон обвинения и защиты, гласность и возможность подзащитного давать правдивые показания без всякого давления. Доказательственная сторона возлагалась бы на суд.

В данном случае мы категорически не согласны с такой точкой зрения. Во-первых, следует отметить, что стадия предварительного расследования необходима в первую очередь для того, чтобы еще до судебного следствия профессионально собрать, зафиксировать и оценить доказательства по расследуемому преступлению, эта процессуальная стадия способствует установлению истины по делу, проверке доказательств и фактов до передачи дела в суд, способствует наиболее полному раскрытию преступлений. В слу-

чае же ликвидации данной процессуальной стадии мы получим расформирование всей структуры следственных органов и криминализации в дальнейшем общества в целом. Также следует учесть и то обстоятельство, что судебная система еще не настолько эффективна, чтобы справиться с таким потоком дел и увеличением объема доказывания – это приведет лишь к серьезным сбоям и просчетам при вынесении решений. В силу указанных обстоятельств мы считаем стадию предварительного расследования гарантом качественного принятия судом решений в отношении виновности и невиновности лица.

Что касается мнения адвокатов по ликвидации стадии предварительного расследования, то интересы некоторых недобросовестных адвокатов понятны. В такой ситуации легче было бы лоббировать свои интересы для принятия интересующего их решения в суде. Но в данном случае, предварительное расследование является своеобразной формой контроля в отношении противодействия со стороны недобросовестных адвокатов. Что же касается мнения адвокатов в отношении действий следователя, то они могут быть свободно обжалованы в случае наличия злоупотреблений со стороны такового.

Исходя из изложенного выше, мы считаем, что остается актуальной проблема изучения характера и видов следственных ситуаций и тактических особенностей их проведения. Необходима выработка тактических рекомендаций для следователей с целью проведения отдельных следственных действий с участием защитника и сведения к минимуму противодействия с его стороны (в рамках закона).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См., например: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1984. С. 4; Казинян Т.С., Соловьев А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. М., 1987. С. 7-10.
2. Шейфер С.А. Указ. соч. С.18.
3. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 494; Шейфер С.А. Указ. соч. С. 68.
4. См.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 69.
5. См.: Уголовный процесс. Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд. М.: Норма, 2008. С. 49.
6. Тащилина М.С. Адвокат и суд присяжных в России. М., 2001. С. 5.
7. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М., 2003. С. 5.
8. См.: ч. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.
9. См.: Кудрявцев В.П. Роль и место адвоката среди субъектов, выступающих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2008. № 3. С. 15.
10. См.: Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М., 2003. С. 10.
11. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М., 2000. С.100.
12. См.: Схалыко И.И. Участие защитника в доказывании по уголовным делам. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 10.
13. См.: Курдова А.В. Защитник обвиняемого в уголовном процессе США (досудебная стадия). Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М. 1998, С 9-10.
14. См.: Кириллова М.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции. Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. СПб, 2008. С. 14.
15. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс. Лекции-очерки / Под. ред. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 126.

S. Maevskiy

PROCEDURAL AND CRIMINALISTICS SIGNIFICANT ASPECTS OF ACTIVITY OF INVESTIGATORS AND DEFENDERS AT CARRYING OUT SEPARATE INVESTIGATORY ACTIONS.

Abstract. The article is devoted to research of the problems arising at realization by the

investigator of the powers by manufacture of investigatory actions, and also in cases when the defender takes part in investigatory action. The special attention is given to the characteristic of the tactical receptions providing effective manufacture of investigatory actions.

Key words: the investigator, the defender, investigatory action, criminal procedure, criminalistics.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЪЕКТОВ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена объектам познания в криминалистике и их взаимосвязи. В заключении сформулирована авторская позиция о сути исследуемой проблемы

Ключевые слова: преступление, преступник, раскрытие, расследование, взаимосвязь, криминалистика, следователь, методика

Г. Гросс в предисловии к своему известному произведению писал, что если потребуется новое издание, то книга появится как «система криминалистики».

1-я часть. Теоретическое учение о проявлениях преступлений.

2-я часть. Практическое руководство для производства следствия [1].

Указание на системный характер криминалистики как единой самостоятельной отрасли знаний, состоящей из двух частей, их содержание, свидетельствует о взаимосвязи рассматриваемых разделов. Хочется также обратить внимание на то, что предложенная Г. Гроссом система и последовательность изложения криминалистически значимых «проявлений преступления» и практических действий следователя используется большинством ученых и сегодня при изложении криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений [2].

Подчеркивал взаимосвязь объектов познания и такой известный криминалист как Г.Ю. Маннс. Он, например, писал: «Чтобы криминалистика могла, зная, как совершаются преступления, с успехом выполнять свою основную задачу, заключающуюся в разработке таких приемов расследования, которые бы дали возможность если не достигнуть, то приблизиться к идеалу всякой следственной деятельности – раскрытию всех совершаемых преступлений». То есть, фактически провозглашалось, что для криминалистики важны такие знания преступной деятельности, которые могут привести к раскрытию преступления [3].

Вывод о взаимосвязи и взаимозависимости объектов познания в криминалистике можно сделать и при ознакомлении с содержанием книги И.Н. Якимова. В частности, ученый писал, что «современные преступники изучают и пользуются для осуществления своих преступных целей последними научными открытиями и изобретениями в области технических и естественных наук, и в нужных случаях прибегают к ним, обнаруживая подчас солидное их знание и мастерство. Вследствие этого при раскрытии преступлений не только затрудняется и осложняется деятельность органов дознания и следствия необходимостью изучения примененных преступниками способов и средств при совершении преступления, но и возникает для них необходимость выработать свои способы и приемы раскрытия преступлений, стоящие на высоте науки и ее последних достижений» [4].

Системное, комплексное изложение вопросов методики расследования преступлений в работе В.И. Громова также свидетельствует о взаимосвязи объектов познания в криминалистике [5].

Подобная последовательность изложения сведений о криминалистической характеристике преступной деятельности и криминалистической деятельности по расследованию преступлений в структуре «Методики расследования отдельных видов преступлений» сохранилась в первом советском учебнике по криминалистике [6].

Подчеркивая взаимосвязь объектов познания в криминалистике, Р.С. Белкин писал, что «преступление, как элемент, часть предмета криминалистической науки считается той областью объективной действительности, познание которой является фундаментом для всей системы криминалистики. Можно без преувеличения сказать, что изучение пре-

ступления, способов его совершения и сокрытия, обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих его совершению, было тем необходимым условием, которое сделало возможным разработку средств и методов борьбы с преступностью» [7].

В учебнике 1999 г. под общей редакцией Р.С. Белкина объектами криминалистики названы – «преступность, с одной стороны, и предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступлений – с другой» [8].

Е.Р. Россинская полагает, что «объектами криминалистики являются, с одной стороны, преступность, преступление, а другой – предварительное расследование, судебное разбирательство, предупреждение преступлений» [9].

Взаимосвязь объектов криминалистического изучения показана А.Ф.Волынским, А.М.Кустовым и В.П.Лавровым в учебнике 2008 г. [10]

Е.П.Ищенко, выделяя два главных объекта изучения в криминалистике, пишет, что деятельность по раскрытию и расследованию является антагонистической по отношению к преступной, но в то же время органически и неразрывно связана с последней [11].

Считая, что основным объектом криминалистического исследования являются определенные виды человеческой деятельности, ученые-криминалисты МГУ им.М.В. Ломоносова выделили, с одной стороны, поведение преступника (преступную деятельность), в первую очередь как объект познания, с другой – деятельность следователя и других криминалистов как объект ее оптимизации. При этом «результаты криминалистических исследований обоих указанных объектов содержатся во всех разделах науки в виде криминалистических знаний и даже целых теорий о тех или иных особенностях различных видов преступной деятельности, деятельности по ее расследованию и приемах раскрытия и расследования преступлений» [12].

Несколько позднее Н.П. Яблоков указал на «двуединый объект познания – преступную деятельность и криминалистическую деятельность по ее расследованию и предупреждению» [13].

Позиция ученого была конкретизирована и уточнена в 3-м издании того же учебника [14]. Указание на двуединый объект познания еще более подчеркивает взаимосвязь преступной и криминалистической деятельности.

Аналогичную точку зрения высказывает А.Ю.Головин, который применительно к криминалистическим объектам познания отмечает, что «каждый объект может быть изучен с различных сторон. Совокупность результатов исследования объекта в различных “срезах” служит основанием для возникновения целостно-интегрального образа объектов» [15].

Разделяя позицию Н.П. Яблокова и А.Ю. Головина, подчеркнем еще раз, что объекты познания в криминалистике взаимосвязаны и взаимозависимы. Изменения в преступной среде, например, внедрение в криминальную практику новых способов совершения преступлений, противодействия расследованию неизбежно влекут изменения и в деятельности следователя, направленные на решение задач уголовного судопроизводства. Нетрудно предположить и обратную взаимосвязь: разработка и внедрение в практическую деятельность новых методик расследования тех или иных преступлений, обуславливает ответное реагирование преступной среды, ее адаптацию «к новым правилам игры».

О необходимости установления системы связей между криминалистической деятельностью и «элементами преступной структуры» пишет А.В. Дулов. Он, в частности, отмечает, что «установление связей является особенно необходимым при исследовании отношения человека к действиям и наступившим последствиям» [16].

Традиционных взглядов на объекты познания в криминалистике придерживается Н.И. Порубов, который, кроме того, отмечает, что развитие криминалистики характеризуется интенсификацией процессов не только интеграции, но и дифференциации знаний.

По мнению ученого, «интеграция ведет к взаимопроникновению наук; дифференциация, напротив, к их выделению, все большей их специализации» [17].

Г.А. Зорин пишет, что «основным объектом криминалистического исследования является человеческая деятельность: с одной стороны, поведение преступника (в первую очередь как объекта познания), с другой – деятельность криминалиста как объекта управления и оптимизации». Рассматривая взаимосвязь «основного объекта криминалистического исследования», исследователь несколько сузил объекты познания в криминалистике указанием только на «поведение преступника» и «деятельность криминалиста» [18].

М.К. Каминский считает, что структура преступной деятельности и структура расследования преступления должны соответствовать друг другу по методологическому принципу изоморфизма («зеркальности») [19]. Взаимосвязь объектов познания криминалистики подчеркивается и в более поздних работах ученого [20].

Полемизируя с М.К. Каминским, Ю.П. Гармаев отмечает, что «с этим, казалось бы, можно согласиться: преступная деятельность и деятельность по расследованию преступлений являются «порождаемыми» от более общей «порождающей» структуры – структуры человеческой деятельности вообще. Но из этого положения не следует, что оба вида деятельности «открывают» друг друга. Они относятся к системам одного эпистимологического уровня. Это суть одноуровневые системы. Потому, например, элементно-функциональная модель преступной деятельности находится в изоморфном отношении только к структуре версионного анализа при расследовании преступлений. Только в этом и состоит «зеркальность» одноуровневых систем. Именно по этой причине еще никому не удавалось дать иллюстрацию изоморфизма в рамках конкретной методики» [21].

В более поздней по времени монографии, изданной Ю.П. Гармаевым в соавторстве с А.Ф. Лубиным, читаем, что «механизм преступной деятельности (механизм преступления) служит средством для формирования “подлинной” (в духе Р.С. Белкина и Л.Г. Видонова) криминалистической характеристики вида или группы преступлений. Последняя же, как сущностное знание о деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, выступает (наряду с техническими и организационными средствами) в качестве информационного средства методики» [22]. Упомянутым утверждением авторы фактически подчеркивают взаимосвязь объектов познания в криминалистике.

Л.Я. Драпкин и В.Н. Карагодин указывают, что «... к объектам криминалистики традиционно относятся два вида деятельности: криминальная и по расследованию преступлений». Далее ученые отмечают, что «в последнее время появились вполне обоснованные предложения о включении в объект криминалистики научной деятельности по обобщению практики, разработке теоретических положений, приемов, методов, средств расследования и рекомендаций по их применению» [23].

Вступив в заочный спор с В.А. Образцовым, О.Я. Баев пишет, что «...нельзя отрывать исследование преступлений от того, что исследуется, от механизма совершения преступлений, от того, каким закономерностям – естественно, не всем, а лишь значимым для их исследования, они, преступления, подчиняются. Ведь начиная расследование, следователь думает, не может не думать в первую очередь о том, как расследуемое преступление было совершено, какие и на каких объектах, следы неизбежно или возможно остались, т.е. ищет результаты проявления определенных закономерностей преступной деятельности. Разрабатывать средства судебного исследования преступления в отрыве от закономерностей последних – все равно, что пытаться начертить прямоугольник одной линией – либо без длины, либо без высоты» [24]. В целом соглашаясь с этим утверждением известного ученого, безусловно подчеркивающим взаимосвязь объектов познания в криминалистике, все-таки отметим, что его позиция о том, что криминалистика это

наука «об уголовно-релевантных закономерностях преступной деятельности» [25] нами не разделяется. И вот почему. Все науки, в том числе уголовно-правовые, изучают закономерности. Каждая - через призму своего предмета. Следовательно, термин не точен, так как изучение уголовно-релевантных закономерностей логично отнести к предмету уголовного права, оставив за криминалистами право изучать закономерности криминалистические.

Взаимосвязь объектов познания отмечается и В.П. Бахиным. В частности, ученый отмечает, что криминалистический анализ преступлений должен осуществляться с целью разработки криминалистических рекомендаций по расследованию [26].

С.Л. Кисленко отмечает, что «проблема объекта криминалистики является одной из основополагающих проблем данной науки». И далее, «объект криминалистики представлен на сегодняшний день в большинстве научных работ как совокупность элементов следующих категорий: преступная деятельность и деятельность криминалистическая (по выявлению и раскрытию преступлений)» [27].

О.В. Челышева, отмечая первичный характер объекта исследования по отношению к предмету науки и изучение наукой именно вторичного (идеализированного) объекта, пишет, что «эмпирическое, опытное познание имеет единичный, случайный характер. В обеих сторонах объекта криминалистического исследования (преступлении и процессе расследования) реально существуют общее и единичное, необходимое и случайное. Для того чтобы выявить закономерное, необходимо исследовать и случайное (хотя бы для того, чтобы определить, что оно именно случайное) и таким образом “отделить зерна от плевел”» [28].

Поскольку рассматриваемые объекты познания изучаются и другими уголовно-правовыми науками, каждой через призму своего предмета и метода правового регулирования, подчеркнем, что в процессе криминалистического исследования исходные эмпирические данные, полученные в ходе изучения объектов, дополняются теоретическими знаниями, то есть системой понятий об основных сущностных свойствах, признаках и характеристиках исследуемого объекта, о закономерностях его генезиса, функционирования и развития. Полученные при помощи криминалистического метода итоговые знания (эмпирические и теоретические) и составляют суть предмета науки криминалистики. Остальные сведения, полученные в ходе практического и теоретического обобщения, в том числе уголовно-правовые и уголовно-процессуальные, могут быть интересны криминалистике, естественно, будут учитываться, но их следует относить к соответствующим отраслям научного знания.

Налицо единство и взаимосвязь не только предмета и метода криминалистики, но и ее двуединого объекта.

В ходе проведенного теоретического и практического исследования, нами определен алгоритм криминалистического исследования двуединого объекта познания. Он может быть представлен в следующем виде.

Первичен преступник! Участник процесса, обладающий властными полномочиями, в ретроспективе познает единичное преступление и преступника по оставленным им следам (материальным и идеальным). Непосредственное соприкосновение с преступлением возможно только по оставленным материальным следам. В результате исследования следов появляется знание о механизме преступной деятельности, устанавливается следовая картина происшедшего. В ходе эмпирических научных обобщений учеными формируется криминалистическая характеристика (модель) преступной деятельности, учитывающая в том числе типологические особенности преступника, с учетом его преступной специализации. Затем определяются типовые версии, следственные ситуации, в результате выработки алгоритма деятельности следователя формируется частная кри-

миналистическая методика расследования конкретных видов или групп преступлений. Полученные научные знания уточняются в ходе последующего обобщения следственной и судебной практики, выявления положительного опыта и ошибок в расследовании конкретных преступлений.

По сути, к раскрытию преступлений следственным путем, используя достижения криминалистики, приводят сведения о преступлении и преступнике, которые отразились в следовой картине происшедшего события. Следовательно, эта именно та информация, которая нуждается в научном осмыслении, именно она составляет суть предмета криминалистики и криминалистических научных исследований.

Причем даже познание механизма преступной деятельности участником уголовного процесса, обладающим властными полномочиями, его внутренняя убежденность и позиция о том, что лицо, которому предъявлено обвинение виновно в совершении инкриминируемого ему преступления, как мы все понимаем, вовсе не означает, что в последующем будет провозглашен обвинительный приговор.

Например, в уголовно-процессуальном законодательстве России действует такой демократический институт, как суд присяжных. И по действующему уголовно-процессуальному кодексу, даже в случае, если виновность подсудимого в судебном заседании будет установлена, суд присяжных теоретически может «проголосовать» за его оправдание, либо заявить, что подсудимый заслуживает снисхождения. Обобщение практики провозглашения оправдательных приговоров, в том числе вердиктом коллегии присяжных заседателей свидетельствует о том, что ими в большей мере принимаются за основу так называемые «немые свидетели», то есть вещественные доказательства-последствия преступной деятельности (следовая информация). Если же они отсутствуют, неизбежны эмоции и психологические ошибки. Это свидетельствует о значимости работы со следами-последствиями преступной деятельности, более того, о значимости криминалистических знаний вообще.

Очевидно, что рассматриваемые объекты изучаются и другими уголовно-правовыми науками.

Убеждены, что уточнение предметной сферы уголовно-правовых наук при изучении одних и тех же объектов познания позволит повысить качество проводимых научных исследований и эффективность правоприменительной деятельности по противодействию преступности.

Конечно, говорить и писать об этом легко. Гораздо труднее разграничить предметы ведения реально, в ходе эмпирического исследования и теоретического осмысления полученных результатов. Мы понимаем, что это не такая простая задача. Но решать ее нужно. В этой связи хотелось особо подчеркнуть, что в этом вопросе, мы исходим из того, что при изучении общих объектов познания уголовно-правовых наук понятийный аппарат был единым.

В связи с вышеизложенным, уточним и конкретизируем некоторые итоговые результаты.

1. В ходе научного исследования объектов познания уголовно-правовых наук неточности в формулировании предмета криминалистического научного исследования являются методологическими ошибками и, в последующем, приводят к поверхностному изложению криминалистически значимых признаков преступной деятельности. В свою очередь, такие результаты остаются не востребованы практикой, ведут к аналогичным результатам, например, при изложении алгоритма деятельности следователя на уровне частной криминалистической методики.

2. Интегративный характер криминалистики не означает возможность «вторжения» в предметные сферы уголовного и уголовно-процессуального права. Необходима диффе-

ренциация знаний при изучении общих объектов познания.

Попытки комплексного изучения объектов познания уголовно-правовых наук, без уточнения предметов ведения, не будут отличаться глубиной и системностью изложения полученных результатов.

3. Использование терминов уголовного и уголовно-процессуального права к разграничению предметов ведения не приводит. Более того, возникает масса противоречий, устранить которые практически невозможно, естественно, применительно к теме статьи.

4. Некоторые ученые пишут о том, что *уголовно-правовые науки взаимосвязаны при изучении общих объектов познания* (курсив наш – Е.С.) и при их исследовании необходимо вычленировать сведения, которые относятся к предмету криминалистики.

Представляется, что вопрос как эти сведения получить, является одним из основных как в криминалистике, так и любой другой отрасли научного знания. Одним из путей его решения является определение критериев для разграничения предмета криминалистики с предметом уголовного и уголовно-процессуального права. Такими критериями могут, например, являться *цель и задача познания* (курсив наш – Е.С.). В свою очередь, целью познания в криминалистике предлагаем считать установление следовой картины происшедшего события, а, соответственно, задачей – обнаружение и работа с материальными и идеальными следами-последствиями преступления.

5. Если установление следовой картины происшедшего события – это цель практической криминалистики, то, решая аналогичные задачи, необходимо все оставленные преступником следы обнаружить, своевременно зафиксировать, изъять, а затем исследовать, в т.ч. и с помощью специалистов (экспертов). Если этот переход обеспечен, а мы полагаем, что это *функция криминалистики* (курсив наш – Е.С.), то решаются задачи уголовной политики и уголовного судопроизводства. Если же нет, то многие преступления остаются нераскрытыми, виновные лица не установлены, потерпевшие остаются незащищены государством. Возможны и другие негативные последствия.

В ходе реализации этой функции взаимосвязь криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом проявляется наиболее ярко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. XV-XVI.
2. См., напр.: Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 303 с.; Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / под ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 495 с.; Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М.: Эксмо, 2009. 400 с. и др.
3. Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1921. Вып. 2. С. 147-148.
4. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 5-6.
5. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места происшествия: сб. науч. тр. М.: ЛексЭст, 2003. С. 3.
6. Криминалистика. Кн.2. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1936. С. 3-5.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 116.
8. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С.Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. С. 32.
9. Россинская Е.Р. Криминалистика: Курс лекций. М.: Норма, 2006. С. 9-10.
10. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 26-51.

11. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова; под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М.: Высшее образование, 2006. С. 18-19.
12. Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: БЕК, 1996. С. 21.
13. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. С. 15.
14. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 23-27.
15. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002. С. 18.
16. Дулов А.В. Место системного подхода в методологических основах криминалистики // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: сб. тезисов, Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, 4-5 декабря 2006 г. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 46-50.
17. Андреев И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н.И. Порубова. Мн.: Выш. шк., 1997. С. 8.
18. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Мн.: Амалфея, 2000. С. 16.
19. См.: Каминский М.К. Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Тр. ГВШ МВД СССР. Горький, 1977. Вып. 8. Ч. 1. С. 153-158.
20. См.: Каминский М.К. Современные проблемы криминалистической идентификации в свете работ профессора А.И.Винберга // Значение творческого наследия профессора А.И.Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения): сб. матер. 49-х Криминалистических чтений. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 40.
21. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск: ИЮИ ГП РФ, 2003. С.51-52.
22. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 97.
23. Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 3.
24. Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2003. С. 25.
25. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2003. С. 9.
26. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступления как элемент расследования // Вестник криминалистики. Вып. 1. М.: Спарк, 2000. С. 16.
27. Кисленко С.Л. Криминалистическая деятельность как объект исследования // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: сб. тезисов, Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, 4-5 декабря 2006 г. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 65-71.
28. Чельшева О.В. О необходимости разграничения объекта и предмета криминалистики // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 1 (17). С. 13-18.

E. Smakhtin

INTERACTION BETWEEN THE OBJECTS OF COGNITION IN CRIMINALISTICS.

Abstract. The article is devoted to the objects of criminalistics and their cognition. The author's position about the essence of investigating problem is formed in conclusion.

Key words: crime, the offender, the disclosure of the investigation, the relationship, criminalistics, the investigator, the method.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.4

Голышев В.Г.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПОВ ЧАСТНОГО ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена определению системы принципов частного деликтного права, а также описанию содержательной характеристики каждого принципа, входящего в эту систему.

Ключевые слова: принцип, частное деликтное право, гражданско-правовая ответственность, законность, вина, возмещение вреда, справедливость, соразмерность.

Современное российское гражданское законодательство, являясь главным по значимости средством частноправового регулирования, сосредоточило основной массив норм об ответственности в Гражданском кодексе РФ. В юридической литературе справедливо указывается на то, что именно гражданское право наиболее полно и последовательно воплощает в себе черты частного права [1, 2; 2, 3 и др.], что, конечно, касается и норм об ответственности.

Гражданско-правовая ответственность в настоящее время имеет прежде всего имущественный характер и направлена главным образом на восстановление имущественных потерь потерпевшей стороны за счет причинителя вреда. Данная особенность характерна и для всего частного деликтного права в целом.

Таким образом, современное частное деликтное право представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу причинения вреда физическим и юридическим лицам, а также публично-правовым образованиям в имущественной или неимущественной сфере в результате совершения частного правонарушения. При этом частное правонарушение в самом общем виде представляет собой, как правило, виновное, противоправное деяние, посягающее на частный интерес отдельного лица (группы лиц) и причиняющее вред личности или имуществу субъектов частного права. Правовая защита от таких правонарушений либо их последствий предоставляется по требованию самого частного лица, чье право нарушено.

В правовой теории принципы права традиционно определяются как основные начала правового регулирования общественных отношений, отражающие наиболее существенные свойства права и тенденции его развития, характеризуются устойчивостью и способностью оставаться неизменными в течение длительного времени. Необходимо отметить, что в юридической литературе не сложился единый подход к формированию системы принципов юридической ответственности и трактовке содержания каждого из них [6, 383—384; 3, 72—78 и др.]. В целях настоящей работы следует остановиться лишь на тех положениях, которые являются наиболее характерными для ответственности в частном праве вообще и в гражданском праве в частности.

1. *Принцип законности* является общеотраслевым принципом. Его реализация при регулировании частных деликтных отношений выражается в том, что юридическая ответственность должна применяться лишь в рамках строгих требований, установленных нормативными правовыми актами. С точки зрения реализации данного принципа можно выделить две стороны частно-правовой ответственности — материальную и процессуальную. Если материальная сторона предполагает наступление ответственности лишь за

деяния, предусмотренные законом и только в пределах закона, то процессуальная сторона имеет своим основным требованием обоснованность привлечения конкретного лица к ответственности, установление объективной истины в целях разрешения вопросов, связанных с определением конкретного основания юридической ответственности, и факта совершения субъектом конкретного правонарушения.

Применительно к частному деликтному праву реализация принципа законности означает, что при нарушении правил, установленных законом, потерпевшее лицо вправе требовать возмещения причиненного ему вреда. Однако при этом следует учитывать, что закон не допускает применения санкций, не предусмотренных им для разрешения того или иного вопроса об ответственности. Так, в соответствии с ГК РФ основаниями для компенсации морального вреда являются:

- нарушение личных неимущественных прав гражданина — во всех случаях;
- нарушение имущественных прав — в случаях, предусмотренных законом [5].

Нарушение требований законности при применении норм об ответственности является основанием для отмены судебных решений, поскольку нарушение этих требований превращает «ответственность» в беззаконие, в грубое нарушение прав участников общественных отношений.

2. Принцип ответственности за вину предполагает, что к юридической ответственности может быть привлечено лишь такое лицо, которое виновно причинило вред личности или имуществу субъекта права. Установление виновности причинителя вреда является необходимым условием применения к нему предусмотренных законом санкций.

В то же время необходимо отметить, что гражданское законодательство в отдельных, исключительных с точки зрения права случаях допускает возможность привлечения правонарушителя к ответственности без учета вины в его деяниях (п. 1 ст. 1070, ст. 1100 ГК РФ и др.). Такое положение дел, очевидно, обусловлено необходимостью соблюдения баланса интересов в тех случаях, когда он не может быть сохранен соблюдением общего правила – виновного характера частно-правовой ответственности. Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 105 ГК РФ ответственность основного общества, которое имеет право давать дочернему обществу обязательные для него указания, носит солидарный с дочерним обществом характер, если вытекает из сделок, заключенных последним во исполнение таких указаний. Анализируя содержание данной нормы и практику ее применения, разработчики Концепции развития гражданского законодательства РФ пришли к выводу о том, что такая ответственность по общему правилу должна наступать при отсутствии вины, и лишь при банкротстве – при наличии любой формы вины в деятельности «материнской» компании [4, 59-61].

Необходимо заметить, что действующая редакция рассматриваемой нормы не содержит каких-либо прямых указаний на возможность привлечения к ответственности без вины как основного, так и дочернего обществ (товариществ).

3. Принцип восстановительного характера частно-правовой ответственности (полного возмещения вреда) определяется, прежде всего, тем обстоятельством, что согласно п. 1 ст. 1 ГК РФ обеспечение восстановления нарушенных прав относится законодателем к числу основных начал гражданского законодательства, что, по сути, определяет цель гражданско-правовой ответственности, воспринятой цивилистической доктриной [См. напр.: 8, 59].

Поскольку восстановление нарушенных прав предполагает полное устранение противоправных последствий правонарушения, реализация этого принципа предполагает полное возмещение причиненного вреда, что, в свою очередь, находит непосредственное отражение в содержании закона.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может

требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Еще одним примером выражения данного принципа в нормах закона является п. 1 ст. 1064 ГК РФ, в соответствии с которым вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Восстановительный характер ответственности типичен и для общественных отношений, регулируемых нормами трудового законодательства, что связано с общим назначением материальной ответственности, выражающейся в защите имущественных прав и интересов сторон трудового договора [см. напр.: 7, 391].

4. Принцип индивидуализации частноправовой ответственности означает, что при определении мер ответственности, подлежащих применению к правонарушителю, необходимо принимать во внимание обстоятельства, определяющие социальную полезность и эффективность принимаемых к нему мер. Перечень таких обстоятельств закон не определяет исчерпывающим образом, указывая лишь на некоторые из них применительно к отдельным вопросам возмещения вреда. Так, например, в соответствии со ст. 151 ГК РФ при определении размеров компенсации морального вреда суд должен принимать во внимание степень вины правонарушителя. Согласно п. 3 ст. 1083 ГК РФ суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

Таким образом, индивидуализация ответственности направлена на персонализацию обязанности причинителя вреда претерпевать негативные последствия совершенного правонарушения в зависимости от сущностной характеристики обстоятельств, определяющих справедливость мер, принимаемых к каждому конкретному правонарушителю.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что если ответственность индивидуализирована, то она и гуманна, и справедлива [3, 78], поскольку именно соображения необходимости гуманного и справедливого отношения общества к правонарушителю определяют содержание данного принципа.

5. Принцип соразмерности возмещаемого вреда характеру и содержанию совершенного правонарушения, а также обусловленным им последствиям, как и предыдущий, направлен на обеспечение справедливого размера вреда, возмещаемого потерпевшему, но не с точки зрения индивидуализации ответственности посредством учета личностных характеристик и особенностей имущественного положения правонарушителя, а с позиции адекватности объема подлежащего возмещению вреда фактически причиненным негативным последствиям. Например, в соответствии с уже упоминавшейся ст. 151 ГК РФ при определении размеров компенсации морального вреда суд должен также принимать во внимание не только степень вины правонарушителя, но и степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Однако необходимо отметить, что в соответствии с данным принципом при разрешении вопроса о возложении ответственности необходимо учитывать предусмотренные законом ограничения абсолютизации нормативных установлений о возмещении вреда в полном объеме. В частности Гражданский кодекс РФ предусматривает ограничения принципа полного возмещения вреда (восстановительного характера частно-правовой ответственности), указывая в том или ином случае на возможность возмещения только реального ущерба. Примерами таких ограничений являются:

- ст. 171 ГК РФ, указывающая на обязанность дееспособной стороны сделки, совершенной с недееспособным участником, возместить последнему, при определенных

обстоятельствах, понесенный им реальный ущерб;

- ст. 179 ГК РФ, согласно которой потерпевший — участник сделки, совершенной под влиянием насилия, угрозы, злонамеренного соглашения или стечения тяжелых обстоятельств, вправе рассчитывать лишь на возмещение причиненного ему реального ущерба.

Вместе с тем действующее законодательство ограничивает ответственность не только по отдельным видам обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 400 ГК РФ может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность) по отдельным видам обязательств, связанным с определенным родом деятельности:

- в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору энергоснабжения сторона, нарушившая обязательство, обязана возместить причиненный этим реальный ущерб (п. 1 ст. 547 ГК РФ);

- исполнитель научно-исследовательских либо опытно-конструкторских и технологических работ обязан возместить убытки, причиненные им заказчику, в пределах стоимости работ, в которых выявлены недостатки, если договором предусмотрено, что они подлежат возмещению в пределах общей стоимости работ по договору, что же касается упущенной выгоды, то она подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных договором (п. 2 ст. 777 ГК РФ);

- если договор простого товарищества не связан с осуществлением его участниками предпринимательской деятельности, каждый товарищ отвечает по общим договорным обязательствам всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело (п. 1 ст. 1047 ГК РФ).

Характеристика данного принципа была бы неполной без упоминания содержания ст. 333 ГК РФ, которая предоставляет суду право уменьшить подлежащую уплате неустойку в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства. Как видно из содержания закона, такое правило, на первый взгляд, противоречит иным положениям Гражданского кодекса РФ. Например, правилу о том, что по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ), поскольку без разрешения вопроса о величине убытков (о которых основательнее всех может вести речь лишь сам кредитор) нельзя сделать правильный вывод о несоразмерности подлежащей взысканию неустойки последствиям нарушения обязательства. Или, например, принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ), в соответствии с которым стороны соглашения могут по своему усмотрению определять условия договора. Однако чего стоит усмотрение сторон и уверенность в исполнении взятого на себя обязательства, коль скоро суд, реализуя свое право, предусмотренное ст. 333 ГК РФ, может существенно скорректировать реализацию соглашения сторон об уплате неустойки и представления кредитора о справедливости.

Между тем именно соображениями разумности и справедливости, необходимыми для гражданско-правового регулирования общественных отношений, непосредственно выражающихся в требовании соразмерности возмещения вреда последствиям совершенного правонарушения, и объясняется логика законодателя, изложенная в анализируемой статье.

Необходимо также отметить, что взаимосвязь и взаимообусловленность всех указанных принципов в решающей степени определяют содержание и правовые особенности частного деликтного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданское право: В 2 т. Т. 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998.
2. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2006.
3. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. Ст. А.Л. Маковского. — М.: Статут, 2009.
5. Обзор судебной практики рассмотрения дел по жалобам военнослужащих на действия и решения органов военного управления и воинских должностных лиц // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 11—12.
6. Теория государства и права: Учебник / Под ред. проф. А.И. Денисова. М.: Изд-во МГУ. 1967.
7. Трудовое право: Учебник / Под общ. ред. С.П. Маврина и Е.Б. Хохлова. М.: Высшее образование, 2005.
8. Щенникова Л.В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект / Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. М.: Статут — Екатеринбург: Институт частного права, 2002.

V. Golyshev

TO A QUESTION ABOUT THE SYSTEM AND THE CONTENT OF THE PRINCIPLES OF PRIVATE TORT LAW.

Abstract. Article is devoted to the definition of principles of private tort law, as well as the description of the content characteristics of each principle, included in this system.

Key words: Principle, private tort law, civil liability, law, guilt, reparation, justice, proportionality.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 346.548

Королев Ю.Н.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (СЛУЖБ БЕЗОПАСНОСТИ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (ПРЕДПРИЯТИЙ) В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ В КОММЕРЧЕСКОЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья раскрывает специфику задач, функций разведывательных подразделений предприятий (фирм, корпораций) и их оптимальную организационную структуру с учетом реалий коммерческой и предпринимательской деятельности в условиях кризиса

Ключевые слова:

- частные охранные организации (до 1 января 2009 г. – частные охранные предприятия);
- службы безопасности;
- конкурентная борьба;
- коммерческий договор (контракт);
- криминальные аспекты товарного рынка;
- недобросовестная конкуренция;
- аналитическая группа (сектор);
- группа (сектор) стратегического планирования;
- разведывательная информация;
- разведывательная техника (спецсредства);
- внешние реальные потенциальные угрозы;
- деловой партнер;
- основные элементы системы безопасности.

Информацию упреждающего характера о тенденциях, фактах, явлениях, существующих вне предприятия, способна предоставлять (при наличии организации ее работы) разведка ЧОО [5] (СБ). Перед этим подразделением обычно ставится одна общая цель: своевременное выявление и представление руководству предприятия закрытой информации о реальных и потенциальных внешних угрозах его функционирования.

Качественной и своевременной информация становится, если установлены:

- а) важность (способность внести вклад в деятельность предприятия);
- б) точность (надежность источника и самой информации) и
- в) значимость (ценность и правильное понимание) информации.

Достижение цели, поставленной перед разведкой, возможно при реализации следующего комплекса задач:

- выявление правонарушений, затрагивающих экономические интересы предприятия;
- своевременное информирование о методах, способах и лицах, имеющих намерение (или исполнивших это намерение) нанести ущерб предприятию и/или его персона-

лу;

- содействие правоохранительным, судебным и контрольно-надзорным органам в привлечении к ответственности юридических и физических лиц, действия которых затрагивают интересы предприятия-учредителя.

В свою очередь, выполнению этих задач будет способствовать реализация следующих функций:

- изучение криминальных аспектов рынка;
- определение степени надежности деловых партнеров;
- предоставление руководству предприятия необходимой информации до и во время проведения деловых переговоров;
- изучение негативных аспектов теневой экономики;
- выявление предприятий, занимающихся недобросовестной конкуренцией;
- сбор сведений о лицах, не работающих на предприятии и замышляющих либо совершивших преступления против персонала и/или имущества;
- проверка лиц, заключивших с предприятием коммерческий контракт;
- установление фактов присвоения другими физическими или юридическими лицами утерянного имущества предприятия;
- проверка кредитоспособности деловых партнеров;
- выявление и документирование фактов нарушений прав владельцев товарного знака;
- сбор сведений по граждански делам в отношении юридических лиц или граждан, ранее не работавших на предприятии;
- выявление среди неработающих на предприятии лиц, занимающихся экономическим шпионажем против предприятия-учредителя.

Изложенные требования к целям, задачам и функциям разведывательного подразделения СБ, если они будут приняты, в решающей степени определяют его организационную структуру.

Структура разведки СБ включает в себя два вида подразделений (групп, секторов, сотрудников): добывающие и информационные.

Основная задача добывающих подразделений состоит в получении всеми доступными и не противоречащими законодательству средствами и методами сведений, документов, предметов и других материалов, которые представляют или могут представить разведывательный интерес. Поэтому в составе этих подразделений должны быть следующие группы (секторы, отдельные сотрудники): по работе с информаторами; по выявлению и сбору открытых и закрытых публикаций; скрытого наблюдения; технического обеспечения проведения операций; проведения расследований и документированию поведения изучаемого объекта. Значение добывающих подразделений столь велико, что на их финансирование обычно приходится около 80 процентов затрат всей разведки.

Добывающие подразделения должны быть ориентированы на то, что необходимые сведения могут быть перехвачены у людей, которые причастны к процессу сбора, передачи, накопления, хранения, поиска и переработки информации и выдачи ее для использования. Разумеется, наиболее ценными для разведки будут сведения, готовые для использования, однако пренебрегать информацией, полученной на более ранних этапах процесса работы с информацией, непозволительно.

Основная задача информационных подразделений разведки состоит в оценке, классификации, анализе и предоставлении руководству предприятия разведывательной информации. В состав этих подразделений входят: аналитическая группа (сектор), группа (сектор) стратегического планирования, справочно-информационный фонд (СИФ), группа экспертов и консультантов.

Между подразделениями разведки должно быть четкое разграничение по таким параметрам, как задача и форма представления результатов работы (см. табл. 1).

Таблица 1

Наименование подразделения	Задача результатов работы	Форма представления
Группа скрытого наблюдения	Фиксация указанных в задании фактов	Справка, протокол наблюдения
Группа проведения расследований	Сбор требуемой информации, документов и предметов	Аналитическая справка; документы (или их копии), предметы (или их модели)
Группа по работе с информаторами	Привлечение к сотрудничеству информаторов и получение от них регулярной информации	Дело (досье); аналитические обзоры; справки по каждому сообщению информатора
Группа по техническому обеспечению проведения операций	Установка и эксплуатация технических средств, их предоставление сотрудникам других групп	Акты; кино-фотокадры, звукозапись и т.д.
Группа по выявлению и сбору открытых и закрытых публикаций	Установление перечня необходимых печатных изданий, их приобретение и извлечение из них нужных сведений	Обзоры; копии наиболее важных публикаций
Аналитическая группа	Обработка, классификация и анализ закрытых и открытых разведывательных сведений	Разведывательные сводки; справки-меморандумы
Группа стратегического планирования	Оценка и ранжирование внешних потенциальных угроз безопасности предприятия и планирование мероприятий по их предотвращению (нейтрализации)	Проект программ предотвращения (нейтрализации) внешних угроз безопасности предприятия
Справочно-информационный фонд	Хранение и выдача сотрудникам нужной информации	Справки; оригиналы печатных публикаций, микрофильмы и т.д.
Группа экспертов и консультантов	Квалифицированная оценка представленных материалов	Экспертные заключения; акты экспертиз; справки

Среди важнейших средств разведывательной деятельности СБ – разведывательная техника.

К ней относятся:

- средства проникновения (отмычки, пироленты, резак, специальные средства);
- подслушивающие устройства (приемопередатчики, микрофоны, электронные стетоскопы, магнитофоны, системы прослушивания телефонов, факсов, телексов);
- системы скрытого видеонаблюдения (миниатюрные камеры, устройства с объективом «угольное ушко», эндоскопы, телефоноаппаратура слежения);
- системы компьютерного шпионажа (система перехвата компьютерной информации, компьютерный крэкер).

Согласно другой классификации, к техническим средствам относятся: 1) средства наблюдения и поисковой техники (бинокли, подзорные трубы, радиолокационные при-

боры, приборы ночного видения, приборы ультрафиолетовой и инфракрасной техники и т.д.); 2) средства фотокиносъемки и видеозаписи; 3) звукозаписывающая аппаратура и 4) средства связи. Спецсредства, хотя они и разрешены для использования законом, практически сотрудниками разведки не применяются.

К числу важнейших средств принадлежат и информационные системы, призванные оказывать помощь детективам в сборе, обработке, анализе разведывательной информации.

Среди материально-технических средств своей спецификой выделяются служебные помещения. Существуют общепринятые стандартные требования, которым должны удовлетворять служебные помещения разведывательных подразделений:

1) помещение подразделения должно иметь только одну входную дверь (охраняемую круглосуточно) и быть оборудовано охранно-пожарной сигнализацией;

2) справочно-информационный фонд должен находиться в изолированном помещении, при этом право входа сотрудников должно быть регламентировано;

3) разведывательное подразделение должно размещаться выше первого этажа (в идеальном варианте – вне помещения предприятия;

4) должно быть выделено отдельное помещение для приема посетителей, приема почты и т.д.;

5) сотрудники добывающих и информационных служб должны находиться в отдельных помещениях;

б) руководителю разведки должно быть предоставлено отдельное звуконепроницаемое помещение и персональный сейф.

В разведывательной деятельности применяются преимущественно: скрытое наблюдение за людьми и стационарными объектами; опрос лиц, которые могут предоставить ценную информацию; изучение предметов и документов закрытого характера; конфиденциальное наведение справок.

Разумеется, не возбраняется изучение открытых источников информации – газет, журналов, бюллетеней и т.д., гласный внешний осмотр объектов, однако использование этих методов в разведке практикуется только в качестве дополнительных и второстепенных методов. В любом случае открытые источники информации перепроверяются разведывательными методами.

Например, анализируя транспортную документацию (коносамент, договор железнодорожной перевозки и т.д.), можно получить представление о количественных, а иногда и ценовых параметрах товарооборота интересующей нас фирмы. Однако, чтобы это представление перешло в точные знания, необходимо получить от информаторов, освещающих деятельность этой фирмы, ряд других сведений. Взаимодополняющие друг друга информация и анализ основных документов позволят дать точную и объективную оценку происходящего в этой фирме. Без применения негласных методов получить такую оценку практически невозможно. Этот пример подтверждает правило, которому должна следовать любая разведка: информация, полученная с использованием легальных возможностей, должна обязательно перепроверяться с помощью негласных информаторов.

Существует определенная взаимосвязь между методами и источниками разведывательной информации (под источниками разведывательной информации понимается триада: человек – документ – изделие (процесс), каждый из которых способен в принципе дать необходимое сведения).

Приведенные примеры не могут быть исчерпывающими, и даны они только в качестве иллюстрации возможной взаимосвязи между методами и источниками разведывательной информации. Необходима разработка методологических подходов к использованию источников информации, на основе которых сотрудники разведки могут планировать

свою работу по добыванию сведений. Анализ возможностей этих источников проведен автором отдельно только из методических соображений, а на практике они взаимодействуют друг друга.

Наиболее важным источником разведывательных сведений в триаде человек – документ – изделие (процесс) является, конечно, человек. Определенную официальную информацию может дать должностное лицо, общественный деятель, партийный функционер и т.д. Возможно получение какой-либо информации и у лица, способного по различным мотивам (хвастовство, болтливость) случайно выдать важную информацию. Однако по-настоящему ценную информацию можно получить только от привлеченных к сотрудничеству информаторов, которых можно условно разделить на несколько групп:

1. Сотрудники своего предприятия, контактирующие в силу своего служебного положения с внешними источниками информации.

2. Персонал других предприятий, учреждений и организаций, имеющих доступ к закрытой служебной информации.

3. Лица свободных профессий или неработающие, имеющие контакты с сотрудниками других предприятий, общественных организаций, партий, общественных движений и представителями неформальных структур.

4. Сотрудники разведывательных подразделений СБ, внедрившиеся по заданию своего руководства в другие предприятия, неформальные группы и т.д.

Ценнейшим источником информации является документ. Иногда невозможно добыть оригинал какого-либо документа, поэтому прибегают к получению его копии.

Чтобы добыть тот или иной документ для снятия с него копии, необходимо предварительно выявить те узловые точки, с которых возможно в принципе «снятия» необходимой информации.

Процесс разработки, создания и внедрения новой техники в промышленное производство условно можно разделить на этапы: проблемные научно-исследовательские работы; прикладные научно-исследовательские работы; опытно-конструкторские работы; изготовление, испытание опытного образца, корректировка чертежей; изготовление, испытание промышленного образца и отработка технической документации; промышленное изготовление новой техники; промышленное использование новой техники.

Знание особенностей этого процесса позволяет сотрудникам разведки сконцентрировать весь свой потенциал на необходимых направлениях. Особенно важным является приобретение промышленного образца (макета).

Конечный продукт разведывательной деятельности – информация и доказательства.

Информационная работа – это процесс, в результате которого сырые факты превращаются в законченную продукцию разведывательной деятельности. Вся собранная разведывательная информация на основании ее конечного использования классифицируется по следующим категориям: 1) сигнальная (или предупреждающая); 2) тактическая (т.е. информация, которая требует немедленных действий); 3) стратегическая (т.е. информация, которая собирается на протяжении относительно длинного времени и анализируется); 4) доказательная (т.е. данные в форме документов и предметов, представляемые в правоохранительные, судебные и контрольно-надзорные органы).

Вся собранная и отработанная информация представляется руководству предприятия в форме разведывательного обзора, справки-меморандума, сообщения и т.д. Несмотря на разнообразие этих документов, их структура должна содержать: а) изложение фактических данных; б) источники информации; в) выводы и г) предложения.

Надежность источника и достоверность информации оценивается руководством разведки с помощью цифровых и буквенных шифров по следующим параметрам:

Надежность источника	Достоверность сведений
А - абсолютно надежный источник	1. Достоверность сведений подтверждается данными из других источников.
Б - обычно надежный источник	2. Сведения, вероятно, правильные.
В - довольно надежный источник	3. Сведения, возможно, правильные.
Г - не всегда надежный источник	4. Сомнительные сведения.
Д - ненадежный источник	5. Сведения неправдоподобны.
Е - надежность источника нельзя определить	6. Достоверность сведений нельзя установить.

Например, А 3 означает, что у абсолютно надежного источника сведения, возможно, правильны.

Собирание доказательств включает в себя следующие элементы: 1) поиск и обнаружение доказательств; 2) фиксацию обнаруженного в документах; 3) изъятие доказательств. Документирование разведывательной информации осуществляется по трем основным направлениям: установление лиц, могущих быть свидетелями по уголовному или гражданскому делу; выявление предметов, могущих быть источниками доказательств; объяснения, заключения экспертов, письменные и вещественные доказательства; фиксация действий правонарушителей.

Объективную комплексную оценку результатов работы разведки ЧОО (СБ) могут дать только руководители предприятия-учредителя.

Критериями работы разведывательного подразделения могут быть: 1) точность и объективность сведений об изучаемых лицах; 2) качественное документирование противоправных действий юридических и физических лиц, направленных против интересов предприятия-учредителя; 3) своевременное и объективное информирование о внешних реальных потенциальных угрозах и их носителях. Показателями, раскрывающими эти критерии, можно назвать следующие: 1) количество сводок, обзоров, справок-меморандумов общего характера; 2) количество гражданских дел, выигранных с помощью детективов; 3) количество успешно проведенных с помощью разведки деловых переговоров; 4) количество выявленных ненадежных деловых партнеров; 5) количество выявленных недобросовестных конкурентов; 6) количество выявленных некредитоспособных деловых партнеров; 7) количество проверок лиц, заключивших с предприятием контракты, и т.д.

Таблица № 2

Основные методы получения разведывательных сведений по источникам информации

Человек	Документ	Изделие (процесс)
1. Опрос сотрудников конкурирующей фирмы	1. Изучение судебных документов	1. Фотографирование моделей, экспонатов и т.д. на выставках и конференциях
2. Опрос сотрудников своего предприятия	2. Сбор и анализ сведений, содержащихся в средствах массовой информации	2. Кино-; фото-; видеоматериалы.
3. Замаскированные опросы и «выуживание» необходимой информации на конференциях, семинарах, симпозиумах и т.д.	3. Изучение финансовых документов конкурентов	3. Компьютерные программы
4. Проведение ложных переговоров со специалистами конкурирующей фирмы	4. Сбор и изучение проспектов, брошюр, издаваемых конкурентами	4. Анализ отходов производства
5. Наем на работу служащего конкурирующей фирмы для получения сведений, составляющих коммерческую тайну	5. Анализ сведений, содержащихся в ведомственных изданиях	5. Покупка товара конкурентов у третьих лиц
6. Ложные переговоры с фирмой-конкурентом относительно приобретения лицензии.	6. Сбор копий документов правоохранительных и контролирующих органов (в изложении прессы, справки и т.д.)	
7. Создание ложных предприятий, которые широко предлагают работу специалистам из конкурирующих фирм	7. Копирование документов	
8. Негласное ознакомление.	8. Использование утерянных документов	
9. Подслушивание разговоров, которые открыто (не тайсь) ведут между собой собеседники	9. Использование отчетов (копий) по проверкам на полиграфе (детекторе лжи)	
10. Беседа с сотрудниками правоохранительных и контрольно-надзирающих органов		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 17, ст. 888; Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 12, Ст. 1093; 2003, № 2, Ст. 167; 2005, № 24, Ст. 2313; 2006, № 30, Ст. 3294; 2007, № 31, Ст. 4011;
2. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2646-1 «О безопасности» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2288).
3. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»;

4. Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».
5. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 272-ФЗ, принят Государственной Думой ФС РФ
6. Указ И.о. Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 «О внесении изменений и дополнений в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности РФ» (СЗ РФ, 1997, № 52, ст. 5909 с изложением ее в новой редакции).
7. Ярочкин В.И. Секьюритология – наука о безопасности жизнедеятельности. – М.: Издательство «Ось-89», 2000.
8. Ярочкин В.И. Система безопасности фирмы. – М.: Издательство «Ось-89», 1998.
9. Черкасов В.Н. Бизнес и безопасность. Комплексный подход. – М.: Армада-пресс, 2001.
10. Шаваев А.Г. Безопасность корпораций. М.: Концерн «Банковский Деловой Центр», 1998.

Y. Korolyov

THE ROLE AND IMPORTANCE OF DIVORCED UNITS OF PRIVATE SECURITY ORGANIZATIONS (SAFETY SERVICES) OF LEGAL ENTITIES (COMPANIES) IN CRISIS AND INCREASED COMPETITION IN THE COMMERCIAL (BUSINESS) ACTIVITIES.

Abstract. Article reveals the specificity of tasks, functions divorced units of enterprises (companies, corporations) and their optimal organizational structure to the realities of the commercial and business activities in a crisis.

Key words: Private security organizations (until January 1, 2009 – private security companies); Service Safety; Competition; Kommerchesky agreement (contract); Criminal aspects of the commodity; Unfair competition; Analytical Unit (Sector); Group (sector) strategic planning; Intelligence information; Reconnaissance equipment (special equipment); External real potential threats; Business Partner of; Sonovnye elements of security.

СЕРВИСНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИМУЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению имущественной безопасности должен носить сервисный характер в свете требований административной реформы.

Ключевые слова: имущественная безопасность юридических и физических лиц, органы внутренних дел, государственные услуги, сервис, вневедомственная охрана.

Одной из целей административной реформы в Российской Федерации является повышение качества и доступности государственных услуг. Согласно Указу Президента Российской Федерации «О структуре и системе федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 [1], «под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами государственной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и других областях, установленных федеральными законами».

Рассматривая проблематику сервисного характера государственных услуг по обеспечению имущественной безопасности юридических и физических лиц, необходимо прежде рассмотреть понятия «имущественная безопасность» и «государственная услуга» (или «государственный сервис»). В законодательстве понятия «имущественная безопасность» просто не существует. Поэтому мы руководствуемся собственным определением, сформулированным в соответствии со следующей логикой рассуждений, излагаемых по принципу «от общего к частному». Понятие термина «безопасность» сформулировано в Федеральном законе «О безопасности» от 5 марта 1992 г. №2446-1 (с изм. и доп. от 25 июля 2002г) [2] и закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяет систему безопасности и её функции, устанавливает порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности и даёт определение безопасности. Безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». [3] В тоже время, согласно ст. 2 Конституции РФ «защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [4]. Других субъектов Конституция не предусматривает. Безусловно, по нашему мнению, в общий термин «безопасность» или «национальная безопасность» входит и термин «имущественная безопасность».

В отечественной языковой практике, нормативно-правовой, нормативно-методической и технической документации наблюдается большое многообразие трактовок понятия услуги. В частности, услуга может рассматриваться в словарном понимании этого слова или как обязательно платная (иногда — только коммерческая деятельность) и как государственная услуга в современной трактовке правительственных документов. В научной практике также не существует четкого определения понятия «услуга». Как правило, определение услуги дается в противопоставлении услуги товару. Понимание «государственной услуги» в Федеральном законе «О государственной гражданской службе» [5]

подразумевает термин «государственная услуга» в контексте должностных регламентов, согласно п. 2 ст. 47 которого в должностной регламент государственного гражданского служащего включается, кроме прочего, «перечень государственных услуг, оказываемых гражданам и организациям в соответствии с административным регламентом государственного органа». Термин «государственная услуга» содержится и в Указе Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 года №314 [6]. Согласно подпункту «д» п. 2. данного Указа «под функциями по оказанию государственных услуг понимается осуществление федеральными органами исполнительной власти услуг, имеющих исключительную общественную значимость и оказываемых на установленных федеральным законодательством условиях неопределенному кругу лиц». В дальнейшем Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2004 N 649 [7] скорректировал данное определение: «Под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами». Тем самым, определяя понятие государственной услуги, можно утверждать, что для государственной услуги характерно: неопределенный круг лиц как ключевой признак государственной услуги и исключительная общественная значимость услуги.

Анализ исторической эволюции услуг в обществах разного типа позволяет сформулировать научное понимание сервисной деятельности, которая свойственна современному миру. *Сервисная деятельность* – это активность людей, вступающих в специфические взаимодействия по реализации общественных, групповых и индивидуальных услуг. Одна сторона в этих взаимодействиях, обладая многообразными потребностями, желает получить определенные блага, а другая сторона, оказывая конкретные услуги, предоставляет им возможность обладать такими благами. *Цель этих отношений* – не создание материальных ценностей, а удовлетворение человеческих потребностей (хотя нередко это происходит с помощью таких ценностей). Важной теоретической и практической проблемой анализа сервисной деятельности является вопрос о структурировании сферы услуг, а также о классификации услуг и сервисной деятельности. Ниже затронем некоторые аспекты их классификационного деления. Подобная схема классификации услуг действует и в российской практике хозяйствования, где на ее основе разработан общероссийский классификатор услуг населению, а также представлены показатели государственной статистики. В этом случае к сфере услуг относят области сервисной деятельности, представляющие собой ее важнейшие типологические направления, где наряду с другими услугами отдельно выделяется сфера услуг государственного управления [8]. Существуют разные разновидности безопасности услуг, что подразумевает выделение различных аспектов процесса безущербного обслуживания потребителей. Принято выделять следующие аспекты безопасности: эксплуатационно-техническую (куда входит электробезопасность, пожарная безопасность, безопасность от воздействия химических веществ и др.); экологическую; информационную; правовую; финансовую; психологическую; связанную со здоровьем людей и в одном ряду с ними имущественную безопасность.

Таким образом, по нашему мнению, имущественную безопасность можно определить как **«оказание услуг по организации комплекса мероприятий, направленных на предоставление юридическим или физическим лицам гарантий соблюдения имущественных прав в отношении собственности, находящейся в законном владении,**

ведении или распоряжении данных лиц, от противоправных посягательств третьих лиц в виде тайного или явного похищения, а также порчи».

Итак, обеспечение имущественной безопасности – это, безусловно, услуга. Значит, обеспечение государством гарантий имущественной безопасности граждан – это государственные услуги по обеспечению имущественной безопасности, возложенные, в первую очередь, на органы внутренних дел. Безусловно, основное бремя нагрузки по обеспечению данной функции государства в структуре Министерства внутренних дел России возложены на подразделения вневедомственной охраны при органах внутренних дел. Причём главная цель в данном случае со стороны государства не извлечение прибыли от услуги, а профилактика преступлений против охраняемой собственности, а также обеспечение мероприятий, направленных на выявление и пресечение преступных посягательств на имущество физических и юридических лиц. Стоит отметить, что в литературе высказано мнение, что деятельность вневедомственной охраны по оказанию услуг на платной основе является предпринимательской деятельностью. Так, О.В. Дмитриева приходит к выводу: «Подразделения вневедомственной охраны заключают договоры на охрану объектов с целью получения прибыли. Это даёт основание рассматривать их деятельность как предпринимательскую» [9] По нашему мнению, это утверждение далеко не бесспорно. Бюджетные подразделения органов внутренних дел не преследуют в качестве цели извлечение прибыли и поэтому являются некоммерческими организациями финансируемыми из государственного бюджета. Они осуществляют экономическую деятельность для достижения уставных целей, ради которых они созданы и соответствуют этим целям (пп.1 и 3 ст. 50 ГК РФ). С.Я. Боженко, изучая неналоговые доходы федерального бюджета, пришёл к обоснованному выводу о том, что «некоторые услуги, оказываемые бюджетными учреждениями органов внутренних дел за плату, можно рассматривать как реализацию их основных задач и функций, а если услуги непосредственно не связаны с основной деятельностью учреждения, то деятельность по оказанию этих услуг целесообразно именовать «квазипредпринимательской» деятельностью». [10] Основную деятельность вневедомственной охраны нельзя определить даже как «квазипредпринимательскую», ибо при формировании тарифов на услуги охраны не закладывается такой показатель как «прибыль», необходимый для любой формы предпринимательской деятельности, а основной задачей службы определено предупреждение и пресечение имущественных преступлений. Основными законодательными актами, регламентирующими оказание услуг в области охраны, являются законы РФ: «О милиции» [11], «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» [12], Федеральные законы «Об оружии» [13] и «О ведомственной охране» [14], Постановления Правительства Российской Федерации 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной и охранной деятельности» [15], 2000 г. № 514 «Об организации ведомственной охраны» [16], 2000 г. № 926 «О подразделениях милиции общественной безопасности» [17] и 2005 г. № 66 «Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации» [18]. В то же время деятельность вневедомственной охраны подпадает под юрисдикцию антимонопольного федерального закона «О защите конкуренции» [19].

Потому общее состояние законодательства можно охарактеризовать как хаотичное, фрагментарное и во многом рамочное. Нормативные документы противоречат друг другу и дословное их выполнение практически невозможно. Так, порядок заключения договоров на оказание услуг охраны для государственных структур регламентирован федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [20] и в то же время Постановление правительства РФ 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной и охранной деятельности» [21] устанавливает перечень объектов, в том числе государственных, подлежащих обязательной государственной охране органами внут-

ренных дел. Возникает противоречие норм. Данный перечень морально устарел, многие субъекты, указанные в нём, уже не существуют или сменили форму, появились новые структуры. Юридически корректного выхода из данной ситуации без принятия нового закона «О вневедомственной охране», принятия новой редакции вышеназванного Постановления Правительства № 587 не существует. Работа по совершенствованию закона ведется с 1997 года, работа над постановлением – с 2002 года, и перспективы принятия данных документов весьма неопределенные.

Таким образом, существующая сегодня в России нормативная база, регулирующая деятельность охранных, в том числе государственных, услуг, в целом пока не благоприятствует развитию гарантий имущественной безопасности юридических и физических лиц, не оптимизирует стандартизацию данного вида государственной услуги. В условиях формирования гражданского общества на первый план встает вопрос сервисного характера оказания государством услуг, в том числе услуг по обеспечению имущественной безопасности. Как было ранее отмечено, одной из целей административной реформы в Российской Федерации является повышение качества и доступности государственных услуг. Для достижения этой цели в Концепции административной реформы определена задача разработки и внедрения стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов в органах исполнительной власти и, таким образом, формирования правового «клиентоориентированного государства».

Человечество на протяжении веков тревожили угрозы различного характера, в том числе угрозы, исходящие от самого человека и, осознавая ценность жизни, оно ощутило потребность в обеспечении безопасности, в том числе безопасности своей собственности, нажитой трудом. Известный русский учёный и общественный деятель М.В. Аничков в своей книге «Война и труд» писал: «Личная и имущественная безопасность, как бесповоротно уже сознано, представляет наиболее ценное благо, являющееся последствием укрепления государственной власти и усвоения правовых норм. *Отсутствие гарантий личной и имущественной безопасности основной фактор неэффективности экономики и управления страны*» [22] Именно поэтому обеспечение имущественной безопасности должно стать одним из основных направлений уголовной политики государства и, как следствие, придание ей сервисного характера. Для этого необходимо при разработке стандартов государственных услуг, предоставляемых органами внутренних дел населению (учитывая, что в первую очередь речь идет о стандартах массовых общественно значимых услуг, непосредственно затрагивающих конституционные права и свободы граждан, в том числе гарантий имущественной безопасности), наряду с другими стандартами услуг, в обязательном порядке включить стандарт охраны имущества физических и юридических лиц по договорам. Одновременно требуется выработать специальный нормативный акт – административный регламент, который должен чётко определить государственную функцию или услугу по обеспечению имущественной безопасности (в том числе государственной охраны), дать исчерпывающую характеристику государственной услуги по обеспечению имущественной безопасности и определить орган исполнительной власти, исполняющий данную функцию или предоставляющий государственную услугу. Целесообразно разработать типовую модель стандарта услуг, предоставляемых подразделениями вневедомственной охраны при ОВД, которая упорядочивает и конкретизирует обязательства службы перед гражданами, то есть обязательства, обусловленные законами, иными нормативными правовыми актами, договорами или соглашениями, перед физическими или юридическими лицами, а также указывает на процедуры контроля и оценки деятельности службы. Модель должна включать в себя точное наименование услуги, предоставляемой службой (подразделением) ОВД гражда-

нам, срок реализации услуги, юридическую форму представления услуги, а также законодательные и иные нормативные акты, регламентирующие данные требования. Немаловажным условием обеспечения сервисного характера государственных услуг занимает и решение «человеческого фактора», ибо услуги будет реализовывать человек-чиновник, который обязан быть чутким к потребностям заказчика услуг и исполнительным как по отношению к работодателю - государству, так и по отношению к гражданину – заказчику. Достижение этих целей позволит повысить качество государственных услуг, придав им «сервисный характер», сделать их доступными для граждан и организаций, сориентировать деятельность органов внутренних дел на интересы пользователей, что в конечном итоге, безусловно, поспособствует достижению выдвигаемой в настоящее время идеи деятельности милиции по принципу «обслуживание населения», заключающей в том, милиция призвана выполнять особый социальный заказ – услуги, связанной с обеспечением общественного порядка и безопасности населения [23], в том числе и имущественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О структуре и системе федеральных органов исполнительной власти (в ред. Указа Президента РФ от 09.03.2004 N 314) // СЗ РФ. 2005. №28.
2. Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ)// 2002. №30 ст.3033
3. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.1992. №17. Ст. 769; №52. Ст. 3083.
4. Конституция Российской Федерации. –М., 1993.
5. СЗ РФ. 2004. N 31. Ст. 3215; 2008. N 13. Ст. 1186
6. СЗ РФ. 2004. N 11. Ст. 945
7. СЗ РФ. 2004. N 21. Ст. 2023
8. СЗ РФ. 2004. N 21. Ст. 2023
9. Дмитриева О.В. Некоторые вопросы ответственности подразделений вневедомственной охраны // Охрана – 97: Тезисы докладов Всерос. науч.-практ.конф. Воронеж, 1997.с.21.
10. Боженок С.Я. Правовое регулирование неналоговых доходов государственных и местных бюджетов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
11. Боженок С.Я. Правовое регулирование неналоговых доходов государственных и местных бюджетов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
12. СЗ РФ// 1995. № 21.
13. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. N 24.
14. О ведомственной охране: Закон РФ от 14 апреля 1999 г. №77-ФЗ.
15. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 8.
16. СЗ РФ//2000. N 29. Ст. 3100;2002. N 16. Ст. 1568
17. СЗ РФ// 2000. N 50.. Ст. 4905; 2001. N 32... Ст. 3325
18. СЗ РФ// 2005..№8. ст.648
19. СЗ РФ// 2006. N 31. ст. 3434; 2008. N 27,ст. 3126
20. СЗ РФ//2005.N 30(часть1),ст.3105; Российская газета.2005.N 297.
21. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. №8.
22. Аничков М. В. Война и труд / Препринт международного издания. Челябинск: Социум, 2007.
23. Роша А.Н. Социальная организация. Орган внутренних дел как социальная организация. М.:Академия МВД СССР, 1990.

S. Mikailov

SERVICE NATURE OF THE INTERNAL ORGANS AFFAIRS TO ENSURE THE SECURITY OF PROPERTY BUSINESSES AND INDIVIDUALS.

Abstract. Activities of internal affairs to ensure the security of property should be the nature of the service in light of the administrative reforms.

Key words: property security of businesses and individuals, bodies of internal affairs, public services, service, security and observation technologies.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА СУДА, РЕШЕНИЯ СУДА И ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА

Аннотация. Настоящая публикация затрагивает вопросы социальной обусловленности уголовной ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Социальное назначение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, проявляется в восстановлении социальной справедливости, а также в предупреждении преступного поведения в обществе. Обозначенные цели уголовной ответственности характеризуют уголовное принуждение в качестве гибкого регулятора общественных отношений, связанных с нормативно регламентированным порядком исполнения судебных актов.

Ключевые слова: цели уголовной ответственности, неисполнение судебного акта, социальный контроль, предупреждение.

Приоритетными направлениями современной политики российского государства являются укрепление законности, повышение авторитета государственной власти внутри страны и на международной арене, а также интенсификация отечественной экономики.

Воплощение вышеуказанных тенденций невозможно без действенного механизма принудительного исполнения судебных актов, необходимой составляющей которого выступают уголовно-правовые гарантии его функционирования. Неисполнение актов судебной власти подрывает авторитет государственной власти внутри страны и на международной арене, а также влияет на экономическую ситуацию в государстве.

Особая значимость общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения судебного решения или иного акта судебной власти, подчеркивается тем, что указанная группа отношений обеспечивается уголовно-правовой охраной Российского государства. Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] включает ст. 315, предусматривающую уголовную ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (далее – неисполнение судебного акта).

Несмотря на положительно выраженную волю отечественного законодателя относительно обеспечения уголовно-правовыми средствами отношений, связанных с надлежащим исполнением актов судебной власти, проблема обоснованности применения именно уголовной ответственности в случае неисполнения судебного акта сохраняет свою актуальность.

Актуальность исследования указанной проблемы обусловлена с одной стороны, тем, что сама по себе категория «уголовная ответственность» относится к числу весьма противоречивых явлений [2], с другой – тем, что для подготовки предложений по совершенствованию уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 315 УК РФ, требуется научная оценка значения данной нормы для регулирования общественных отношений.

Рассуждения об обоснованности применения уголовной ответственности за конкретное общественно опасное деяние следует вести, учитывая ее социальную природу, «поскольку ответственность есть исторически обусловленный вид взаимоотношений

между личностью и обществом» [3, 19].

Уголовная ответственность – это, прежде всего, одна из форм социального контроля. «Под социальным контролем, - отмечает А.М. Яковлев, - понимается способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих его элементов посредством нормативного (в том числе правового) регулирования.» [4, 121]

Для понимания социального назначения уголовной ответственности существенное значение имеет характеристика целей уголовной ответственности. Важнейшей целью уголовной ответственности является восстановление социальной справедливости, которая в нормативно закреплённой иерархии целей уголовного наказания выдвинута законодателем на первое место (часть 2 статьи 43 УК РФ).

Для ответа на вопрос – позволяет ли уголовная ответственность, предусмотренная ст. 315 УК РФ, обеспечить восстановление социальной справедливости, необходимо теоретически решить проблему содержания данной приоритетной цели уголовного наказания, которая является новеллой российской правовой действительности. Доктрина уголовного права не выработала единого подхода к содержанию восстановления социальной справедливости как цели уголовной ответственности.

А.В. Наумов рассматривает содержание данной цели, акцентируя внимание на восстановительном характере уголовного наказания. Автор пишет: «Право фиксирует определённый уровень прав и обязанностей человека. Нарушение их, т.е. нарушение права, всегда есть нарушение справедливости. ... уголовное право отличается в этом смысле тем, что преступление, ответственность за которое предусмотрена уголовно-правовыми нормами, есть наивысшее нарушение справедливости в праве... Наказание и служит восстановлению нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, т.е. в конечном счёте – восстановлению справедливости» [5, 529].

«Цель восстановления социальной справедливости, - по мнению А.И. Зубкова, - относится к применению уголовного наказания на стадиях его назначения и исполнения при реализации в уголовно-исполнительном законодательстве таких принципов, как гуманизм, равенство осуждённых перед законом, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осуждённых и стимулирования их правопослушного поведения.» [6, 91-93]

Некоторые ученые отрицают, на наш взгляд – ошибочно, необходимость нормативного закрепления восстановления социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания. Так, по мнению Л.Л. Кругликова, содержание и средства достижения цели наказания восстановления социальной справедливости довольно аморфны, к тому же убедиться в её реальном достижении практически невозможно, т.е. результат неконтролируем [7]. А.А. Рябининым вообще высказано предложение об исключении восстановления социальной справедливости из целей уголовного наказания, ввиду её неясности [8, 69].

На примере уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, отчетливо прослеживается восстановительный характер уголовной ответственности. В частности, неисполнение судебного акта, посягая на охраняемые уголовным законом общественные отношения, возникающие в связи с нормативно регламентированным порядком исполнения актов судебной власти, дезорганизует их. Результатом дезорганизации указанных общественных отношений являются: 1) нарушение прав, свобод и законных интересов, требования о защите которых содержались в неисполненном судебном акте; 2) умаление авторитета судебной власти, которая не располагает средствами для обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав и свобод граждан, 3) снижение доверия к государственной власти, не способной обеспечить исполнение установленной ей уголовно-пра-

вового запрета, организовать должную защиту благ, прав и законных интересов своих граждан; 4) изменение социально-психологической обстановки в обществе – формирование у населения чувства неуверенности в собственной защищенности перед злоупотреблениями, а также безнаказанности и вседозволенности, что провоцирует антисоциальное поведение в обществе.

Восстановление социальной справедливости достигается в результате искоренения перечисленных последствий преступного деяния, предусмотренного ст. 315 УК РФ, путем демонстрации неотвратимости применения к лицу, посягнувшему на объект, охраняемый уголовным законом, уголовного наказания. Еще Ч. Беккариа писал, что «впечатление производит не столько строгость наказания, сколько его неизбежность» [9, 373], «уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» [9, 243].

Действующая редакция ст. 315 УК РФ обеспечивает восстановление дезорганизованных общественных отношений лишь частично, поскольку не предусматривает возможности уголовно-правового воздействия на все общественные отношения, связанные с нормативно регламентированным порядком исполнения судебного акта, определяя рамки такого воздействия в зависимости от субъекта преступного посягательства.

Мысль законодателя, установившего уголовно-правовой запрет посягательства на нормальный порядок исполнения судебных актов исключительно в отношении представителей власти, государственных и муниципальных служащих, а также служащих муниципальных и государственных учреждений, коммерческой или иной организации, в общем ясна: предполагается, что последствия преступного посягательства, совершенного данной категорией лиц, всегда имеют более высокую степень общественной опасности, чем степень общественной опасности деяния, совершенного гражданином.

Отметим, что неисполнение судебного акта лицом, не наделенным государственно-властными полномочиями и не занимающим руководящих должностей в государственных и коммерческих организациях, также:

- посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения, дезорганизуя их (речь идет об общественных отношениях, связанных с осуществлением государственной власти);
- подрывает авторитет суда, а также государственной власти в целом, способной обеспечить надлежащую реализацию объявленных ею решений,
- порождает чувство безнаказанности и вседозволенности, провоцируя антисоциальное поведение других субъектов.

Таким образом, независимо от субъекта посягательства на отношения, связанные с исполнением вступивших в силу судебных актов, наступают негативные социальные последствия, характерные для преступного деяния. Отмеченные последствия требуют устранения, что может быть достигнуто вследствие законодательного закрепления и последующего применения справедливой уголовной ответственности за неисполнение судебного акта в отношении лиц, обладающих признаками общего субъекта преступления.

Социальное значение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, подчеркивается достижением утилитарной цели предупреждения преступлений.

Говоря о цели предупреждения преступлений с позиции социального предназначения, необходимо учитывать, что уголовное наказание, не являясь главным средством борьбы с преступностью, представляет собой один из наиболее важных, не побоюсь сказать, незаменимых инструментов предотвращения социально-отклоняющегося поведения членов общества. «Именно наказание прерывает преступную деятельность лиц

совершивших преступление. Оно воздействует на определенную часть неустойчивых в нравственном отношении людей, заставляя их под страхом наказания не совершать уголовно-наказуемых деяний» [10, 532-533].

В уголовно-правовой доктрине цель предупреждения преступлений включает специальную (предупреждение совершения новых преступлений лицом, ранее совершившим уголовно-наказуемое деяние) и общую (предупреждение совершения преступлений иными лицами) превенцию.

Объектом специального предупреждения выступает лицо, совершившее общественно-опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Предупреждение совершения преступлений указанным лицом обеспечивается за счет: а) снижения вероятности совершения лицом, преступившим уголовный закон, новых уголовно-наказуемых деяний путем помещения в учреждения уголовно-исполнительной системы (в случае применения наказания в виде лишения свободы), а также исключения преступника из сферы, благоприятствующей совершению новых преступлений (например, в случае лишения права занимать определенную должность либо заниматься определенной деятельностью); б) устрашения вследствие применения к преступнику правоограничений, характерных для конкретного вида наказания, что влечет для осужденного лица нравственный дискомфорт и материальные лишения.

М.Д. Шаргородским справедливо отмечено, что превентивное воздействие наказания является результатом двух входящих в него элементов: а) порицания от имени государства, ... которое воздействует на виновного и окружающих тем, что авторитетным голосом государство утверждает, что хорошо, а что плохо; б) устрашения, которое является результатом причиняемого наказанием страдания, что создает сдерживающее субъектов, склонных к совершению преступлений, торможение, удерживает их от совершения преступлений [11, 40].

О достижении цели специальной превенции уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, свидетельствует, прежде всего, отсутствие рецидива преступлений данной категории, а также тот факт, что в некоторых случаях обвиняемые признают свою вину и стремятся деятельно загладить причиненный преступным поведением ущерб. Так, в 2008 году по нереабилитирующим основаниям (в связи с деятельным раскаянием обвиняемого) судами Российской Федерации прекращено 39 уголовных дел и постановлено 376 обвинительных приговоров [12].

Социальная эффективность уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, выражается не столько в ликвидации последствий преступного деяния (в результате восстановительного характера уголовного наказания, предусмотренной санкцией уголовно-правовой нормы), снижении вероятности совершения осужденным лицом новых преступлений (специальное предупреждение), сколько в том, что само по себе наличие в УК РФ уголовной ответственности за неисполнение судебного акта воздействует на членов общества, удерживая их от совершения соответствующего общественно-опасного деяния.

Поскольку, по нашему мнению, социальное предназначение уголовной ответственности в целом и уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, в частности, определяется, прежде всего, общей превенцией, рассмотрим подробнее ее уголовно-правовое содержание.

Существование общепревентивной цели уголовной ответственности повсеместно подтверждается в юридической литературе, однако на теоретическом уровне не выработан единообразный подход относительно понимания механизма общепревентивного воздействия уголовно-правовых норм.

По мнению некоторых ученых, в качестве основы общего предупреждения высту-

пает угроза применения уголовного наказания. Наиболее ярко данная точка зрения выражена А.И. Марцевым [13]. «Основным рычагом в механизме общего предупреждения, - автор называет, - страх перед наказанием, страх перед возможностью пережить тяготы и лишения» [14, 59-60].

Схожее суждение о механизме общей превенции высказано В.А. Нерсесяном, по мнению которого «сдерживающее начало в общем предупреждении обуславливается представлением ... о том, что за каждое преступное деяние установлена уголовная ответственность; степень строгости (наказания) определяется степенью тяжести преступления; ответственность в случае совершения преступления реальна и неотвратима» [15, 330]. Вместе с тем, признавая существенное значение фактора устрашения наказанием для цели общей превенции, автор указывает, что эффективность его воздействия зависит от категории лиц, которым этот фактор адресован. В частности, для людей, которые не совершают преступлений в силу сознательности, ценностным ориентирам на правомерное поведение или других обстоятельств, вообще не связанных с уголовно-правовым запретом, устрашение не имеет мотивирующего значения. Не имеет значения угроза наказания и для людей совершающих преступления, несмотря на вероятность привлечения к уголовной ответственности. Однако остается категория людей, для которых устрашение имеет мотивирующее значение, так как они не совершают преступления из-за страха перед неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями [16, 331]. Представленное толкование механизма общей превенции предложено также Б.С. Утевским, который обосновывал, что угроза наказанием воспитывает, изменяет сознание, моральные качества, сознание моральной порочности преступления, убеждает колеблющихся и неустойчивых людей, действуя на них организующее [17, 42]. Тогда как преобладающая часть членов общества не совершают преступления вследствие того, что общественно опасное противоправное деяние противоречит их жизненным ценностям и убеждениям.

Не оспаривая важность устрашающего эффекта уголовного наказания, зафиксированного в санкции уголовной нормы, предусмотренной ст. 315 УК РФ, для предупреждения преступления, полагаем, что основное сдерживающее начало данной категории преступлений заключается не в угрозе реализации наказания, строгость которого невелика.

Предупреждению неисполнения судебного акта способствует информированность общества о наличии в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовной ответственности за его совершение, что автоматически формирует представление о данном деянии как о преступлении, а о лице его совершившем – как о преступнике. В этой связи следует согласиться с В.В. Похмелкиным, который связывает уголовно-правовое предупреждение в первую очередь не с санкцией, а с диспозицией уголовно-правовой нормы, не с угрозой применения наказания, а с самой обязанностью не совершать преступление [18, 81].

Изложенное подтверждается, в том числе, результатами анализа практики деятельности должностных лиц Федеральной службы судебных приставов по предупреждению представителей власти, государственных и муниципальных служащих, а также служащих муниципальных и государственных учреждений, коммерческой или иной организации, на которых возлагается исполнение судебного акта, об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ за неисполнение судебного акта, а равно – воспрепятствование его исполнению. В постановлении о возбуждении исполнительного производства, либо отдельном процессуальном акте судебный пристав-исполнитель информирует должника о предусмотренной уголовным законом ответственности за неисполнение вступившего в законную силу судебного акта без указания на вид и размер санкции, предусмотренной ст. 315 УК РФ.

Данные официальной статистики Федеральной службы судебных приставов нагляд-

но свидетельствуют о том, что после предупреждений об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, недобросовестные должники, способные нести уголовную ответственность, исполняют (начинают исполнять) требования судебных актов. В частности, Федеральной службой судебных приставов проведен анализ эффективности работы территориальных органов ФССП России по привлечению должников к уголовной ответственности по ст.ст. 157, 177, 315 УК РФ в 2008 году и за 4 месяца 2009 года. За указанный период фактическим исполнением окончено 142 528 исполнительных производств на стадии внесения должникам предупреждения об уголовной ответственности за злостное уклонение от исполнения требований исполнительных документов, 6 192 исполнительных производства – на стадии проведения проверок в порядке ст. ст. 144-145 УПК РФ, 785 исполнительных производств – в ходе расследования уголовных дел, подследственных ФССП России. [19]

С учетом изложенного полагаем, что на лиц, способных нарушить уголовно-правовой запрет, закрепленный в ст. 315 УК РФ, и нести за это уголовную ответственность воздействует, удерживая их от совершения преступления:

- описание общественно опасного деяния;
- наличие уголовной ответственности за его совершение;
- уголовное судопроизводство, включающее как предшествующее применению наказания предварительное расследование, так и назначение судом наказания;
- наступление негативных последствий после исполнения назначенного уголовного наказания в виде судимости.

Кроме того, установленный в ст. 315 УК РФ уголовно-правовой запрет, предупреждая об антисоциальной, антиправовой направленности и упорности неисполнения (воспрепятствования исполнению) акта судебной власти, не только удерживает часть неустойчивых в нравственном отношении людей от совершения преступления, но также стимулирует социально полезное поведение недобросовестных должников, побуждая их к поиску правомерных источников доходов для исполнения требований акта судебной власти.

Реализация предложения об установлении уголовной ответственности, предусмотренной для всех лиц, отвечающих критериям общего субъекта, позволит расширить сферу общей превенции, выступающей гарантией правопослушного поведения недобросовестных должников по правильному и полному исполнению предписаний актов судебной власти.

Резюмируя изложенное, представляется возможным сделать следующие выводы.

Социальное назначение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ, проявляется в характеристике двух утилитарных целей уголовной ответственности – восстановлении социальной справедливости, а также предупреждении преступного поведения в обществе. В результате реализации обозначенных целей уголовной ответственности максимально подчеркивается социальное назначение уголовного принуждения как гибкого регулятора общественных отношений, связанных с нормативно регламентированным порядком исполнения судебных актов.

Восстановление социальной справедливости достигается путем искоренения социально негативных последствий преступного деяния, предусмотренного ст. 315 УК РФ, благодаря демонстрации неотвратимости применения к лицу, посягнувшему на объект, охраняемый уголовным законом, уголовного наказания.

Предупреждению неисполнения судебного акта способствует информированность общества о наличии в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовной ответственности за его совершение, что автоматически формирует представление о данном деянии как о преступлении, а о лице его совершившем – как о преступнике. На лиц, способных

нести ответственность, предусмотренную ст. 315 УК РФ, воздействует также уголовное судопроизводство, включающее как предшествующее применению наказания предварительное расследование, так и назначение судом наказания, наступление негативных последствий после исполнения назначенного уголовного наказания в виде судимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990.
3. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации. Кисловодск, 2003.
4. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Общая часть. М., 2008.
6. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для вузов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2001.
7. Уголовно-исполнительное право России. Учебник для вузов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2001.
8. Рябинин А.А. Преступность и взгляд на справедливость в наказании/Развитие теории наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве. М., 2000
9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть/А.В. Наумов. М., 2008.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть/А.В. Наумов. М., 2008.
12. <http://www.fssprus.ru/YDAP.html>
13. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение. Омск, 1973.
14. Марцев А.И. Указ. соч.
15. Нерсесян В.А. Понятие и цели наказания // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. М., 2002
16. Нерсесян В.А. Указ. соч.
17. Утевский Б.С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права//Советское государство и право. 1963. № 6.
18. Похмелкин В.В. Указ. соч.
19. Информационное письмо ФССП России от 18.06.2009 № 12/01-9044-АП «Об эффективности работы по привлечению должников к уголовной ответственности»

A. Aksenova

SOCIAL VALUE OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAULT OF A SENTENCE OF COURT, JUDGEMENT AND OTHER JUDICIAL CERTIFICATE

Abstract. This issue concerns matters about social conditionality of criminal liability for non-feasance of court's sentence or another court's decision. The main social purpose of criminal liability, setting in article 315 of Criminal code of the Russian Federation, is to restore social justice and also to prevent criminal conduct in society.

The indicated above purposes of criminal liability characterize criminal compulsion as flexible regulator of social relations which are connected with normative procedure of execution of court's documents.

Key words: purposes of criminal liability, non-feasance of court's document, social control, prevention.

К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ

Аннотация. Данная статья посвящена разработке проблемы международно-правовой ответственности государства перед личностью. Автор полагает, что может иметь место правовой институт допустимости воздействия на государство, которое систематически нарушает права и свободы своих граждан, в том числе, посредством введения в отношении такого государства комплекса санкций экономического, политического, правового и военного характера.

Ключевые слова: международное право, конституционное право, юридическая ответственность, Устав ООН, операция по принуждению Грузии к миру.

Для возникновения международно-правовой ответственности ряду оснований присущи некоторые особенности, в частности, политическая ответственность возникает из факта нарушения нормы международного права, защищающей интересы другого субъекта, даже в том случае, если это не привело к материальному ущербу или иным неблагоприятным последствиям.

Так, материальная ответственность возникает при наличии следующих факторов:

- нарушение нормы международного права;
- возникновение имущественного ущерба, в том числе личности, в результате правонарушения;
- наличие непосредственной причинной связи между правонарушением и этим ущербом.

Политическая и материальная ответственность могут возникать одновременно в результате одного и того же правонарушения:

- политическая – за сам факт нарушения норм международного права;
- материальная – за возникший в результате этого ущерб.

Деяние государства может быть квалифицировано как международно-противоправное лишь на основе международного права. Нарушение международного обязательства имеет место только в том случае, когда поведение субъекта не соответствует тому, что от него требуется по соответствующему обязательству, независимо от того, какой характер – договорный или обычно-правовой – оно носит.

Потерпевшая сторона в случае установления факта правонарушения может предъявить претензию. Но только в том случае, если ее предъявителем выступит непосредственно потерпевший субъект международного права.

В отношении физических или юридических лиц претензии к правонарушителю при совершении международного правонарушения могут быть предъявлены любым государством или группой государств.

Однако в данном случае особое значение приобретает доказанность вины правонарушителя, а если необходимо, то и сумма материального ущерба. Недостаточно обоснованные претензии порождают международные споры, которые в некоторых случаях могут быть расценены как недружественный акт и вызвать реторсии.

При этом надо иметь в виду, что международное право учитывает следующие обстоятельства, освобождающие субъект от ответственности перед личностью:

- вина самой потерпевшей стороны;
- обстоятельства непреодолимой силы;

- состояние крайней необходимости.

Даже в том случае, если была нарушена норма международного права, эти обстоятельства следует отличать от фактов и действий, которые исключают квалификацию деяния как деликтного. В данном случае следует обратить внимание на основания и примеры нелегитимного применения мер юридической международно-правовой юридической ответственности по отношению к некоторым государствам.

«Гуманитарная интервенция» – ввод вооруженных сил на территорию суверенного государства без санкции ООН – мера, предпринимаемая США в новейшей истории. В международном праве господствует точка зрения, что начальная дата «гуманитарной интервенции» – 1999 год – военное давление Югославии, включая ракетные атаки и бомбардировки. Следует признать, что в 1999 году произошла лишь «обкатка» термина самого по себе, попытка ввести его в международную практику.

Многие «ноу-хау» подобных военных акций отрабатывались и раньше, в том числе, и с применением ракетного нападения и бомбардировок. Среди целого ряда многочисленных войн и вооруженных акций, которые предпринимали США по всему миру уже после появления Устава ООН, привлекают внимание те, что проводились в Гренаде и Панаме. Особое значение получила попытка интервенции в Сомали, поскольку нарабатанный там опыт реализовался в Югославии и Ираке.

Например, под надуманным предлогом проведения превентивной военной акции приказ о применении войск США против островного государства Гренада Карибского бассейна в 1983 г. отдал единолично президент США Рональд Рейган, хотя формально решение о применении военной силы было принято Организацией Государств Восточной части Карибского моря. Поводом для начала военной операции под названием «Urgent Fury» («Вспышка ярости»), по официальным заявлениям американских властей, стало «взятие в заложники» студентов из Соединенных Штатов. Как стало известно впоследствии, власти Гренады просто решили дать студентам охрану, так как незадолго до этого на острове начались вооруженные столкновения. Поводом к обострению обстановки стало убийство своими соратниками лидера местных марксистов, незадолго до этого пришедших к власти. Впрочем, президент Рейган также заявил об угрозе кубино-советской оккупации Гренады, а также оповестил, что там накапливаются запасы оружия, которые могут использовать международные террористы. Как показали дальнейшие события, гренадские военные склады были заполнены устаревшим советским вооружением, новых партий не поступало давно. Позже США объявили, что на острове находится 1.2 тыс. кубинских командос, чему противоречил установленный факт, что кубинцев было не более 200, треть из них – гражданские [1]. Большое количество жертв среди мирного населения непосредственно от действий военных США при захвате острова было отмечено независимыми наблюдателями. Например, от удара палубной авиации, которая разбомбила помещение психиатрической клиники. Реакцией международного сообщества стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 38/7 от 2 ноября 1983 [2].

В качестве другого примера противоправного посягательства на международно-правовые нормы выступает войсковая операция США («Just Cause») в Панаме 1989 года. Решение о вооруженном вторжении и свержении правительства Панамы принял президент Джордж Буш-старший. В качестве квазиправового основания в информационной войне выступила активная нелегитимная роль Панамы и главы государства, генерала Мануэля Антонио Норьеги, в торговле наркотиками (прежде всего речь шла о поставках наркосредств в США), а также то, что в 1980-е гг. город Панама стал международным центром по криминальному отмыванию денег.

В американском вторжении в Панаму можно выделить две особенности. Первая – беспрецедентный масштаб преступлений американских военных. Зарегистрированы

сообщения не только о погибших от бомбардировок, но о расстреле солдатами США мирного населения из автоматического стрелкового оружия на улицах, о том, как американская механизированная бронетехника уничтожала жилые кварталы [3]. В результате этой акции целый квартал Панама, состоящий из частично деревянных строений 1900-х годов, был уничтожен пожарами.

Вторая – войсковые подразделения США практически на неделю отдали город в руки преступников, освобожденных ими из мест заключения. Были разграблены почти все супермаркеты, склады и фирмы. Страна понесла ущерб в 2 млрд. долларов.

В Панаме был впервые создан специально подобранный и проинструктированный контингент журналистов и фоторепортеров, который к началу боевых действий перебрался на тщательно подобранные объекты. Тем не менее эта пресс-группа в основном находилась в местах базирования войск США. Американское командование в зону боевых действий не допускало «нежелательных лиц». В то же время была отработана технология брифингов, пресс-конференций и встреч с видными политиками, бизнесменами и другими влиятельными местными персонами. Не связанных с этой информационной компанией корреспондентов иностранных газет и телекомпаний задерживали по всей стране и даже пытались физически уничтожить. В целях американской пропаганды все радио- и телестанции были оперативно захвачены для последующего использования. Эта схема воспроизводилась в последующем неоднократно, в том числе в 1999 г. в Югославии и в 2003 г. - в Ираке. Надо также учитывать, что информационное прикрытие организовано было заранее и куда более грамотно.

К «гуманитарным интервенциям» можно отнести и операцию в Сомали в 1993 г., которую, в отличие от предыдущих, санкционировала ООН. Пусть не непосредственно, но солдаты США и нескольких других стран находились в стране в качестве миротворцев, а также обеспечивая безопасность доставки гуманитарных грузов [4].

Продекларированной причиной военных действий стало то, что в 1992-1993 гг. боевики сомалийского мятежного генерала Айдида убили четырех солдат военной полиции США. Вашингтон направил в Сомали специальное подразделение “Дельта” для ареста или ликвидации Айдида, явно недооценив его профессиональное военное образование и опыт (он учился в СССР и Италии). В ходе вооруженного противостояния силами Айдида был сбит американский вертолет, трое погибли, толпа таскала по улицам города обезображенные тела морских пехотинцев США. Рейд на штаб-квартиру Айдида состоялся 3-4 октября 1993 г. закончился фиаско. 18 американцев погибли в кварталах Могадишо, реакцией этой жуткой манифестации стало решение президента Клинтона вывести из страны американский контингент. Это одна из самых черных страниц американской военной истории.

Под предлогом предотвращения гуманитарной катастрофы проводилась авиационная война НАТО против Югославии в марте-апреле 1999 года – речь шла о положении беженцев, а также этнических чистках в Косово. Следует отметить, что натовская сторона говорила исключительно о положении албанцев, игнорируя аналогичные проблемы сербского населения. В стратегическую концепцию НАТО с 1999 г. был включен тезис о праве альянса без санкции Совета Безопасности осуществлять «гуманитарные интервенции» по всему миру. В “Стратегии национальной безопасности США” 2002 года содержится право наносить превентивные удары в порядке борьбы с международным терроризмом. В 2005 году “Стратегию” дополнили положением о том, что победа в войне с терроризмом может быть достигнута лишь при условии искоренения режимов в ряде стран. В качестве примеров были названы Иран, Сирия, Киргизия, Узбекистан и Белоруссия. Среди множества заявлений того времени в Конгрессе США звучали мысли о том, что “ООН помогает не людям, а правительствам”, что “проблемы, с которыми мы сталки-

ваемся, большей частью возникают в странах, где правительства находятся в конфликте с собственным народом”. Был сделан вывод, что “эффективная гуманитарная помощь подразумевает нарушение государственного суверенитета”.

Самой известной и крупной военной акции без санкции ООН, конечно же, стала война США и Великобритании с режимом Саддама Хусейна в марте-апреле 2003 года.

В отдельную категорию подобных интервенций можно отнести те, где не участвовали сухопутные войска – т.е. чаще всего воздушные удары. Во всех случаях речь идет об акциях, также не санкционированных ООН. Это – бомбардировки территории Северного Вьетнама в 60-е годы и Камбоджи в 70-е (напомним, что на территории Северного Вьетнама войска США других боевых действий не вели), решение Рональда Рейгана о бомбардировке городов Ливии в 1983 г., и многие другие.

Сразу после принятия Устава ООН запрет на применение силы являлся одним из основных принципов международного права. Однако из-за кардинально различающейся практики государств «запрет применения силы в отношениях между государствами более не является признанной нормой».

Авторы, придерживавшиеся этой позиции, полагали, что в современном международном праве не действует общий принцип, запрещающий применение силы, а существует ряд специальных норм и принципов, запрещающих конкретные случаи такого применения (например, запрет расширения территории через применение силы, ничтожность договоров, заключенных в результате угрозы силой или ее применения, запрет агрессии, и т.д.).

Сторонники этой позиции не учитывают императивный характер принципа неприменения силы или угрозы силой, а также тот факт, что принцип всё ещё продолжает контролировать поведение большинства государств, а государства, которые всё же в определенных ситуациях прибегают к силе, стараются оправдать свои действия правом на самооборону. Такое применение силы в большинстве случаев также подвергается критике со стороны других государств и иных субъектов международного права [5].

Вторая группа исследователей полагает, что, несмотря на то, что толкование ст. 2(4) Устава ООН в строгом и широком смысле более не представляет действующее право, при узком толковании можно выделить некое «ядро» данной статьи, которое продолжает соответствовать официальной практике и в то же время контролировать деятельность государств и, как следствие, является действующим правом. Впрочем, существуют также отдельные нормы, которые действуют «параллельно» с этим «ядром», разрешающие в определенных случаях применение силы (последнее они толкуют шире, чем просто самооборона против совершившегося нападения).

В понимании «ядра» позиции учёных очень значительно разнятся. Некоторые полагают, что основной запрет на применение силы, закрепленный в ст. 2(4) Устава ООН, продолжает действовать, кроме исключений, подтвержденных официальным толкованием и подкрепленных государственной практикой. Они считают, что такими разрешенными исключениями являются вооруженное вмешательство с целью защиты своих граждан, гуманитарная интервенция и упреждающая самооборона (*anticipatory self-defense*),

Другие представители этого направления полагают, что «в той мере, в какой ещё существует правовое обязательство в ст. 2(4) Устава ООН, в противоположность моральному, оно заключается в обязательстве воздержаться от *явной агрессии*, которая включает применение непропорциональной силы и нарушает другие принципы Устава». Под «явной агрессией» понимаются такие действия, как применение силы с целью приобретения территории, для достижения политического господства и для совершения геноцида. Однако все остальные аспекты ст. 2.4 Устава ООН, кроме как в случае явной агрессии, не создают правовых обязательств [6].

Общим среди всех исследователей этой группы является их предположение, что ст. 2(4) Устава составляет основу существующего *jus ad bellum*. С другой стороны соглашаясь и обосновывая множество исключений из общего правила, они смотрят на ст. 2 (4) в строгом смысле больше как на цель, чем как на действующий принцип международного права.

С 1956 года кодификацией норм института международно-правовой ответственности занимается Комиссия международного права ООН, в центре внимания которой находятся проблемы ответственности государств за правонарушения, наносящие вред общим устоям международного правопорядка.

Согласно ст. 2. «проекта статей», выработанных Комиссией международного права ООН, элементы международно-противоправного деяния государства международно-противоправное деяние государства имеют место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:

- a) совершается государством в соответствии с международным правом;
- b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.

Ст. 3. «Квалификация деяния государства как международно-противоправного» гласит, что деяние государства как международно-противоправного определяется международным правом. На такую квалификацию не влияет квалификация этого деяния как правомерного по внутреннему праву.

Контрмеры предпринимаются против государства, которое несет ответственность за международно-противоправное деяние, с целью побудить это государство выполнять свои обязательства согласно части II указанного проекта статей. Они ограничены временным невыполнением международных обязательств государства, предпринимающего такие меры в отношении несущего ответственность государства. Контрмеры должны, по возможности, предприниматься таким образом, чтобы позволить возобновление выполнения соответствующих обязательств.

Контрмеры являются важнейшим аспектом его имплементации, не будучи частью института ответственности государств. На практике контрмеры — наиболее доступное и эффективное средство, которое может быть использовано потерпевшим государством для того, чтобы добиться от ответственного государства прекращения противоправного деяния и возмещения причиненного таким деянием вреда. При этом они обоснованны и правомерны лишь до тех пор, пока эти цели не достигнуты. На наш взгляд, в главе II части 3 проекта статей нашли должное закрепление положения, касающиеся целей, пределов, соразмерности и условий применения контрмер, а также обязательства, их включающие.

Противоправность деяния государства, не соответствующего международному обязательству в отношении другого государства, исключается, если и в той мере, в какой это деяние является контрмерой, предпринятой против последнего государства в соответствии с главой II части III проекта статей [7].

В противовес приведенным выше нелегитимным мерам международно-правовой ответственности, по нашему мнению, может иметь место правовой институт допустимости воздействия на государство, которое систематически нарушает права и свободы своих граждан, в том числе посредством введения в отношении такого государства комплекса санкций экономического, политического, правового и военного характера. Что касается последних, видится вполне обоснованным их применение при наличии обращения населения и его регионального руководства к международному сообществу, иностранному государству за защитой попираемых прав. Полагаем, подобные меры могут быть признаны легитимными при выполнении ряда следующих условий:

1) систематическое грубое нарушение и подавление естественных прав и свобод личности, в том числе права на жизнь и здоровье;

2) неоднократное обращение населения и его регионального руководства в различные государственные организации, органы международного сообщества за помощью для прекращения акций подавления, геноцида, расовой сегрегации и т.п.;

3) невозможность принятия единодушного решения по данному вопросу международным сообществом в лице легитимных международных органов в силу различных причин (например, реализации права вето на решения Совета Безопасности ООН по оказанию гуманитарной помощи и введения полицейских сил ООН на территорию государства, где нарушаются права и свободы личности).

Акция России по понуждению Грузии к миру в августе 2008 года может послужить примером легитимного привлечения государства к юридической международно-правовой ответственности в связи с известными событиями. Известно, что к российскому руководству с просьбой о помощи обращались как законные представители Южной Осетии, так и отдельные граждане из числа мирного населения – граждане Российской Федерации и Республики Грузия, подвергающиеся насилию.

Согласно своей Конституции, Российская Федерация обеспечивает защиту и покровительство своим гражданам и за ее рубежами. Таким образом, оказание помощи гражданам России, проживающим на территории конфликтного региона, являлось конституционной обязанностью российских властей. Действия вооруженных сил РФ соответствовали принципу пропорциональности – контрмеры должны быть соразмерны причиненному вреду с учетом тяжести международно-противоправного деяния и затронутых прав.

Правовая допустимость действий России также может быть обоснована тем, что они способствовали реализации юридической ответственности Грузии перед собственными гражданами – претерпеванию этим государством неблагоприятных последствий в виде материальных потерь (уничтожение военного имущества и инфраструктуры, объектов двойного применения и других военных целей, использованных политическим режимом Грузии для совершения международно-правовых деяний против собственных граждан и граждан других стран), других составляющих (падение престижа государства, моральное осуждение, рост протестных настроений внутри самого грузинского общества).

Таким образом, подобная правовая допустимость реализации международно-правовой ответственности государств в исключительных случаях позволяла бы обеспечить неукоснительность соблюдения общепризнанных прав и свобод личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доценко В.Д. Флоты в локальных конфликтах второй половины XX века. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 38/7 от 2 ноября 1983 г. Режим доступа: <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/448/79/IMG/NR044879.pdf?OpenElement>.
3. Строгинов Б. Васильев Д. «Джаст Коз» – военная операция США против Панамы // Зарубежное военное обозрение. № 6. 1990.
4. The United Nations and Somalia — 1992-1996; Blue Books Series, Volume VIII, вступительные замечания Генерального секретаря Организации Бутроса-Бутроса Гали (United Nations Publication, Sales No. E.96.1.8).
5. Орбелян А.С. Право государств на применение вооружённой силы в условиях современных международных отношений. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Абашидзе А. Х. Международно-правовые проблемы вмешательства // Московский журнал международного права. 2006. № 1. С.360-373.
7. Колосов Ю.М. Соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств и принципа уважения прав человека / Ю. М. Колосов // Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований/ Под ред. А.В. Торкунова; Российская

ассоциация междунар. исследований; МГИМО(У). М.: РОССПЭН, 2003. С. 561-562.

I. Marov

TO DEVELOP THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY OF THE STATE TO THE INDIVIDUAL.

Abstract. This article is devoted to the development problems of the international legal responsibility of the state before the individual. The author believes that may be a legal institution impact on the admissibility of a State that systematically violates human rights and freedoms of its citizens, including through the imposition on such a complex state of economic sanctions, political, legal and military nature.

Key words: jus gentium, constitutional law, legal liability, United Nations Charter, 2008 South Ossetia war.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 1 СТ. 312 УК РФ

Аннотация. Вопрос конкуренции ч. 1 ст. 312 УК РФ с уголовно-правовыми нормами, закрепленными ст.ст. 160 и 177 УК РФ, является одним из наиболее актуальных вопросов правоприменительной практики расследования уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ. В целях правильной квалификации незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, в настоящей публикации проанализированы признаки состава данного преступления в их соотношении с признаками составов преступлений, закрепленных в ст.ст. 160 и 177 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм, растрата, злостное уклонение

В процессе квалификации незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, наибольшие трудности возникают при определении соотношения ч. 1 ст. 312 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) с некоторыми смежными составами преступлений.

Анализ практики деятельности органов дознания Федеральной службы судебных приставов по расследованию уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, свидетельствует, что в настоящее время повышенный интерес со стороны правоприменителя вызывают вопросы соотношения ч. 1 ст. 312 УК РФ со ст.ст. 160 и 177 УК РФ.

В целях правильной квалификации незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, рассмотрим признаки состава данного преступления в их соотношении с признаками составов преступлений, закрепленных в ст.ст. 160 и 177 УК РФ.

Составы преступлений можно считать смежными, если они частично совпадают и пересекаются друг с другом по ряду признаков, хотя по каким-то другим признакам различаются [2, 6].

Составы преступлений могут иметь лишь один несовпадающий признак, несколько несовпадающих признаков или не иметь между собой ни одного общего признака (кроме возраста и вменяемости). Следует согласиться с мнением Е.В. Благова о том, что «составы, имеющие лишь один несовпадающий признак (именно они в узком смысле действительно являются смежными), легче всего смешать при неправильном понимании их специфических признаков. Разграничение составов, имеющих несколько несовпадающих признаков, должно происходить по каждому такому признаку, иначе говоря, является комплексным» [3].

Под конкуренцией норм понимаются случаи, «когда в содеянном устанавливаются признаки двух и более составов преступления» [4]. Следует отметить, что конкуренция норм отличается от соотношения смежных составов. При конкуренции норм только одна из них имеет признаки, отсутствующие в другой, но в этой другой норме нет признаков, которых не было бы в первой [5].

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, различается с другими составами по нескольким признакам. В числе составов, имеющих наименьшее число разграничивающих признаков, можно назвать ст. 160 УК РФ.

Согласно ст. 160 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за присвоение или растрату, т.е. хищение чужого имущества, вверенного виновному. Преступление, предусмотрен-

ренное ст. 312 УК РФ, также может быть совершено путем растраты чужого имущества.

Теоретически оценивая ст. 160 и ч. 1 ст. 312 УК РФ, некоторые авторы указывают, что термин «растрата» в названных составах преступлений имеет различную смысловую нагрузку, в связи с чем его использование в рассматриваемом случае можно считать несоблюдением правил законодательной техники. Например, А. Друзин в качестве обоснования вышеназванного тезиса утверждает: «...если представить, что растрата, указанная в ст. 160 УК, и растрата, указанная в ст. 312 УК, – одно и то же правовое понятие, то надо признать, что хищение арестованного имущества, совершенное путем растраты, менее опасное преступление, так как санкции указанных статей отличаются друг от друга: ч. 1 ст. 160 УК предполагает в качестве наиболее строгого наказания лишение свободы на срок до трех лет, а ч. 1 ст. 312 – лишение свободы на срок до двух лет. Хотя, казалось, при таком предположении растрата указанного в ст. 312 УК имущества должна бы считаться более тяжким преступлением, поскольку нарушаются сразу две группы общественных отношений: интересы правосудия и собственность» [6]. Безусловно, А. Друзин прав в том, что определенный законодателем характер общественной опасности деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ, небыл оспорен и требует корректировки, однако непонятно, какое это имеет отношение непосредственно к термину «растрата».

Преступления, предусмотренные ст. 160 УК РФ, являются составным элементом системы преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ). Примененный же законодателем в ч. 1 ст. 312 УК РФ термин «растрата» обозначает не только хищение. Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, под хищением в статьях УК РФ понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. При растрате арестованного имущества мотив не имеет значения и может быть безупречным. Кроме того, виновный может действовать в интересах собственника растратенного имущества (например, руководитель в интересах возглавляемого им юридического лица; совместно проживающий с собственником близкий родственник и т. п.), следовательно, в результате растраты арестованного имущества ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества может и не быть причинен. В остальных случаях ущерб причиняется равным образом не только собственнику или владельцу имущества, но и взыскателю или истцу. Таким образом, объем содержания термина «растрата» в ч. 1 ст. 312 УК РФ несколько шире, чем в ст. 160 УК РФ, но в обоих случаях это обращение в пользу других лиц чужого имущества, вверенного виновному.

В теории уголовного права считается, что предметом хищения может быть только чужое имущество [7]. Данная правовая позиция подтверждена в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности». Рассматриваемый юридический признак непосредственно указан законодателем в диспозиции ст. 160 УК РФ. Напротив, предусмотренные в ч. 1 ст. 312 УК РФ незаконные действия могут быть совершены как в отношении собственного (сокрытие, отчуждение и незаконная передача), так и в отношении чужого имущества (сокрытие, растрата, незаконная передача и осуществление банковских операций).

Рассматриваемые составы преступлений легко разграничить по признаку предмета преступления. В отличие от ст. 160 УК РФ, предметом предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ преступления является только лишь такое имущество, которое подвергнуто описи или аресту и передано на хранение или под охрану лицу, которое приняло на себя обязательство по соответствующему хранению или охране.

Составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 160 и ч. 1 ст. 312 УК РФ, могут быть разграничены также по признаку субъекта преступления. Несмотря на то, что в обоих нор-

мах лицо, подлежащее уголовной ответственности, характеризуется признаками специального субъекта преступления, тем не менее субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, имеет специфические черты, отличающие его от субъекта преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. В частности, субъектом присвоения или растраты может быть вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которому имущество вверено на законном основании с определенной целью. Имущество считается вверенным, когда лицу переданы юридические полномочия собственника имущества [8]. Субъект преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ, более конкретен. Арест имущества (за исключением ареста, который исполняется регистрирующими органами государственной власти) производится с составлением акта ареста имущества (описи имущества), с последующей передачей на хранение (применительно к движимому имуществу) или под охрану (применительно к недвижимому имуществу) ответственному хранителю под роспись в акте ареста имущества (описи имущества) и разъяснением положений ст. 312 УК РФ. Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, добровольно под роспись в акте ареста имущества (описи имущества) после предупреждения об уголовной ответственности за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, принимает имущество с целью обеспечения его сохранности.

Принятие имущества на ответственное хранение – это право, а не обязанность субъектов, в связи с чем представляется ошибочным вывод Д.Ю. Виноградова, который указывает, что «применительно к ч. 1 ст. 312 УК РФ следует говорить о властном подчинении одной стороны другой, т.к. хранитель назначается» [9].

Уголовно-правовую норму, установленную ч. 1 ст. 312 УК РФ, следует соотносить также со ст. 177 УК РФ, поскольку указанные нормы, как справедливо отмечено в юридической литературе, в определенных случаях могут конкурировать.

Например, Б.Д. Завидов, М. И. Слюсаренко и А. П. Коротков указывают, что ч. 1 ст. 312 УК РФ находится в конкуренции со ст. 177 УК РФ [10]. Напротив, М. В. Феоктистов, анализируя названные правовые нормы, приходит к весьма некорректному выводу: если при уклонении от погашения кредиторской задолженности виновный растрчивает, отчуждает или предпринимает иные незаконные действия в отношении описанного или арестованного имущества, препятствует удовлетворению требований кредитора за счет такого имущества путем его сокрытия, содеянное подлежит квалификации по совокупности ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ [11].

Идеальная совокупность будет иметь место, только если одним деянием совершено два и более преступлений, при этом содеянное одной уголовно-правовой нормой не охватывается [12].

Безусловно, незаконные действия в отношении арестованного имущества препятствуют принудительному удовлетворению требований кредитора. В некоторых случаях такие действия могут затруднить или сделать исполнение соответствующего судебного акта невозможным. Тем не менее злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг возможно не только путем незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, но и другим способами. В частности, предусмотренное в ст. 177 УК РФ преступление чаще всего совершается посредством отчуждения или сокрытия имущества еще до его ареста.

Таким образом, ч. 1 ст. 312 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 177 УК РФ. Вследствие этого квалификация содеянного по совокупности ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ возможна лишь в тех случаях, когда назначенное хранителем арестованного имущества лицо, помимо растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи этого имущества, совершает еще и иные действия с целью уклонения от погашения кредиторской задолженности. В случаях, если ответственный хранитель в целях уклонения от погашения

кредиторской задолженности совершил только растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу имущества, подвергнутого описи или аресту, которое ему вверено, совокупность ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ отсутствует и содеянное следует квалифицировать только по ч. 1 ст. 312 УК РФ.

Предлагая уголовно-правовую оценку признаков ч. 1 ст. 312 УК РФ в их соотношении со ст. 160 и 177 УК РФ, можно сформулировать следующие выводы.

Анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, позволяет констатировать, что эта норма может считаться частично смежной по отношению к ч. 1 ст. 312 УК РФ и лишь в некоторых случаях между ними возможна конкуренция.

Составы преступлений, предусмотренных ст. 177 и п. 1 ст. 312 УК РФ, также в некоторых случаях могут конкурировать. При этом ст. 177 УК РФ будет общей, а ч. 1 ст. 312 УК РФ – специальной нормой.

Использование предложенной уголовно-правовой оценки соотношения ч. 1 ст. 312 УК РФ с другими уголовно-правовыми нормами позволит при возникновении рассмотренных ситуаций исключить ошибки в правоприменительной практике

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учеб. пособие. Красноярск, 1998. С. 6.
3. Благов Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль, 2003. С. 34.
4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 210.
5. Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 215.
6. Друзин А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. 2002. № 10.
7. Векленко В. В. Квалификация хищений: Монография. Омск, 2001. С. 76; Завидов Б. Д. Уголовно-правовой анализ кражи // Адвокат. 2002. № 5.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д.ю.н. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 369.
9. Виноградов Д.Ю. Уголовно-правовая оценка признаков ч. 1 ст. 312 УК РФ в их соотношении со ст. 157, 160, 177, 199.2 и 315 УК РФ // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2006. № 4. С. 72.
10. Зовидов Б. Д., Слюсаренко М. И., Короткое А. П. Уголовно-правовой анализ мошенничества, присвоения или растраты и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (Комментарий статей главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Адвокат. 2002. № 6.
11. Феоктистов М. В. Ответственность за незаконное получение кредита и уклонение от погашения кредиторской задолженности: Проблемы теории и практики // Банковское право. 2001. № 1.
12. Малков В. П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 158; Пинчук В. И. Квалификация преступлений при их совокупности: Конспект лекций. Л., 1988. С. 14 и др.

Y. Olenchev

ON SOME PROBLEMS OF CRIMES, UNDER PART 1 OF ARTICLE 312 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA

Abstract. The matter of competition of part 1 article 312 of Criminal code of the Russian Federation with criminal norms in the following articles –160 and 177 of Criminal code of the Russian Federation is one of the most actual matters of law-enforcement practice when criminal actions are brought in accordance with part 1 article 312 of Criminal code of the Russian Federation.

In order to qualify properly the illegal actions in relation to the inventory of attached property, this issue deals with elements of a crime in part 1 article 312 of Criminal code of the Russian Federation in accordance with elements of crimes in articles 160 and 177 of Criminal code of the Russian Federation.

Key words: qualification of crime, competition of criminal norms, embezzlement, intentional avoidance.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства входят раздел «Преступления против государственной власти». Данные преступления наносят ущерб интересам общества, личности и государства. Автором показано, что для классификации данного вида преступлений большое значение имеет проблема определения субъекта.

Ключевые слова: преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; субъект преступления.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] как система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, в качестве приоритетных стратегических целей обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выдвигает защиту основ конституционного строя РФ, охрану суверенитета РФ, её независимость и территориальную целостность. Для достижения вышеозначенной цели стратегия национальной безопасности РФ главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности обозначила следующие: усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности; совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом и др. [2]

Государство – это основной институт политической системы современного общества. Именно государство обеспечивает единство разнообразных компонентов политической системы. Оно призвано быть не только самостоятельным субъектом политических отношений, но и создавать необходимые условия для реального обеспечения конституционных принципов организации и деятельности политической системы, реального действия политических прав и свобод граждан [3]. Таким образом, в триаде общественно-ценностных приоритетов: личность-общество-государство последнее звено обладает системообразующим характером.

В последнее время необходимость приоритетной охраны государственных интересов объясняется тем, что без первоочередного обеспечения основ конституционного строя, целостности и безопасности государства охрана интересов отдельных лиц может оказаться пустой фикцией в стихии социальных катаклизмов [4]. Уголовно-правовая охрана безопасности государства и основ конституционного строя приобретает особое значение в правовом пространстве РФ начала XX века.

За период действия УК РФ 1996 г. преступления против основ конституционного строя и безопасности государства демонстрируют весьма негативную тенденцию роста [5]. Данная группа преступлений направлена против основополагающих устоев взаимоотношений общества, государства и личности, против основных принципов устройства государственной власти и незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности [6].

К группе преступлений против основ конституционного строя и безопасности госу-

дарства относятся следующие: государственная измена (ст. 275), шпионаж (ст. 276), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), диверсия (ст. 281), возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), организация экстремистского сообщества (ст. 282¹), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282²), разглашение государственной тайны (ст. 283), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ).

Несмотря на то, что в структуре преступности преступления против основ конституционного строя и безопасности государства занимают незначительное место, их оценка смещается от количественных показателей к исключительной опасности для общества и государства даже единичных фактов государственной измены, шпионажа, диверсии, вооруженного мятежа и др. [7] Каждое из государственных преступления способно принести чрезвычайный, а иногда и непоправимый ущерб интересам внутренней и внешней безопасности [8].

Важное значение при квалификации деяний имеет определение субъекта преступления. Субъектом преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства могут выступать граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. Субъект рассматриваемых преступлений, как правило, общий - это физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Возраст имеет значение для разграничения составов преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, включающих признаки убийства, умышленного причинения тяжкого средней тяжести вреда здоровью, умышленного уничтожения или повреждения имущества при отягчающих обстоятельствах и некоторых других деяний, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ за перечисленные преступления установлен возраст уголовной ответственности с 14 лет [9].

Говоря о преступлениях, предусмотренных главой 29 УК РФ, необходимо учитывать, что анализируемые преступления относятся к разряду деяний, привлечение к ответственности за которые возможно на основании реального принципа действия уголовного закона по кругу лиц. Согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступления вне пределов России, подлежат ответственности по УК РФ в случаях, если совершенное ими преступление направленно «против интересов Российской Федерации». Но при условии, что они не были осуждены в иностранном государстве и привлечены к ответственности на территории России [10].

Некоторые преступления предполагают наличие специального субъекта, т.е. это лицо, которое кроме общих признаков характеризуется дополнительными признаками, предусмотренными статьями Особенной части УК РФ и отражающими специфические свойства преступника и определяют квалификацию совершенного им деяния. В качестве последнего может выступать: гражданин Российской Федерации (ст. 275); иностранный гражданин или лицо без гражданства (ст. 276); лицу, которому государственная тайна была доверена или стала известна по службе или работе (ст. 283); лицо, имеющее доступ к государственной тайне (ст. 284 Кодекса).

Гражданство как признак специального субъекта статей 275 и 276 УК РФ указывает на особенности привлечения к уголовной ответственности с учетом требований законодательства, регламентирующего это состояние. Поэтому лицо не подлежит уголовной ответственности за деяние, содержащие признаки государственной измены, совершенное до принятия гражданства России, даже если уголовное дело было возбуждено после принятия данным лицом гражданства РФ. Указанное положение следует из текста ст. 275

УК РФ: «Государственная измена... , совершенная гражданином Российской Федерации». Таким образом, закон подразумевает совершение общественно опасных деяний, субъектами которых являлись российские граждане.

Гражданство – это политическая и правовая принадлежность лица к конкретному государству. Она проявляется во взаимоотношении между государством и лицом, находящимся под его властью: государство наделяет гражданина правами, защищает и покровительствует ему за границей. В свою очередь, гражданин обязан соблюдать законы и выполнять установленные им обязанности. Совокупность этих прав и обязанностей составляет политико-правовой статус гражданина, отличающей его от иностранных граждан и лиц без гражданства [11].

Гражданами России признаются лица, которые приобрели гражданство по основаниям, установленным Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», и не прекратили своего гражданства [12]. В случае утраты гражданства России, но при условии совершения преступления до такой утраты, действия виновного подлежат квалификации по ст. 275 УК РФ, даже если в случае возбуждения уголовного дела после утраты гражданства, так как в момент совершения деяния лицо обладало всеми признаками субъекта преступления. Потеря этих признаков и приобретение к моменту возбуждения уголовного дела иностранного гражданства на квалификацию не оказывают влияние, так как в соответствии со ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления.

В связи с тем, что государственная измена и шпионаж характеризуются специальными субъектами, большое значение имеет выяснение вопроса о квалификации действий иностранца или лица без гражданства, виновных в соучастии в преступлении, предусмотренном ст. 275 УК РФ и российского гражданина, виновного в соучастии в преступлении, предусмотренном ст. 276 УК РФ.

Современная наука уголовного права рассматривает проблему субъектов преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ, вызванную нестыковкой данных норм в определении признаков шпионажа, приводящей, например, к тому, что если гражданин РФ по заданию иностранной организации собрал и передал ей сведения, составляющие государственную тайну, при этом указанная организация занимается не враждебной деятельностью против России, в частности, культурной или экологической, то с точки зрения ст. 275 УК РФ шпионажа как формы государственной измены нет, а с точки зрения ст. 276 УК РФ шпионаж налицо. Однако гражданин РФ субъектом шпионажа по ст. 276 УК РФ не является, и отвечать за такое деяние не должен [13].

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о привлечении к уголовной ответственности за шпионаж иностранных разведчиков, использующих дипломатический иммунитет. В соответствии с ч. 4 ст. 11 УК РФ, делающей исключение из принципа наказуемости всех лиц, совершивших преступление на территории России, вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права. К дипломатическим представителям, обладающим правом дипломатической неприкосновенности, относятся: главы дипломатических представительств в ранге послов, посланников или поверенных в делах и члены дипломатического персонала представительств; советники, торговые представители и их заместители; военные, военно-морские и военно-воздушные атташе и их помощники; первые, вторые и третьи секретари, атташе и секретари-архивисты, а также члены смей глав и дипломатического персонала представительств, если они проживают с указанными лицами и не являются российскими гражданами. Правом дипломатической неприкосновенности пользуются

также представители иностранных государств, члены парламентских и правительственных делегаций, а также члены семей указанных лиц, которые их сопровождают, если они не являются российскими гражданами [14].

Лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, не подлежат без согласия государства, которое они представляют, привлечению к уголовной ответственности в стране пребывания. Поэтому с учетом требований уголовного законодательства и на основе заключенных Россией международных соглашений обозначенных иностранцев, уличенных в проведении шпионажа, как правило, объявляют «*persona non grata*» (лицами, не пользующимися доверием) и выдворяют из нашей страны» за деятельность, не совместимую с дипломатическим статусом [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537"О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года" // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года".
3. См.: Юридический энциклопедический словарь / Буянова М.О. и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 146; Саркисова Н.А. Государство в политической системе общества переходного периода // История государства и права. 2009. № 4. С. 5.
4. См.: Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 27-28.
5. См.: Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. - Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. С. 138.
6. См.: Савинский А.В. Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного права и безопасность государства. - Архангельск: Поморский ун-т, 2008. С. 9.
7. См.: Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Городец, 2006. С. 336.
8. См.: Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С.20.
9. См.: Царев Д.В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России. России: Дисс. ...канд. юрид. наук. - Иваново, 2005. С. 193.
10. См.: Пудовочкин Ю.Е. Указ. соч. С. 23-24.
11. См.: Слободянюк И.А. К вопросу о субъекте государственной измены // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия "Право в Вооруженных Силах - консультант". "За права военнослужащих", 2007.
12. Собрание законодательства РФ. 2002. № 22.Ст.2031.
13. См.: Игнатъев А. Статьи 275 и 276 УК РФ нуждаются в совершенствовании // Уголовное право. - 2002. - № 1. - С. 16-17.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. - СПб.: Питер, 2008. С. 23.
15. Царев Д.В. Указ. соч. С. 199-200.

R. Skripin

THE DIFFICULTIES IN DEFINING THE SUBJECT OF CRIME IN OFFENCES AGAINST THE POLITICAL SYSTEM FOUNDATIONS AND THE SECURITY OF THE COUNTRY.

Abstract. The offences against the constitutional system and security of the country belong to "offences against the government". Such crimes harm social, personal and state interests. The author shows the importance to define the subject of crime for the classification of offences described.

Keywords: offences against the constitutional system and security of the country; the subject of crime.

НАШИ АВТОРЫ

Абдулкадыров Сергей Салимович - аспирант Российской академии правосудия, e-mail: geam11@rambler.ru

Аксенова Анастасия Николаевна - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета, 89154718377, e-mail: ctasenska@yandex.ru

Баранов Юрий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент МГОУ, e-mail: Ciwilist@rambler.ru

Гольшев Вадим Григорьевич – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: Ciwilist@rambler.ru

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета, e-mail: avgrinenko@mail.ru

Кирсанов Анатолий Иванович - кандидат политических наук, проректор Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: kirsanov_ai@mail.ru

Клычников Владимир Михайлович - доцент, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, e-mail: Klychnikov309@mail.ru

Коляда Алексей Владимирович – референт Управления по контролю за следственными органами Следственного комитета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, e-mail: avkolyada@mail.ru

Королев Юрий Никитович – старший преподаватель кафедры ГПД МГОУ, заслуженный работник МВД, полковник милиции в отставке, Государственный советник РФ 2 класса, e-mail: Ciwilist@rambler.ru

Маевский Сергей Сергеевич - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Брянского Государственного Университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: stelgood@mail.ru

Маров Игорь Викторович - Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, аспирант (Абакан), 8-962-848-04-04

Микаилов Самир Мурсалович - соискатель Академии управления МВД России, e-mail: smm45@mail.ru

Оленьчев Юрий Александрович - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета, e-mail: ctasenska@yandex.ru

Прыткова Юлия Игоревна - аспирант ННГУ им. Лобачевского, e-mail: mindliny@mail.ru

Рыхтик Михаил Иванович - доктор политических наук, профессор, ННГУ им. Лобачевского e-mail: mindliny@mail.ru

Скрипин Роман Евгеньевич - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. Академика А.Г. Петровского, e-mail: rosavto@ipcity.ru

Смахтин Евгений Владимирович - кандидат юридических наук, доцент института государства и права Тюменского государственного университета, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, 8-922-266-4499

Степанова Наталья Сергеевна - аспирант Дипломатической Академии МИД РФ, e-mail: mindliny@mail.ru

Содержание

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Абдулкадыров С. С. ОБЛИГАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	3
Баранов Ю. В. ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФАБРИКАНТАМИ И РАБОЧИМИ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	8
Кирсанов А.И. АФГАНИСТАН КАК НАРКОГОСУДАРСТВО	15
Клычников В.М. ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ	21
Прыткова Ю. И., Рыхтик М. И. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	30
Степанова Н. С. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И КНДР	36

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Гриненко А.В. ДОКАЗЫВАНИЕ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО)	42
Коляда А.В. УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ	46
Маевский С. С. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ЗАЩИТНИКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	50
Смахтин Е. В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЪЕКТОВ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	57

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Гольшев В.Г. К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПОВ ЧАСТНОГО ДЕЛИКТНОГО ПРАВА	64
---	----

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Королев Ю.Н. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (СЛУЖБ БЕЗОПАСНОСТИ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (ПРЕДПРИЯТИЙ) В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ В КОММЕРЧЕСКОЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	69
Микаилов С.М. СЕРВИСНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИМУЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	77

Трибуна молодого ученого

Аксенова А.Н. СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА СУДА, РЕШЕНИЯ СУДА И ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА	82
Маров И.В. К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ	89
Оленьчев Ю.А. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 1 СТ. 312 УК РФ	96
Скрипин Р.Е. К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	100
НАШИ АВТОРЫ	104

CONTENT
HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

S. Abdulkadyrov	
BONDS: HISTORICAL ASPECT	3
Y. Baranov	
LEGAL MEASURES TO ESTABLISH THE RELATIONSHIP BETWEEN EMPLOYERS AND WORKERS IN MOSCOW AND MOSCOW PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY	8
A. Kirsanov	
BUSINESS OF DRUGS IN AFGANISTAN	15
V. Klychnikov	
THE MAXIMUM VALUES OF THE STATE: A PROBLEM OF PARITY LEGAL AND CIVILIZED VARIABILITIES	21
Y. Prytkova, M. Rykhtik	
DEMOGRAPHIC SECURITY OF RUSSIA: TENDENCES OF DEVELOPMENT	30
N. Stepanova	
INFORMATION WARFARE BETWEEN JAPAN AND DPRK	36

UKRELENIE LAW, CRIME

A. Grinenko	
PROVING IN COMPETITIVE CRIMINAL TRIAL (PRE-JUDICIAL PROCEDURE)	42
A. Kolyada	
PARTICIPATION OF THE EXPERT IN INVESTIGATION OF THE CRIMES CONNECTED WITH LEGALIZATION (WASHING UP) OF MONEY RESOURCES	46
S. Maevskiy	
PROCEDURAL AND CRIMINALISTICS SIGNIFICANT ASPECTS OF ACTIVITY OF INVESTIGATORS AND DEFENDERS AT CARRYING OUT SEPARATE INVESTIGATORY ACTIONS	50
E. Smakhtin	
INTERACTION BETWEEN THE OBJECTS OF COGNITION IN CRIMINALISTICS	57

PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

V. Golyshev	
TO A QUESTION ABOUT THE SYSTEM AND THE CONTENT OF THE PRINCIPLES OF PRIVATE TORT LAW	64

SELECTED ISSUES OF LAW AND ENFORCEMENT

Y. Korolyov	
THE ROLE AND IMPORTANCE OF DIVORCED UNITS OF PRIVATE SECURITY ORGANIZATIONS (SAFETY SERVICES) OF LEGAL ENTITIES (COMPANIES) IN CRISIS AND INCREASED COMPETITION IN THE COMMERCIAL (BUSINESS) ACTIVITIES	69
S. Mikailov	
SERVICE NATURE OF THE INTERNAL ORGANS AFFAIRS TO ENSURE THE SECURITY OF PROPERTY BUSINESSES AND INDIVIDUALS	77

TRIBUNE YOUNG SCIENTISTS

A. Aksenova	
SOCIAL VALUE OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAULT OF A SENTENCE OF COURT, JUDGEMENT AND OTHER JUDICIAL CERTIFICATE	82

I. Marov	
TO DEVELOP THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY OF THE STATE TO THE INDIVIDUAL	89
Y. Olenchev	
ON SOME PROBLEMS OF CRIMES, UNDER PART 1 OF ARTICLE 312 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA	96
R. Skripin	
THE DIFFICULTIES IN DEFINING THE SUBJECT OF CRIME IN OFFENCES AGAINST THE POLITICAL SYSTEM FOUNDATIONS AND THE SECURITY OF THE COUNTRY	100
OUR AUTHORS	104

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых на-учных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 06.07.2007г. (см. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

- а) авторская анкета (отдельный файл):
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
 - адрес (с указанием почтового индекса);
 - номера контактных телефонов;
 - адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
 - желаемый месяц публикации.
- б) фамилия, имя на английском языке;
- в) название статьи на русском и английском языках;
- б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**;
- в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7слов) под заголовком **Key words**;
- г) список использованной литературы под заголовком Список Литературы, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК 361.1:8

Иванов И.И.

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

Текст статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

.....

I. Ivanov

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S.MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION
IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract.....

Key words:.....

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. На-при-мер: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авто-ров использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использован-ной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на точность библиографического оформления статей. Обращаем также внимание на выверенность статей в компьютерных наборах и полное соответствие файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в тексто-вой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Фило-софские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766 ; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!

Ответственный редактор серии «Юриспруденция» – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук МГОУ Голышев Вадим Григорьевич.

Адрес редколлегии серии «Юриспруденция» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а, МГОУ, кафедра гражданско-правовых дисциплин.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: center-press2004@mail.ru, тел. (499) 261-43-41, (495) 723-56-31 (Беляева Людмила Валентиновна).

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Юриспруденция»

№ 1

Подписано в печать: 10.02.2010.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «Warnock Pro».
Уч.-изд. л. 8,4. Усл.п.л. 7,25. Тираж 280 экз. Заказ № 23.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а
тел/факс (495) 723-56-31